

Академия гуманитарных исследований
Издательский дом «Гуманитарий»
Журнал «Философские науки»

Готовится к изданию

«ПРОЕКТИВНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ»

Новые термины и понятия»
под редакцией

Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна.

Издание 2-е, расширенное и доработанное

Многомерное раскрытие личности — путь к преодолению социальной отчужденности и агрессии. Речь идет о перспективах нового гуманизма.

Г. Тульчинский

Если философ любит мысль, ему хочется производить от нее новые понятия, идеи, облекать их в новые слова.

М. Эпштейн

Первое издание словаря, выпущенное издательством «Алетейя» (Санкт-Петербург) в 2003 г., — лауреат и номинант ряда конкурсов салонов и выставок — сразу же стало библиографической редкостью.

Впервые реализована идея Словаря нового типа — эвристического протословаря, внедряющего в плоть культуры новые концепты, создающего новые точки роста мысли.

Этот уникальный опыт резко расширяет возможности понять начавшееся перерождение мира и человека, представить утраты условием новых обретений, преобразовав накопленное, переправить его на другой берег новой, иной истории, усилить центростремительное движение периферии культурного поля. Речь идет о реальных конструктивных усилиях вступить во взаимодействие с тем «завтра», которое уже сегодня решительно испытывает культуру и сознание.

Подборки новых фрагментов Словаря регулярно публикуются в журнале «Философские науки», начиная с № 9 за 2009 год.

В ближайшее время будет объявлена подписка на 2-е издание словаря.

См. стр. 94 — 101, 112 — 115

12`2010

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

- ◆ ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ
- ◆ ИРРЕАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
- ◆ ИНФЕРНАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТИКА
- ◆ КОНТРАЦЕПТИВНАЯ ГУМАНИСТИКА
- ◆ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ЗАРОК
- ◆ КРОНА СЛОВА
- ◆ МОРАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ 12/2010

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

Подписной индекс журнала «Философские науки»
в Объединенном каталоге «Пресса России» — 45490

Подписка в редакции — по электронному адресу: academyRH@list.ru

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

12/2010

Москва
Гуманитарий

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Редакционный совет:

Алексеев П.В., Апресян Р.Г., Губин В.Д., Гусейнов А.А.,
Доброхотов А.Л., Журавлев А.Л., Кристиан Д., Кузнецова Т.Ф.,
архимандрит Макарий, Мариносян Х.Э. (председатель),
Мионов В.В., Павлов А.Т., Пивоваров Ю.С., Розин В.М.,
Рыбаков Р.Б., Рябов В.В., Солонин Ю.Н., Степанянц М.Т.,
Степин В.С., Толстых В.И., Турбовской Я.С., Фельдштейн Д.И.

Редакция:

Аршинов В.И., Водолазов Г.Г., Пантин В.И., Порус В.Н.,
Розин В.М., Северикова Н.М., Сиземская И.Н.,
Тульчинский Г.Л., Шевченко В.Н.

Научный редактор Комиссарова Л.Б.
Ответственный секретарь Пружинина А.А.
Верстка: Шевченко Е.М.

Шеф-редактор: Мариносян Х.Э.

<http://www.academyRH.info>
E-mail: academyRH@list.ru

Журнал включен в «Реферативный журнал»
и в базы данных ВИНТИ РАН.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся
изданиям «**Ulrich's Periodicals Directory**».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.
Изд. лиц. ИД № 03821 от 25.01.2001 г.

Подписано в печать 20.11.2010 г. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП
«Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

© Философские науки, 2010

© Академия гуманитарных исследований, 2010

© Издательский дом «Гуманитарий», 2010

ISSN 0235-1188

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Год Франции в России ■

<i>ОТ РЕДАКЦИИ</i>	Французская философия в России. Современный поворот	5
<i>Ж. ЛОРАН (Франция)</i>	Античная и средневековая философия (франкоязычные исследования 1990 – 2010 годов)	6
<i>Г.В. ВДОВИНА</i>	Французские исследователи о постсредневековой схоластике	14
<i>Г.М. ТАВРИЗЯН</i>	Экзистенциализм и человеческая свобода	20

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Философия и наука ■

<i>Л.П. КИЯЩЕНКО, П.Д. ТИЩЕНКО</i>	Новый тип производства знаний и проблема ответственности в биологии и медицине XXI века	38
<i>П.Д. ТИЩЕНКО</i>	Биоэтика, общество риска и эвристика вызова	42
<i>Л.П. КИЯЩЕНКО</i>	Трансинституциональная матрица инновационного сообщества	50
<i>Б.Г. ЮДИН</i>	Об этосе технонауки	58
<i>Е.Г. ГРЕБЕНЩИКОВА (Курск)</i>	Второй тип производства знания и проблема ответственности	67
<i>В.И. МОИСЕЕВ</i>	Ценностные онтологии этики и биомедицины: опыт трансдисциплинарной реконструкции	75

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Школа философствования ■

<i>С.С. ГУСЕВ (Санкт-Петербург)</i>	Начала философии Раздел II. Что я могу знать? Глава 5. Наука и научное знание § 9. Научная картина мира § 10. «Науки о духе» и «науки о природе»	84
---	---	----

НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ

Философский неологизм ■

М.Н. ЭПШТЕЙН
(США) О проективном подходе к языку.
Неология времени 94

Проективный философский словарь ■

Словарные статьи (Выпуск 11)

В.Л. ЛЕХЦИЕР
(Самара) Невыразимое
Поэтика черновика
Триалог
Экзистенциальная
альгодицея 112

MEMORIA

К 90-летию юбилею
Владислава Жановича Келле ■

В.Н. ШЕВЧЕНКО В.Ж. Келле и три дискуссии
70-х годов XX века 116

АНЬ ЦИНЯНЬ (КНР) Мое понимание Келле 121

М.С. КИСЕЛЕВА Бытие и время профессора
В.Ж. Келле 128

■
Оглавления номеров журнала
«Философские науки»
за 2010 г. № 1 – 11 141

■
Наши авторы 159

■
Contents 160

От редакции

Редакция принимает для рассмотрения только материалы, отправленные по электронной почте с обязательным указанием Ф.И.О. автора полностью, места работы, ученой степени и звания, домашнего адреса, телефона и e-mail.

Объем материалов не должен превышать 40 тыс. знаков с пробелами вместе с примечаниями и приведенными на русском и английском языках названием, аннотацией и ключевыми словами. В тексте должна обозначаться лишь надстрочная сплошная нумерация ссылок, а примечания и цитируемая литература, оформленная в соответствии с ГОСТ 7.1-2003, – приводиться в конце текста. Авторы материалов несут ответственность за точность приведенных цитат и сведений.

Публикуемые материалы могут быть отредактированы, разумеется, с сохранением основных идей автора.

Позиция редакции и автора не всегда совпадают.

ПАНОРАМА МИРОВОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Год Франции в России

ФРАНЦУЗСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ.
СОВРЕМЕННЫЙ ПОВОРОТ

Завершается Год Франции в России и России во Франции. Журнал «Философские науки» откликнулся на это событие публикацией ряда статей отечественных исследователей, посвященных французской философии – ее истории и современному состоянию. Интерес к французской философской мысли со стороны российских ученых не иссякает вот уже более трех столетий. Декарт, Просвещение, Бергсон, философия духа, экзистенциализм, структурализм – таковы главные «опознавательные знаки» философии Франции в ее истории. В конце XX – начале XXI вв. она, по наблюдению Ф. Вормса, историка философии, руководителя Международного центра по изучению современной французской философии (Париж), совершает «этический поворот» – ставит в центр внимания экзистенциально-этическую проблематику, вопросы жизни и политики, живого и справедливого. Модные в последние три десятилетия прошлого века доктрины становятся частью истории.

Наше знакомство с французской философией всегда было неполным и «однобоким»: известность у нас получали почти исключительно сочинения тех мыслителей, которые писали для широкой публики. Сообществу российских философов не помешало бы лучшее знакомство с трудами французских специалистов в таких областях, как логика, история философии, философия науки, этика, философия права. Профессиональный уровень академической философии во Франции достаточно высок, нам есть чему поучиться.

В 2011 году журнал продолжит публикацию материалов Международной конференции «Французская философия в России», состоявшейся в сентябре 2010 г. в Институте философии РАН, а также новейших исследований отечественных и зарубежных мыслителей, изучающих философию Франции.

*А.М. Руткевич, руководитель проекта,
И.С. Вдовина*

АНТИЧНАЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ (франкоязычные исследования 1990 – 2010 годов)

Ж. ЛОРАН*

Вряд ли имеет смысл вычленять собственно французские публикации по античной и средневековой философии, так как междууниверситетский обмен в ареале распространения французского языка весьма оживлен: один профессор преподает одновременно в Париже и в Женеве, другой, постоянно проживая в Квебеке, публикуется во Франции, Бельгии, Канаде и Швейцарии, где латинские и греческие тексты (если ограничиться только этими языками)¹ изучаются не менее интенсивно, чем во Франции, в лоне подлинной «Республики ученых».

Брюссель расположен в двух часах езды от Парижа; здесь регулярно проводятся коллоквиумы, равно как и в Льеже или в Лувене – широко известном городе аристотеликов. Лувенский Центр им. М. де Вульфа проводит интенсивные исследования в области как античной, так и средневековой философии. Опубликованный в 2003 г. обширный труд «Философия формы. Эйдос, идея, морфе», посвященный греческой философии от ее зарождения и до Аристотеля и подготовленный выдающимися профессионалами², служит отныне необходимым рабочим инструментом для специалистов.

Аналогичный центр, ассоциированный с Высшей Нормальной школой, существует в университете Париж-IV (Сорбонна): центр им. Леона Робена, члены которого – по меньшей мере, некоторые из них³ – публикуют крупные научные труды. Недавно здесь начала осуществляться программа изучения досократиков.

В университете Париж-I группа «GRAMATA» (группа по изучению Античности, Средневековья и арабской традиции) объединяет таких исследователей, как Реми Браг, Моник Диксо (выдающийся специалист по Платону), Анник Жолен (автор недавно опубликованного перевода «Метафизики» Аристотеля)

* Жером Лоран – профессор университета г. Каэн, специалист в области античной философии. Опубликовал две работы о Плотине (*Les fondements de la nature selon Plotin.* – Paris: Vrin, 1992; *L'homme et le monde selon Plotin.* – Paris: Presses de l'ENS Fontenay, 1999), одну работу о Платоне (*La mesure de l'humain selon Platon.* – Paris: Vrin, 2002); руководил изданием коллективного труда «*Les dieux de Platon*» (Presses Universitaires de Caen, 2003). Автор около тридцати статей об античных философах (Аристотеле, св. Августине, гностиках, Лукреции, Платоне, Плотине, Сексте Эмпирике, Сократе и Страбоне). Переводчик трех трактатов Плотина (1, 26 и 31) на французский язык.

и Люк Бриссон – неустанный переводчик Платона и Плотина⁴. Русскоязычный читатель знаком с этим ученым, который, если не ошибаюсь, выступал в Москве в мае 2010 г. с докладом о мифе у Платона и о сентенции 29 Порфирия.

Эти исследовательские центры часто ассоциируются с НЦНИ – Национальным центром научных исследований: институтом (в русском смысле этого слова), объединяющим многочисленных сотрудников высочайшего научного уровня. Отметим два начинания центра, необходимость в которых ощущалась во франкоязычном ареале. Во-первых, это монументальный «Словарь античных философов», издающийся издательством НЦНИ, начиная с 1994 г. (вышли в свет первые четыре тома, вплоть до статьи об Овидии). Во-вторых, это комментированный перевод «Сентенций» Порфирия в двух обширных томах (874 с.). Это ключевая работа для понимания неоплатонической мысли, т.е. философского течения, которое после Бергсона, Янкевича и Левинаса получило заметный отклик во французской философии XX в.⁵ Названные исследователи чаще всего являются профессиональными философами и переводчиками с древних языков.

Хотя наиболее известным издательским домом, специализирующимся на публикации античных текстов, остается во Франции «*Les Belles Lettres*» (издания, которого в обиходе называют «серией Бюде»), в последние двадцать лет значительная работа была выполнена издательством «*Flammariion*». Были заново переведены:

- с 1987 по 2006: собрание диалогов Платона;
- с 2002 по 2010: собрание трактатов Плотина.

В 2009 вышло свет Полное собрание текстов («*Ecrits complets*») античных софистов;

- с 1990 было опубликовано около дюжины главных произведений Аристотеля, некоторые – с греческим оригиналом.

Третий издательский дом, играющий важную роль в исследовании Античности и в философских исследованиях вообще, – «*Joseph Vrin*», библиотека которого, расположенная на Площади Сорбонны, хорошо известна завсегда Латинского квартала. Помимо общей историко-философской серии, во главе которой стоит Жан-Франсуа Куртин, отметим серию «Переводы классической мысли», руководимую с 1993 г. Моник Диксо; серию «История учений классической древности», основанную Жаном Пепеном, а ныне возглавляемую Люком Бриссоном; серию «Тексты и традиции», которой руководят г-н и г-жа Гуле и Филипп Хофман. В этих сериях были опубликованы многочисленные докторские диссертации.

Равным образом следует отметить напряженную работу специалистов по античной риторике – дисциплине, объединяющей в себе греческую философию в собственном смысле, грамма-

тику и стилистику. В 2002 г. Пьер Широн перевел и издал «Риторику к Александру» Псевдо-Аристотеля и трактат Деметрия «О стиле» (Les Belles Lettres). В том же году вышел в свет трактат «Искусство риторики» Псевдо-Аэлия Аристида (Les Belles Lettres), подготовленный Мишелем Патийоном, многочисленных трудов которого здесь нет возможности перечислять. Упомяну лишь осуществленное им издание текста, обнаруженного в 1838 г. в Национальной библиотеке эрудитом Николя Сегье и получившего название «Анонима Сегье»: это интереснейший трактат «Искусство политической речи», датируемый, по всей вероятности, III в. н. э. (Les Belles Lettres, 2005)⁶.

В связи с этим особое внимание следует уделить публикации в 1999 г. греческого манускрипта из библиотеки Страсбурга, под инвентарным номером 1665 – 1666, известного как «Страсбургский Эмпедокл». Авторы публикации – Ален Мартен и Оливер Примавези (Berlin; N. Y.: De Gruyter, 1999. 411 p.). Речь идет о рукописи I в. н. э., содержащей несколько фрагментов из текстов агригентского философа. Папирус, приобретенный в Верхнем Египте в 1901 г., был вновь случайно обнаружен в библиотеке Страсбурга в эпоху, когда город принадлежал Германии. Эта публикация, весьма высокого качества, не обновляет нашего прочтения Эмпедокла, но отныне служит для него необходимым источником.

На стыке Античности и Средневековья объектом многочисленных работ выступает патристика и, в частности, творения св. Августина. Говоря о патристике, необходимо назвать серию «Sources Chrétienne» – обширный издательский проект. Что касается Института августинианских исследований, он продолжает свое начинание по изданию и переводу трудов Августина: в 2008 г. вышли в свет «Гомилии на первое послание св. Иоанна». Среди университетских работ высокого уровня укажем два собственно философских труда: «Св. Августин и речевые акты» **Жана-Луи Кретьена** (2002) и «На месте себя. Подход св. Августина» **Жана-Люка Мариона** (2008).

Одной из наиболее выдающихся фигур в истории античной философии во Франции был и останется ушедший от нас в апреле этого года **Пьер Адо**, учеником которого я был почти тридцать лет. Некоторые его книги были переведены на русский язык⁷. Переводчик Плотина, Мария Викторина и Марка Аврелия, Адо был автором не только замечательных научных работ, но и эссе более личного характера. Его последний, завершающий труд – «Покрывало Иисиды. Очерк истории идеи Природы», опубликованный издательством «Галлимар» в 2004 г., – представляет собой его подлинное философское завещание.

Если античная философия представлена во Франции вполне достойно, то тем более необходимо подчеркнуть интенсивность

исследований по средневековой философии, проводившихся в эти последние двадцать лет. Средневековая традиция выступает объектом масштабного изучения: это переводы, магистральные синтезы, детальные исследования – от Августина до Данте и до философов-номиналистов.

В своей статье я могу упомянуть лишь некоторые из наиболее значительных достижений. Ограничусь именами Оливье Бульнуа, Алена де Либера и Руди Имбаха, которые, на мой взгляд, занимают ведущее место в этой панораме.

Каждый из них по-своему дистанцируется от колоссального труда человека, в течение десятилетий воплощавшего в себе франкоязычную медиэвистику – **Этьена Жильсона** (1884 – 1978). Труды Жильсона, сохраняющие всю свою авторитетность и научный интерес, пронизаны заботой о том, чтобы, по призыву папы Льва XIII (1879), восстановить первенствующее положение мысли св. Фомы Аквинского. Жильсон предложил такую концепцию истории средневековой философии, в которой надлежит подняться «над буквой истории, чтобы достигнуть оживляющего ее духа»⁸.

В противовес такому теологическому прочтению, поставленному, если можно так выразиться, на службу христианской апологетике, **Ален де Либера** практикует историю в духе Фернана Броделя («большая длительность», которая мыслится в соответствии с разнообразием географических ареалов и действующих лиц) и Мишеля Фуко (рациональность имеет множественный характер, без какого-либо преимущества в отношении философии). Длинный список трудов де Либера можно без труда найти в Википедии. Я укажу лишь несколько пунктов: «Мышление в Средние века» (Penser au Moyen Âge. – Paris: Seuil, 1991); «Спор об универсалиях: от Платона до конца Средневековья» (La Querelle des universaux de Platon à la fin du Moyen Âge. – Paris: Seuil, 1996); «Искусство общностей. Теории абстракции» (L'art des généralités. Théories de l'abstraction. – Paris, 1999) и недавно вышедшие в свет два обширных тома: «Археология субъекта I. Рождение субъекта» (Archéologie du sujet I. Naissance du sujet. – Paris: Vrin, 2007) и «Археология субъекта II. Поиск идентичности» (Archéologie du sujet II. La quête de l'identité. – Paris: Vrin, 2008). По мнению этого автора, «в настоящее время является очевидной истиной, что *аналитическая философия зародилась в Средние века, причем у теологов*»⁹. Таким образом, этого философа больше интересует логико-лингвистическая разработка проблем, чем их собственно метафизическое содержание.

Творчество **Оливье Бульнуа** имеет в некотором смысле совсем иной характер, но несмотря на это, его интерес к Дунсу Скоту и Хайдеггеру не делает его прямым наследником великого Жильсона. Укажем на два главных труда Бульнуа: «Бытие и репрезен-

тация. Генеалогия метафизики Нового времени в эпоху Дунса Скота» (*Être et représentation. Une généalogie de la métaphysique moderne à l'époque de Duns Scot.* — Paris: PUF, 1999) и «По ту сторону образа. Археология визуального в Средние века» (*Au-delà de l'image. Une archéologie du visuel au Moyen Âge. Ve — XVIe siècle.* — Paris: Seuil, 2008). Об этой книге я скажу несколько слов.

Когда речь идет о видимом в Средние века, речь идет настолько же об истории образов, насколько об истории концепций бытия и репрезентации. Но эта история, как и у де Либера, не сводится к чисто умозрительному пониманию метафизических текстов. Оливье Бульнуа пишет (и это вполне согласуется с духом актуальных исследований по медиевистике): «Мышление — не просто отражение материальных процессов, оно не правит миром в одиночку. Некоторые измерения, по-видимому, возникают благодаря *эволюции практики*»¹⁰.

В качестве примера эволюции практики можно указать на переход от чтения вслух, которое было принято на всем протяжении Античности и высокого Средневековья (Плотин, например, заставлял читать себе Платона, Аристотеля и комментарий Александра), к чтению про себя и в одиночестве¹¹. Отныне внимание фиксируется не только на понимании смысла, который разворачивается постепенно и линейно: понимании при помощи античной риторики, а именно, при помощи простых и хорошо известных частей *rév* и *dé* аттической прозы (напомню в связи с этим, что пунктуации еще не существовало!). Отныне внимание может остановиться на одном слове, взять паузу, чтобы осуществить визуализацию образа. Возвращение назад при чтении вписывает чтение в пространство, а не только во время — более или менее пассивное время, подразумеваемое слушанием.

Когда читаешь Оливье Бульнуа, как и Алена де Либера, становится совершенно ясным, что для средневековой философии теория неотделима от практики. Молитва, почитание икон или реликвий, поклонение кресту, создание иллюстраций к рукописям — все это составляло часть самой жизни верующего и не было отделено от абстрактных умозрений о Троице или теории познания.

Но вернемся к тому, как эти историки философии видят историю. Их видение противостоит видению XIX в. — видению Гегеля, а также Огюста Конта или Маркса: никакого конца истории, никакой смерти Бога или искусства. Разум пребывает в мире, хотя мир не всецело разумен. Бульнуа подчеркивает переходящность и хрупкость человеческого, что не только наполняет его книгу интеллектуальной страстностью, но и подчас делает ее трогательной¹².

Согласно Бульнуа, история подобна калейдоскопу, где, казалось бы, сходные элементы повторяются на протяжении столе-

тий, но в разных конфигурациях. Здесь имеют место и повтор, и новизна. Показательный пример — иконоборчество VIII в. (Р. 191 — 205) и его повторение в XVI в. (Р. 410 — 428: «Реформация и иконоборчество»).

Не вдаваясь в подробные демонстрации, я бы сказал, что эта книга Бульнуа (*Au-delà de l'image. Une archéologie du visuel au Moyen Âge. Ve — XVIe siècle*) важна не только для истории средневековой философии (это очевидно: в ней цитируется множество еще не переведенных текстов и говорится о множестве авторов), но и для тех читателей, которые интересуются вопросами эстетики в самом узком смысле: например, отношением между рисунком и колоритом (Р. 268), автопортретом (Р. 295) или репрезентацией животных (Р. 190).

Как видно на этом примере, франкоязычная история средневековой философии сумела выйти из узкого круга латинистских штудий. Ее изучение не только расширяется в университетах (должности лектора по этой дисциплине существуют сегодня в университетах Париж-I, Париж-IV, Париж-X, университетах Клермон-Феррана, Тулузы или Экс-ан-Прованса), к этому континенту, которым в течение нескольких десятилетий, казалось, владели одни теологи — если не *de jure*, то *de facto* — охотно обращаются широкие интеллектуальные круги.

С этой точки зрения весьма примечательно, что швейцарский историк философии **Руди Имбах**, с 1999 г. профессор Сорбонны, часто посвящает свои работы произведениям мирян, и, в частности, Данте¹³. Кроме того, Руди Имбах содействовал реабилитации трудов Дитриха Фрайбергского¹⁴, чей антитомизм, безусловно, явился причиной некоторого пренебрежения со стороны современной историографии.

В заключение упомяну еще три книги, тоже представляющие в академическом пространстве исследования по медиевистике:

— «Схоластический разум» **Алена Буро**, и особенно его второй том: «Империя книги. К истории схоластического знания (1200 — 1380)» (*La raison scolastique. Vol. II: L'empire du livre — pour une histoire du savoir scolastique (1200 — 1380)*). (Les Belles Lettres. 2007):

— «Закон Божий» (*La Loi de Dieu*) Реми Брага. Эта работа показывает, что не только греческое наследие было плодотворным в эпоху Средневековья, и предлагает оригинальное прочтение средневековой политики в соответствии с оппозицией человеческого закона и закона божественного.

— «Действенное слово, знак, обряд, священное» (*La parole efficace, signe, rituel, sacré.* — Paris: Seuil, 2004): работа **Ирен Росье-Каташ**, в которой богословские тексты о евхаристии прочитываются и перечитываются в свете философии языка.

Таким образом, античная и средневековая философия весьма интенсивно исследуются во франкоязычном ареале. Тем не

менее, здесь существуют две опасности. Во-первых, внешняя: постепенное исчезновение греческого и латинского языков из программ средней школы – по крайней мере, во Франции. Во-вторых, внутренняя: зачарованность публикациями. Еще Ницше заметил в § 329 «Веселой науки», что ныне «думают с часами в руке», и критиковал ученых своей эпохи за утрату вкуса к досугу, *otium*. Мы часто ведем себя так же, когда стремимся опубликовать как можно больше статей, дабы удовлетворить оценивающие нас инстанции... Ощутим же вновь вкус к умозрительной жизни, βίος θεωρητικός, и задумаемся над глубокой истиной, дорогой сердцу Фомы Аквинского: *quantitas accidens* – количество есть свойство привходящее!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Более полное изложение должно было бы принять во внимание работы, посвященные корпусу арабских философов, сыгравших большую роль в рецепции античных философских учений.

² См.: Philosophie de la Forme. Eidos, Idéa, morphé / Eds.: A. Lefka, A. Motte, J. Orsomet, G. van Riel, Ch. Rutten, A. Stevens. – Louvain, 2003.

³ Барбара Кассен, Жан-Батист Гурина, Андре Лакс, Давид Лефевр, Марван Рашед, Анка Василиу, Кристина Вьяно.

⁴ Люк Бриссон – не только переводчик диалогов Платона («Пир», «Федр», «Тимей», «Законы» – в сотрудничестве с Ж.-Ф. Прадо). Он также развивает оригинальную концепцию мифа, вдохновленную идеями структуралистской антропологии (см.: Platon, les mots et les mythes. – Paris: F. Maspero, 1982; Le sexe incertain. Androgynie et hermaphrodisme dans l'Antiquité gréco-romaine. – Paris: Belles Lettres, 1997; Introduction à la philosophie du mythe. 1. Sauver les mythes. – Paris: Vrin, 2005. Люк Бриссон руководил изданием переводов Платона, опубликованных в одном томе в издательстве «Фламмарин» (Œuvres complètes. – Paris: Flammarion, 2008)).

⁵ Об этом см.: Hankey W. Cent ans de néoplatonisme en France // Narbonne J.-M. Lévinas et l' héritage grec. – Paris: Vrin; Québec: Presses de l'Université de Laval, 2004. – P. 123 – 258.

⁶ «Editio princeps», подготовленное Николя Сегье, вышло в свет в 1843 г. в серии «Notes et extraits des manuscrits de la bibliothèque du roi» (Paris, 1843. – P. 183 – 212 (manuscript n. 1874)).

⁷ Адо П. Что такое античная философия? / Пер. с франц. В.П. Гайдамака. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999; Адо П. Духовные упражнения и античная философия. – М.: СПб., 2005.

⁸ Gilson E. L'esprit de la philosophie médiévale. – Paris: Vrin, 1932, 2-e éd. – 1989. – P. 152.

⁹ Libera A. de. Penser au Moyen Âge. – Paris: Seuil, 1991. – P. 152.

¹⁰ Boulnois O. Au-delà de l'image. Une archéologie du visuel au Moyen Âge. Ve – XVIe siècle. – Paris: Seuil, 2008. – P. 450.

¹¹ Ibid. – P. 129.

¹² Ibid. – P. 398 (о родном языке), P. 64 (о смятении монаха Серапиона).

¹³ См.: Imbach R. Dante, la philosophie et les laïcs. – Paris; Fribourg: Cerf, 1996.

¹⁴ См.: Freiberg D. de. Œuvres choisies I. Substances, quiddités et accidents / K. Flasch (Introduction), R. Imbach et C. König-Pralong (Traduction).

Перевод с французского Г.В. Вдовиной

Аннотация

Статья представляет наиболее заметные франкоязычные публикации по античной и средневековой философии за последние двадцать лет. Один из самых важных фактов, отмечаемых автором, – смена исследовательской парадигмы в указанный период, особенно в области средневековой философии: от теологически ориентированных работ Э. Жильсона – к исследованиям в русле аналитической и историко-культурной традиций.

Ключевые слова:

историко-философские публикации во Франции, античная философия, средневековая философия.

Summary

The article presents the most significant publications on the ancient and medieval philosophy in French appeared in the last 20 years. One of the main facts, to the author's view, is the change operated in the scholarship paradigm during the indicated period, especially in the area of medieval philosophy: from the theologically oriented works of E. Gilson to investigations in the spirit of analytic philosophy and of cultural studies broadly taken.

Keywords:

publications on history of philosophy in France, ancient philosophy, medieval philosophy.

ФРАНЦУЗСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ПОСТСРЕДНЕВЕКОВОЙ СХОЛАСТИКЕ

Г.В. ВДОВИНА

Когда речь заходит о современных французских исследованиях постсредневековой схоластики, приходится прежде всего констатировать: в отличие от Франции, где именно благодаря этим исследованиям ситуация за последние два-три десятилетия радикально изменилась, в России в представлении нуждаются не только эти исследования, но и сам их предмет. Постсредневековая схоластика — это университетская философия конца XVI — первой половины XVIII в.: та философия, которая существовала в жанровой форме философских курсов и которая преподавалась на всей территории Западной и Центральной Европы, в западнорусских областях, в учебных заведениях Нового света. Философия, с которой так или иначе соприкасались все, кто получал университетское образование в ту эпоху. Название «постсредневековая», конечно, условное. Два года назад между специалистами разгорелась дискуссия вокруг того общего термина, который могло бы принять профессиональное сообщество для обозначения этого особого периода в истории схоластической мысли. Среди предлагавшихся вариантов фигурировали: вторая схоластика, постсредневековая схоластика, схоластика раннего Нового времени, университетская философия раннего Нового времени, схоластика Барокко... Прийти к окончательному решению так и не удалось, и пока остается в силе все это множество обозначений единой реальности — «школьной» философии начала Нового времени, отчасти сохраняющей преемственность со средневековой схоластикой, отчасти же не просто отличной от нее теми или иными чертами, но представляющей собой совершенно новое явление новой эпохи

Дело обстоит так, что на карте наших знаний об истории европейской философии эта некогда мощная традиция очень долго выглядела как большое белое пятно. Пожалуй, единственный ее более или менее известный автор — Франсиско Суарес, и тот обязан своей известностью в России не столько его собственным трудам и работам о нем, сколько тому скромному вниманию, которое уделил великому метафизику Мартин Хайдеггер в «Основных проблемах феноменологии». Что же касается непосредственных предшественников, современников и преемников Суареса, то они просто не существовали для историко-философской науки. До недавнего времени принято было считать (а у нас, к сожалению, принято считать до сих пор), что в тот период все ценное, интересное, новаторское в философии совершалось за

пределами схоластической традиции. Предполагалось, что схоласты этого времени — безнадежные догматики, отставшие от своей эпохи; что все живое, что присутствовало в средневековой схоластике, к этому времени давно умерло, и схоластическая традиция свелась к бесконечному повторению старых формул, не имеющих больше никакого отношения к реальному миру и подлинному движению мысли.

Одним из первых авторов, кто, наряду с Хайдеггером, впервые переломил эту инерцию и заставил увидеть в схоластике Нового времени явление чрезвычайной важности и интереса, был именно французский философ и исследователь. Я говорю, разумеется, об Этьене Жильсоне. В книге «Бытие и сущность», вышедшей первым изданием в 1948 г.¹, он обрисовал фундаментальную роль Франсиско Суареса в конституировании новоевропейской метафизики и новоевропейского философского языка: «В самом деле, — подчеркивает Жильсон, — Суарес не только первым начал в такой объективной и систематической форме трактовать всю метафизику, а не только ее отдельные части, но также уточнил философский вокабуляр, унаследованный от схоластики, внося в него строгость и ясность, неведомые в такой мере его предшественникам»². При всей своей критичности в отношении начинания Суареса, Жильсон обратил внимание философов и историков философии на этот недопустимый провал в наших знаниях о генезисе интеллектуального мира Нового времени. Но потребовалось еще как минимум четыре десятилетия, прежде чем в европейской науке началось более или менее систематическое изучение постсредневековой схоластики, и здесь роль французских авторов невозможно переоценить.

В чем уникальность и значимость именно французских работ в этой области? Это легче всего увидеть из сравнения с тем, как, например, работают американские коллеги французских исследователей. Еще с середины 60-х годов в США стали появляться статьи, посвященные отдельным сторонам постсредневековой схоластики: статьи новаторские, очень глубокие, очень профессиональные³. Но практически все они разрабатывают какой-либо отдельный, как правило, очень узкий, аспект воззрений одного или нескольких авторов. Чаще всего они берут одну базовую идею и подробно анализируют ее исходные посылы и структуру аргументации. Это чрезвычайно интересная, достойная, важная работа, но она не дает нам никакой цельной картины этой традиции в целом. Отдельные ее факты предстают перед нами в этих статьях как занятные раритеты, любопытный материал для кунсткамеры философских диковин, который никуда не встраивается, потому что лишен исторического и идейного контекста. И величайшая заслуга именно французских исследователей состоит в том, что они впервые

вернули нам постсредневековую схоластическую философию как философию большого стиля, связали ее с прошлым и будущим европейской мысли. Они не просто попытались бросить взгляд сверху на эти неосвоенные земли, но положили начало их масштабному и развернутому освоению по самым разным направлениям.

Приведу только четыре примера.

Одной из первых работ такого рода стала книга **Жана-Люка Мариона** «*О белой теологии Декарта*»⁴, опубликованная в 1981 г. Вся ее обширная первая глава посвящена взаимоотношениям первой философии Декарта с метафизикой Суареса. Тонкий и скрупулезный анализ текстов позволяет увидеть в Суаресе не последнего представителя умирающей схоластической традиции, годного лишь на роль фона для Декарта, а мощного мыслителя, равного по силам противника; и этот общий вывод Мариона, при всем его персональном (и порой весьма эмоциональном) недоброжелательстве к Суаресу, — самый важный итог этой работы в данном аспекте. В самом деле, в центре книги Мариона стоит вопрос о творении вечных истин, который, по мнению автора, является осевым для метафизики Нового времени. Для Мариона это вопрос отнюдь не частный, а кардинальный вопрос о метафизическом основании, вопрос о том, способен ли разум служить основанием бытия. И Суарес воплощает в себе, с точки зрения этого вопроса, ту философскую силу, которая равна Декарту по мощи и противоположна ему по знаку. Но отношение Декарта к Суаресу не сводится к простому отталкиванию: это отношение преодоления, почву для которого мог подготовить только сам Суарес. Например, рассматривая вопрос о том, может ли человеческий разум репрезентировать Бога, Марион подчеркивает: у Декарта «*идея Бога ускользает... от сущности репрезентации; коротко говоря... Бог не может быть репрезентирован, пусть даже как *сущее* в рамках объективного понятия сущего. Декарт отвергает, таким образом, все начинание Суареса благодаря тому самому (или почти тому самому) концептуальному материалу, который разработал Суарес, чтобы *comprehendere Deum* [заключить Бога в понятие]»⁵.*

Через девять лет после работы «О белой теологии Декарта» в свет выходит книга, целиком посвященная нашей теме и до сих пор остающаяся, пожалуй, самым крупным явлением в своей области, причем не только во французской, но и в мировой историко-философской науке. Это книга **Жана-Франсуа Куртина** «*Суарес и система метафизики*»⁶, настоящая книга-прорыв. Для многих историков философии, не говоря уже о более широкой публике, она впервые открыла сам факт существования постсредневековой схоластической традиции как значительного философского явления. Разъясняя свой замысел,

сам автор подчеркивает, что это не монография, посвященная труду испанского иезуита Франсиско Суареса, а исследование на материале большой длительности, цель которого — поместить так называемый суаресианский момент в историю метафизики. Куртин прослеживает исторические этапы конституирования метафизики как системы, этапы медленного вызревания и выстраивания фундаментальных метафизических понятий, вдоль одной ведущей оси — онтотеологии. Он начинает с центрального пункта средневековой метафизики — с Фомы Аквинского, проводит свое рассмотрение через фазы ее деструкции у Дунса Скота и в оккамизме и в несколько последующих шагов подходит собственно к метафизике Суареса. Ж.-Ф. Куртин, наряду с блестящим немецким исследователем Людгером Хоннефельдером⁷, стал одним из первых европейских исследователей, увидевших в метафизике Суареса продолжение и обновление метафизики Дунса Скота, которая, в свою очередь (как отмечал еще Э. Жильсон⁸), была вдохновлена — в притяжении или в отталкивании — метафизическими интуициями Авиценны и Генриха Гентского. В конечном счете, эта линия развития, идущая от Авиценны к Суаресу, привела к глубокому структурному и содержательному преобразованию старой аристотелевской метафизики, что позволило говорить, по сути дела, о втором рождении метафизики в конце Средних веков и в начале Нового времени. Поэтому вполне логично, что в системе Суареса Куртин фиксирует не только ее собственную структуру, и не только те ее черты, которые сближают Суареса с Аристотелем или св. Фомой. Прежде всего, Куртин сосредоточивает внимание на тех пунктах, в которых эта система в той или иной степени анонимно проросла в новоевропейскую внесхоластическую философию; прослеживает отношение суаресовской метафизики и, шире, метафизической школы иезуитов конца XVI — начала XVIII вв. к Декарту и Лейбницу, Вольфу и Канту. Именно здесь, подчеркивает автор, «можно обнаружить начало того глубокого переворота, который затрагивает систему в целом, все здание, или «структуру», метафизики в ее традиционном складе. Таким образом, в богатой метаморфозами истории аристотелевской традиции иезуитская неосхоластика Контрреформации поистине составила эпоху — эпоху *кризиса* в определении метафизики: ее объекта, ее цели, ее единства и ее онтологической артикуляции, ее места и функции в целостном корпусе знания. Это было глубинное движение, влияние которого продолжалось в немецкой *Schulphilosophie* и достигло завершения у Вольфа и Баумгартена»⁹.

Итак, весь этот долгий путь, пройденный на наших глазах, приводит Куртина к тому убедительному выводу, что схоластическая мысль эпохи Суареса, при всем ее традиционализме, в своем су-

шестве принадлежит, безусловно, Новому времени — как по своей проблематике, так и по своему долговременному воздействию на последующую европейскую философию. Хотелось бы еще раз подчеркнуть тот момент, что Куртин не ограничивается анализом собственно суаресовской философии, но одним из первых помещает ее в ее собственный органический контекст — контекст масштабной постсредневековой схоластической традиции, не только католической, но и протестантской. На страницах книги Куртина возникают имена Франсиско де Толедо и Педро да Фонсеки, Христофа Шайблера и Клеменса Тимплера и многих других авторов, которые все еще немного говорят западному читателю, ничего или почти ничего не скажут читателю российскому, но которые можно и нужно возвращать в наш историко-философский горизонт, если мы хотим по-настоящему узнать и понять интеллектуальный климат и контекст эпохи, в которую на смену Средневековью приходило Новое время и закладывался фундамент нашего собственного мира.

Именно этот контекст — его структура, ведущие философские тенденции, наиболее яркие имена — составляет предмет исследований **Якоба Шмутца** из университета Париж-IV. Я. Шмутц, немец по происхождению и бельгиец по гражданству, как исследователь, принадлежит, несомненно, к кругу французских историков философии. Я. Шмутц пока не написал обширной монографии, зато он автор впечатляющего количества статей по схоластике раннего Нового времени (в настоящее время на его счету около тридцати статей). В работе Я. Шмутца примечательно то, что он стремится представить постсредневековую схоластику во всей многогранности ее авторов, течений, идей. Он пишет о множестве разных персонажей этой эпохи: Уртадо де Мендоса, Сфорца Паллавичино, Хуане Карамуэле Лобковице и многих других интереснейших философов. Шмутц пишет о разных орденах традициях философствования: о францисканском скотизме XVII в., о богословских и философских курсах доминиканцев и иезуитов. Он пишет о метафизике и теологии, о концепциях интенциональности и логике возможных миров, о богатейшей в философском отношении проблематике внутрибожественного знания и о схоластических истоках новоевропейской философской антропологии¹⁰. При этом последнее, в чем можно упрекнуть Якоба Шмутца, — это поверхностность. Каждая его статья — окно в целый мир, где автор чувствует себя как дома и куда он умеет с удивительным гостеприимством и непринужденностью ввести своего читателя. Особо отмечу одну из последних публикаций Якоба Шмутца — статью под названием «Существование *ego* как первопринцип метафизики», опубликованную в сборнике 2007 г. под редакцией Оливье Бульнуа «Генеалогия субъекта»¹¹. Тема статьи отчасти

перекликается с той темой, которую поднял Ж.-Л. Марион в «Белой теологии Декарта». Но, в отличие от Мариона, Шмутц концентрирует свое внимание не на творении вечных истин, а на первопринципе декартовской философии — *ego cogito*. Автор подробно описывает радикальный поворот, свершившийся в схоластической философии накануне Декарта: поворот к тому, чтобы положить в основание безусловной очевидности не необходимые универсальные положения, а предельно контингентное высказывание: «я существую». Этот поворот был подготовлен медленными трансформациями, происходившими в схоластике на протяжении трех столетий, с начала XIV в. Выполненная автором историческая реконструкция позволяет ему заявить: «Утверждение Хайдеггера... о тотальной новизне Декарта в вопросе об *ego* неприемлемо — во всяком случае, без оговорок: и до Декарта существовало *метафизическое* употребление *ego*, причем в том корпусе текстов — *tractatus de anima* — который, ведя речь об интеллектуальной и поэтому отделенной душе, составлял часть *метафизики* в схоластической архитектонике наук»¹². Это метафизическое употребление *ego* в схоластике сохраняется на всем протяжении XVII в., причем независимо от Декарта и в иных контекстах, нежели у Декарта: в традиции, восходящей к учению XIII — XIV в. о «внутреннем чувстве» существования души и к очевидности следующего отсюда вывода о собственном существовании «я».

Добавлю и еще один важный момент: Якоб Шмутц — создатель интернет-сайта *scholasticon*¹³: единственного сайта, целиком посвященного схоластике раннего Нового времени. Здесь можно найти обширную библиографию публикаций Суареса и о Суаресе, начиная с 1974 г. Но самый ценный ресурс этого сайта — уникальный справочник-номенклатор, где представлены краткие биографии, списки трудов и библиография научных публикаций, посвященных множеству схоластических авторов XVI — первой половины XVIII вв.

Наконец, хотелось бы назвать еще один масштабный проект французской истории философии: проект **Алена де Либера** «Археология субъекта», посвященный Жану-Франсуа Куртину. Ален де Либера известен в России благодаря русскому переводу его книги «Средневековое мышление»¹⁴. «Археология субъекта» задумана как работа доселе небывалого размаха: исходный замысел подразумевал семь томов, но, возможно, их окажется и больше. В настоящее время опубликованы первые два тома: «Рождение субъекта» (2007)¹⁵ и «Поиск идентичности» (2008)¹⁶. Автор взялся проследить историю становления новоевропейского субъекта сразу по двум линиям: по линии реального исторического процесса и по линии философской историографии XIX — XX вв., по линии мысли Ницше, Хайдеггера, Фуко. В тек

томах, которые уже вышли в свет, Ален де Либера пока только примеривается к миру постсредневековой схоластики, нашупывает его границы. Непосредственно к ней, по его словам, он намерен обратиться в третьем томе, над которым работает в настоящее время и выхода которого мы все ждем. Но в уже объявленном анонсе Либера заявил о фундаментальной значимости схоластов Нового времени для проблематики субъекта и о том, что именно они будут стоять в центре следующего тома. Так что у нас есть замечательная возможность — не пропустить событие, которым, несомненно, станет выход в свет третьего тома «Археологии субъекта».

В завершение скажем еще раз: благодаря работам французских исследователей постсредневековой схоластики современная история философии вернула себе целую потерянную эпоху, воскресила целый ряд блестящих имен и превосходных книг. Но дело не только в этом, хотя само по себе это было бы большим достижением. Еще более существен тот факт, что французские исследователи смогли выявить не реализованный до сих пор собственно философский потенциал схоластики начала Нового времени, ее актуальность и важность для живой философии. И в этом, пожалуй, заключается главная заслуга именно французских авторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Gilson É.* L'être et l'essence. — Paris: Vrin, 1948. Русск. пер.: *Жильсон Э.* Бытие и сущность // *Жильсон Э.* Христианская философия. — М.: РОССПЭН, 2004.

² *Жильсон Э.* Бытие и сущность. Гл. 5.

³ Наиболее яркий пример — статьи Дж.П. Дойла: Suárez on the reality of the possibles // *Modern Schoolman.* 1967. № 44. — P. 29 — 48; Prolegomena to a study of extrinsic denomination in the work of Francis Suárez S.J. // *Vivarium.* 1984. № 22. — P. 121 — 160; Thomas Compton Carleton S.J.: on words signifying more than their speakers or makers know or intend // *Modern Schoolman.* 1988. № 66. — P. 1 — 28 и т.д.

⁴ *Marion J.-L.* Sur la théologie blanche de Descartes. — Paris: Quadrige / PUF, 1981. 2e éd. — 1991.

⁵ *Ibid.* — P. 138.

⁶ *Courtine J.-F.* Suarez et le système de la métaphysique. — Paris: PUF, 1990.

⁷ *Honnefelder L.* Scientia transcendens. Die formale Bestimmung der Seiendheit und Realität in der Metaphysik des Mittelalters und der Neuzeit (Duns Scotus — Suárez — Wolff — Kant — Pierce). — Hamburg, 1990.

⁸ *Gilson É.* Avicenne et le point de départ de Duns Scot // *Archives d'Histoire Doctrinale et Littéraire du Moyen Âge.* 1927. № 2. — P. 402 — 408.

⁹ *Courtine J.-F.* Suarez et le système de la métaphysique. — P. 460.

¹⁰ Назовем лишь несколько из многочисленных статей Я. Шмутца: Hurtado et son double. La querelle sur les images mentales dans la scolastique moderne // *Questions sur l'intentionnalité* / éd. L. Couloubaritsis & A. Mazzù. — Bruxelles: Ousia, 2007 (Recueil. № 17). — P. 157 — 232; L'invention jésuite du sentiment d'existence, ou comment la philosophie sort des colleges // XVII-e siècle. 2007. № 59/4. — P. 615 — 631; Les innovations conceptuelles de la métaphysique espagnole post-suárezienne: les status rerum selon Antonio Pérez et Sebastián Izquierdo // *Quaestio. Annuario di storia della metafisica.* 2009. № 9. — P. 61 — 99; Melchor Cano: La philosophie comme lieu théologique // *Philosophie et théologie à l'époque moderne* / éd. J.-C. Bardout. — Paris: Editions du Cerf, 2010. — P. 117 — 128.

¹¹ *Schmutz J.* L'existence de l'égo comme premier principe métaphysique avant Descartes // *Généalogies du sujet, de saint Anselme à Malebranche* / éd. O. Boulnois. — Paris: Vrin. — P. 215 — 268.

¹² *Ibid.* — P. 252.

¹³ <http://www.scholasticon.fr/>

¹⁴ См.: *Либера А. де.* Средневековое мышление. — М.: Праксис, 2004.

¹⁵ См.: *Либера А. де.* Naissance du sujet (Archéologie du sujet I). — Paris: Vrin, 2007.

¹⁶ См.: *Либера А. де.* La quête de l'identité (Archéologie du sujet II). — Paris: Vrin, 2008.

Аннотация

Статья посвящена французским исследованиям схоластики конца XVI — начала XVIII вв. Отмечается, что главные черты этих исследований — включение этой интеллектуальной традиции в общефилософский процесс и актуализация схоластической философии в контексте современной мысли. Более подробно рассматриваются четыре автора: Ж.-Л. Марион, Ж.-Ф. Куртин, Я. Шмутц, А. де Либера.

Ключевые слова:

история философии, философия раннего Нового времени, постсредневековая схоластика.

Summary

The article is dedicated to the French studies of the late 16th — early 18th scholastic thought. Their main characters consist in the inclusion of that intellectual tradition in the universal philosophical process and its reactualization in the context of contemporary thought. Four authors are considered in a more detailed manner: J.-L. Marion, J.-Fr. Courtine, J. Schmutz, A. de Libera.

Keywords:

history of philosophy, early modern philosophy, post medieval scholasticism.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СВОБОДА

Некоторые положения критики Г. Марселем сартровской концепции свободы, изложенные им в книге «Les grands appels de l'homme contemporain» (Paris: Editions du temps présent, 1946. – P. 113 – 170).

Г.М. ТАВРИЗЯН

Г. Марсель высоко ценил философскую позицию Ж.-П. Сартра. Он был уверен, что сартровские категории экзистенции, *mauvaise foi* («нечистая совесть», самообман, неискренность), его анализ «взгляда со стороны» (*le regard d'autrui*) прочно войдут в современную философию человека. Наблюдая тонкий психологический дар Сартра, Марсель даже предложил его вниманию мотив «visqueux» (букв.: «липкий», «вязкий»), играющий важную роль в творчестве Сартра, тему ситуаций и др. Однако для христианина Марселя совершенно неприемлемыми были идеи Сартра о богооставленности человека, его одиночестве во Вселенной, обреченности на выбор, не имеющий никаких опор в духовном мире, абсолютном, негативном характере свободы, восприятию другого как неизменно враждебного начала.

Этика Сартра, утверждает Г. Марсель, еще не сформировалась. Само конституирование ее представляет большие трудности. Нужно констатировать и другое: сегодняшнюю ситуацию христианин не назвал бы иначе, как эсхатологической. Это не означает, что именно хронологически близок конец света – дело в том, что сегодня люди столкнулись с фактом, который в начале века показался бы невообразимым: они теперь знают, что в их власти разрушить собственную вселенную; во всех планах разворачивается процесс самодеструкции. Надо быть слепцом, чтобы не признать, что процесс идет совершенно очевидный, притом сейчас мы не можем сказать, какие силы могли бы здесь выступить заслоном.

Именно исходя из этого фундаментального положения предстоит рассмотреть взгляды Сартра на экзистенцию и на свободу человека. Ведь что бы ни говорили критики, мысль Сартра обладает слишком большим влиянием на молодежь, она слишком впечатляюща, считает Марсель, и потому необходимо подойти к ней с максимумом объективности и серьезности.

Философии Сартра недостаточно рассматривать в связи с концепциями предшествующих мыслителей – хотя Сартр и сам признал бы, что очень многое в его учении восходит к Хайдеггеру. Однако, прежде всего, надо отметить то, что есть ценного и самобытного в самих исходных моментах сартровской мысли. Прежде всего, это опыт экзистенции, каким он представлен в

трудах философа. Опыт этот сформулирован, в первую очередь, в романе «Тошнота» – с несравненной точностью, захватывающей страстью. Если бы кто-либо взялся реконструировать собственно антропологию Сартра, лучше всего было бы ее рассматривать именно на примере «Тошноты», ибо здесь Сартр выразил себя с наибольшей силой, как это часто бывает с первым оригинальным трудом мыслителя (вспоминается, например, «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше).

«Тошнота» – это роман, но ни в коей мере не вымысел; не думаю, что можно поставить под сомнение принципиальное тождество, существующее между автором и Антуаном Рокантенном. Глубокая оригинальность книги заключается в том, что нам показывают происхождение, рождение опыта, который первоначально только *ощущается*, испытывается субъектом, затем полностью осознается; в конце концов, этот опыт обретает власть над сознанием и конституируется – во всяком случае, в каком-то отношении, – в истину.

Тошнота выступает как связанная с самого начала с опытом текучего – не жидкого, но текучего, становящегося вязким, – вязкой, мягкой массой. Это ассоциируется со многим, что вызывает физическое отвращение. Такое было бы лишь крайне незначительным моментом реальности, если бы мы не видели, что собственная экзистенция выступает в книге если не как «комковатая» (*grumeleuse*), вязкая, то, во всяком случае, как тяготеющая к такому состоянию. Под всем этим подразумевается определенный опыт секреции, образующейся слизи. Однако пространно и столь выразительно описываемый Сартром опыт восприятия собственной экзистенции, а также экзистенции чужой как вязкого, слизистого, трудно поддается «интеллектуализации», рациональному выражению.

Вероятно, все это можно выразить, утверждая, что я воспринимаю себя как находящегося «в плену», в тисках, в тенетах экзистенции. Этот опыт можно ощутимо передать через образ из «Превращения» Кафки с той разницей, что ты словно проснулся и ощутил себя не насекомым, а муравейником: не просто покрытым кишашими вокруг тебя муравьями, а самим муравейником как средоточием плодящегося множества, кишения; словно это все действительно отделяется от экзистенции и в то же время непостижимым образом продолжает оставаться ею.

Теперь: можно ли избежать такого ужаса, уйти от него хотя бы мысленно? Это было бы, по Сартру, абсолютной утопией, ибо мысль сама – муравейник, кишение. Марсель здесь отмечает важную промежуточную роль, которую – между опытом самого акта мышления и собственно тошнотой – играет определенный образ, определенный способ представлять себе этот опыт. Разумеется, неверно, не может быть правдой, утверждает

Марсель, что моя мысль непосредственно, спонтанно предстает мне в виде липкой ленты, как тянущееся волокно нуги... Для этого необходимо, чтобы мысль моя как бы отступила от себя самой, отстранилась от себя и вообразила, какой она показалась бы себе, стань она объектом. Здесь важно то, что определенная отталкивающая консистенция, рассматриваемая Сартром как типическая, получает метафизический статус.

Марсель вспоминает, как после выступления Сартра на одной из марселевских «пятниц», он сказал начинающему, но вызвавшему у него живейший интерес философу: «Вам следует заняться анализом “липкого” (“вязкого”), это Ваша область!» «Я должен сказать, — отмечает позже Марсель в докладе, посвященном Сартру, — что он последовал моему совету: он посвятил “вязкому” совершенно изумительные страницы; я этим горжусь — поскольку подал ему эту идею».

Эту сартровскую концепцию восприятия собственной экзистенции Марсель проясняет, идя «от противного»: так, это ощущение чистоты, холода, чего-то «внечеловеческого» (ни крови, ни плоти, — один холод), исходящее от бульвара в описываемом им городе Бувиле, скорее всего, Гавре, где Сартр преподавал, бульвара, какой встречается в крупных столицах мира: словно царство минерала, холодный, ничего общего не имеющий с непристойными минами буржуазных улочек... «Тошнота осталась там, внизу, — замечает Сартр-Рокантен, — я счастлив; этот холод так чист, ночь так чиста; и разве сам я сейчас — не волна ледяного воздуха?.. Не иметь ни крови, ни лимфы, ни плоти. Течь, вместе с этим длинным каналом, туда, где внизу разлит этот бледный цвет. Быть только этим холодом».

Этой холодной, несущей свободу пустоте противопоставляется опыт всякой материальности; Марсель предпочитает здесь уточнить: влажной, потной материальности, выступающей в качестве материала произрастания, пролиферации. Все это воспринимается Сартром не как полнота бытия, но, скорее, как радикальная случайность, как абсурд. Тошнота — это, по сути, осознание случайного характера и даже абсурдности, связанных с самим существованием. То, что испытывает Рокантен в парке — это действительно откровение, явление ему абсурда: в первую очередь — абсурдности вещей.

Однако это абсурдность не только вещи, например, древесного корня. Впечатление от корня — это постижение самой экзистенции, как бы разоблачающей, обнаруживающей себя: она теряет свой безобидный, абстрактный характер (категории), она — это сам замысел вещей. Она открывается как пугающая, непристойная нагота. «Я понял, что нет середины между несуществованием и этим неистовым изобилием. Если существовать — то можно существовать только так, до цвели, до вздутия,

до непристойности». — Это очень важно, считает Марсель, ибо сартровское сравнение должно дать нам почувствовать, что такое это неистовое, разнузданное, если можно так сказать, изобилие. Можно ли вообразить себе что-либо, что находилось бы в большем противоречии с привычным видением, которое мы встречаем у всех великих поэтов, и конкретно — у пантеистов, от Лукреция до Мориса де Герена, тех форм, в какие может вылиться сверхизобилие реальности! Это чрезмерное изобилие реальности, которое позитивным образом всегда воспринималось как величие, — здесь выглядит как вялость и непристойность (слово, без которого обойтись нельзя). Но не стоит заблуждаться: мы и сами причастны к этому ослаблению, которое выражено в экзистенции.

Абсурдность в полной мере выражена в следующих строках. «Абсурдность — это была не идея в моей голове, и не дуновение звука, а эта длинная мертвая змея у моих ног, змея из дерева. Змея или корень, или коготь сокола, неважно. И хотя у меня не складывалось четких формулировок, я понимал, тем не менее, что нашел ключ к экзистенции, ключ к моей тошноте, к моей собственной жизни. Фактически все, что я мог бы постичь сверх того, сводится к этой фундаментальной абсурдности».

Марсель называет это негативным откровением, озарением. Этими словами, считает он, может быть определена сама суть сартровской философии. Именно в связи с негативным характером озарения его философия — это, в конечном счете, философия ничто (*du néant*). Конечно, говорит Марсель, важно задаться вопросом, возможно ли в действительности негативное озарение: сам он исполнен в этом отношении глубокого недоверия. Озарение — это свет, между тем как абсурдность — это непроницаемость, это противоположность источнику света. В подобном случае свет может исходить только от «я», противопоставляющего себя действительности: но такое «я», в этимологическом смысле — идол. И в самом деле, мысль Сартра эйдолоцентрична.

Мысль, но не мудрость. С точки зрения Сартра то, что принято называть опытом, или мудростью, это, скорее всего, активный способ лгать самому себе, скрывать от себя ту фундаментальную абсурдность, какую представляет собой уже сама экзистенция. Достаточно обратиться к тому, что обычно зовется опытом. Здесь некоторые моменты, отмечает Г. Марсель, заслуживают восхищения. К примеру, господин Ахилле (*Achille*), эти «профессионалы опыта». Или — Рокантен в музее Бувиля. Вот где особенно ярко выступает неприязнь, протест Сартра против «социального порядка» и «порядка» вообще. Протест против фарисейства, ханжества — конечно, с этим нельзя не согласиться, однако в результате такой страстной экстраполя-

ции любая буржуазная добродетель ассимилируется у Сартра с фарисейством. Сегодня, после того, как опубликованы «Стена» и «Дороги свободы», возникает вопрос, не рассматривается ли Сартром как «буржуазная» и не обесценивается ли тем самым любая добродетель (супружеская, семейная и др.), за исключением, быть может, мужества.

Очень характерны исполненные сарказма страницы, посвященные музею Бувиля и его украшению, гордости — портретам именитых граждан города. Это чрезвычайно показательно: отождествление автором именитого лица — и выполненного в отвратительной академической манере портрета, призванного его увековечить. Можно сказать, замечает Марсель, что идея портрета заложена в самом понятии «знатного лица»: последнее есть собственный портрет, его суть — служить обманом зрения, т.е. — ложь. Одновременно здесь выражена принципиальная симпатия Сартра к холостяку, не связавшему себя семьей, и отвращение, которое он неизменно испытывает при виде отца семейства, за которым выступает целый ребячий выводок. Для Сартра есть что-то глубоко сомнительное в самом существовании семьи. Однажды Марсель выразил свое мнение по этому поводу, сказав в беседе с бельгийским томистом, автором крупнейшего исследования о нем, Роже Труафонтемом, что мир Сартра — это мир, наблюдаемый из окна кафе.

Помимо того, что семья должна представлять в глазах Сартра тот же тип «липкости», «вязкости» (*viscosité*), Сартр, думается, настроен так категорически еще и потому, что отец семейства всегда должен ему казаться «репрезентативным»: быть отцом семьи, как это выглядит в глазах Сартра, значит, всегда и неизбежно быть тем, кто играет роль отца семьи, «играет в» отца семьи — в противном случае его наверняка обвинят в том, что он отец бездушный, лишенный человеческих чувств и т.д.

Вообще, по Сартру, человек, который нечто «репрезентирует», играет некую роль — он это делает и перед самим собой, и, следовательно, играет в того, кем не является.

Но что же это? Простое извращение или камень преткновения, препятствие, которого мы можем избежать, и в нашей воле — не наткнуться на него? В своем фундаментальном труде «Бытие и ничто», отмечает Марсель, Сартр ставит перед собой этот вопрос со всей возможной четкостью. Он спрашивает: каким образом можно быть тем, что ты есть, будучи при этом как бы «сознанием быть» (*conscience l'être*)? Не вносит ли «сознание быть» некий интервал, дистанцию, пустоту, делающие невозможным полное совпадение с собой, радикальную простоту, исключаящую всякую позу, всякое притворство?

Все это может показаться весьма абстрактным — однако следующие сартровские рассуждения (а мы подходим здесь, пи-

шет Марсель, к главному предмету его размышлений) позволяют прекрасно понять, о чем идет речь.

Вернемся к исходным положениям и посмотрим, какого рода бытие представляет собой бытие для себя, т.е. бытие, имеющее сознание себя. Рефлексия покажет нам, насколько оно отлично от того вида бытия, каковым является бытие в себе. В самом деле, бытие в себе, говорит Сартр, наполнено собой, оно попросту то, что оно есть; можно сказать, что оно массивно, в том смысле, в каком массивно золото: оно не имеет внутреннего измерения (*de dedans*), ни, следовательно, возможностей, ни будущего; оно никогда не возникает в качестве другого, иного, не может подерживать никакого отношения с Другим. Оно — это бесконечно оно само, оно исчерпывает себя в бытии (*à l'être*). Не станем здесь задаваться вопросом, реально ли такое положение бытия в себе, или это просто миф, и вообще имеет ли автор основание вести здесь речь о позитивности.

Характеристика сознания, говорит Сартр, — это быть «разжатым» («уменьшением сжатия») бытия. Свойство бытия, наделенного сознанием, — это быть тем, что оно не есть, и не быть тем, что оно есть. Человек — это тот, кто может занимать негативные позиции в отношении самого себя. Конкретный пример: в запрете или в вето человек отрицает некую будущую трансценденцию. «Мое сознание конституирует себя во плоти как неантизация возможности, которую другая человеческая реальность проецирует как свою собственную возможность». Это, по сути, просто: например, запрещая своему сыну стать артистом, как он того хотел бы, я отказываю в бытии его возможностям, каковыми являются его проекты. Этот отказ — это именно то, что Сартр называет «неантизацией». Он замечает: существуют даже люди — вахтеры, надзиратели, — чья социальная реальность это единственно реальность «нет» (*du «non»*). Они проживут свою жизнь и умрут, не будучи ни чем иным, кроме «нет» на земле.

Кроме того, отрицание (негация) интериоризируется, например, в чувстве злобы и в иронии. Однако все эти позиции возможны лишь в силу некой универсальной *структуры бытия для себя*, заключающейся в том, что оно словно обременено «ничто» (*le néant*). Нам говорят, что оно присутствует перед лицом самого себя («*est présent à lui-même*»). Однако в этом присутствии не следует пытаться усмотреть признак высшего онтологического достоинства — как, например, мыслил его Паскаль. Присутствие для Сартра — прямая, непосредственная деградация совпадения, поскольку оно предполагает разделение.

Марсель подчеркивает вновь, что сознание у Сартра — это некое разжатие, разъятие бытия, существующего (*décompression d'être*), но только если мы спросим, что отделяет субъект

от него самого, мы вынуждены будем ответить: ничего (*rien*). Обычно отделяет расстояние в пространстве отрезок времени: но в настоящем случае ничто не может отделять, к примеру, сознание веры от самой веры, поскольку эта вера — не что иное, как сознание веры. Тем не менее здесь есть щель, эта щель — внутри сознания (*intraconscientielle*), что становится очевидным, четко выявляется в понятии «*mauvaise foi*» (это выражение часто переводят как «неискренность»): именно в ней обнаруживается тот самый представляющий себя, репрезентирующий, о котором изначально шла речь.

Здесь, утверждает Марсель, представлены блестящие анализы Сартра, в своей первой части совершенно великолепные — однако он делает из них абсолютно недозволенные выводы.

Структура бытия человека — в том, что каждый постоянно должен *делать себя* тем, что он есть, мы постоянно *должны быть тем, что мы есть*.

В каком-то смысле я действительно — официант в кафе: я не дипломат, не журналист. Но это — не бытие в себе, а бытие, которым я не являюсь. Это, кстати, касается любых моих позиций и любого поведения. Так, официант кафе — он официант кафе в том смысле, что ему надлежит быть официантом кафе, что он должен в своем существовании сохранять, поддерживать себя в качестве официанта кафе — то же самое верно применительно к любого рода функциям. Я есмь это — и одновременно я ускользаю от этого, я здесь, так сказать, «*de passage*» (мимоходом): я здесь — но словно только что прибыл и вскоре должен уйти. Я здесь, потому что мне *надо* быть здесь (*j'ai à être ici*), это вовсе не сущностное определение.

Искренность: по Сартру, это способ признания или ухода от того, в чем признаются, от того, что есть. Здесь возникает очень существенное возражение еще до подробного разбора этого утверждения: если искренность — феномен *mauvaise foi*, то *mauvaise foi* исчезает. *Mauvaise foi*, отмечает Марсель, может быть определена, обретает свое качество, свой характер *mauvaise foi*, неискренности только как противоположность искренности. Если искренность — порядка *mauvaise foi*, что же тогда остается?

То, чего Сартр не видит — точнее, не хочет видеть, ибо, еще раз подчеркивает Марсель, это человек исключительного ума, и обвинять его в слепоте всегда чрезвычайно трудно, — так это того, что, если мы рассматриваем искренность как достоинство, это не в качестве искренности как таковой, в себе, а как основу для некоего внутреннего завоевания, усилия, овладения собой, «трансценденции» (в смысле более законном, приемлемом, чем у Сартра). Другими словами, если я признаю за собой тот или иной недостаток или порок, я тем самым помещаю себя в иную — обновленную — ситуацию, быть может, позволяющую мне такое

преодоление. Это, я думаю, показывает нам, до какой степени невозможно придерживаться введенной Сартром оппозиции между бытием в себе и бытием для себя. Это становится особенно ясно с того момента, как мы обращаемся к узловой проблеме — проблеме другого.

Я в парке. Недалеко от меня лужайка, вдоль нее — стулья. Мимо них проходит человек. Я вижу его и воспринимаю одновременно как объект и как человека. Как вещь он мне видится рядом с таким-то стулом, на таком-то расстоянии от лужайки, и т.д. Мы пока — в сфере метрического, здесь нет никакой связи с человеческой реальностью. Наконец, кто-то, находящийся не вполне в здравом рассудке, может воспринять силуэт как движущуюся цель и схватиться за карабин: все это происходит «вне» осознания другого. И вот в какой-то момент до стрелка доходит, что это — не движущаяся мишень, это — человек! Мы уже воспринимаем не его перемещение относительно лужайки, статуи, музыкального киоска: напротив, с этого момента все предметы воспринимаются уже как притягиваемые им, находящимся там индивидом. «Можно сказать, что появление другого в мире равносильно застывшему сползанию всей Вселенной, — говорит Сартр, — смещению центра мира, взрывающему подпочвенно централизацию, в это самое время осуществляемую мной». «И тогда все происходит так, словно мир, в самой сердцевине его бытия, продырявила выгребная яма и он постоянно вытекает через эту дыру» (выражение, замечает Марсель, не слишком элегантное, однако чрезвычайно характерное). В этих условиях другой в качестве такового будет восприниматься мной в первую очередь как угроза, как тот, кто стремится отнять у меня мир, изначально исключительным образом сосредоточивавшийся вокруг меня. Каждый может претендовать на что-то: на свободный стул на лужайке; вечером, в буфете, — на последнюю порцию горячего ужина, и т.п. Ситуация осложняется с момента, когда другой становится для меня субъектом.

Здесь — анализ, пишет Марсель, сам по себе великолепный. Отношение, которое я называю «быть увиденным другим», представляет собой неустранимый факт: он не может быть выведен ни из сущности другого-объекта, ни из моего бытия субъекта. Во всем творчестве Сартра нет, очевидно, ничего более замечательного, чем этот феноменологический анализ *другого как взгляда* и меня как выставленного, как выведенного на свет, обнаженного, и даже как оцепеневшего под этим взглядом словно под взглядом медузы. Наши субъективные реакции на эту агрессию — прежде всего страх (чувство, что мы — в опасности перед лицом свободы другого), гордость или стыд (чувство, что я есть, наконец, тот, кто я есть — но для другого). Таков в «*Sursis*» («Отсрочке») Даниэль, внезапно ощутивший себя *под взглядом*:

у него чувство, что его видит некий космический взгляд. Он предстает самому себе как увиденный, как тот, на кого смотрят, и отсюда — его обращение (conversion), превращение в нем. Правда, как уточняет Марсель, не очень ясно, что Сартр в глубине души думает по поводу этого обращения, его характера и продолжительности: все же в этом есть нечто чрезвычайно показательное. Для Сартра признание другого в качестве такового неотделимо от шока, сотрясающего то, что он называет своей свободой — и от противоположной свободы, ставящей под угрозу его собственную. «...быть увиденным конституирует меня как существо беззащитное перед лицом свободы, — не моей. Стыд в корне своем связан с тем фактом, что я брошен в мир». Ясно, что означает это выражение: быть брошенным в мир — значит быть как бы вырванным из себя самого, быть экспропрированным — именно такую экспроприацию означает взгляд другого. Этим взглядом я буду заклеимен как некто. Разумеется, это ввергнет меня в ситуацию крайне неприятную, я стану бормотать бессвязные оправдания и т.д., — но все дальнейшее — это уже приложение.

В этом, утверждает Марсель, — самый принцип своего рода инфернальной диалектики пьесы «За закрытыми дверями». Марсель полностью солидарен с Кэмпбеллом в его книге о Сартре: «Он реализовал в пьесе “За закрытыми дверями” адскую ситуацию, лишив сознание возможности уловок, которыми оно обычно располагает». Г-н Кэмпбелл, пишет Марсель, замечательно анализирующий пьесу, показывает, что ложь — это поведение двоих, ситуация близости. Совершенно справедливо, что гораздо труднее лгать кому-либо в присутствии третьего: присутствие третьего парализует; и здесь, в пьесе каждый в свою очередь становится третьим, тем *terzo incommodo*, о котором говорит Стендаль; каждый из них — палач двух других, а «ад» — это третий. Каждый неизбежно выдает всю истину, полностью. Марсель напоминает, что истина эта здесь особенно отвратительна: мужчина, Гарсен — дезертир, Инес — лесбиянка, она виновна в смерти мужа своей подруги, а у Эстеллы на совести — детоубийство.

Так как же можно определить эту *теорию познания другого*? Она полностью ориентирована на фундаментальное утверждение Сартра, что общение в конечном счете обречено на провал, что если я чувствую себя словно вовлеченным в «мы» в качестве субъекта (*un poux-sujet*), то это возможно, к примеру, в размеренном шаге солдат, или в ритмичном труде заводской бригады: этот ритм вносится мной, сливаясь при этом с трудовым или походным ритмом той конкретной общности, коллектива, частью которого я являюсь. Но в том, что касается подлинного «мы» как субъекта — субъекта любви или дружбы, надо признать, что здесь

философии Сартра свойствен радикальный агностицизм, и даже нигилизм. В этой связи нужно будет остановиться подробнее на анализе любви, который дан им в труде «Бытие и ничто» и, может быть, еще скорее — на иллюстрации к этому анализу в «*Âge de raison*».

Анализ любви ориентирован таким образом, что не может не привести к констатации фиаско. Сартр утверждает, что мы стремимся завладеть свободой другого. Впрочем, не вследствие воли к власти. Речь идет о том, чтобы стать для другого абсолютной целью, абсолютной ценностью. Это предполагает метаморфозу того «взгляда другого», который перед тем пронизывал меня насквозь или помещал в какую-то ситуацию, «ситуировал» меня.

Подлинная цель любви в том, чтобы в тебе больше не видели, к примеру, некрасивого, маленького, труса. Вместо того, чтобы ощущать себя лишними, мы хотели бы почувствовать, что эта экзистенция желанна и поддержана в мельчайших своих частностях абсолютной свободой, которую она обуславливает и которой мы желаем сами, нашей собственной свободой. Основа этой радости — в любви, когда она есть, в том, что мы чувствуем себя оправданными в своем существовании. С точки зрения Сартра, чудом, которое осуществила бы любовь, увенчайся она успехом — чего, возможно, и не будет — было бы именно избавление от этого чувства «излишнего» (*de trop*): быть, так сказать, оправданным в своем бытии, в некотором роде уйти от той реальной случайности, которая, как мы видели, лежит в основе концепции «Тошноты». Но это — недостижимый идеал. Сартр демонстрирует нам, к каким извращениям — мазохизму, садизму — любовь может приводить, если она не впадает в безразличие или не вырождается в ненависть. Впрочем, любой из этих опытов включает в себе двойственность, способную привести к его разложению. Важно подчеркнуть, считает Марсель, то, что, к примеру, смерть другого, отнюдь не решает проблемы. То, чем я был для другого, закрепляется со смертью другого, и я безвозвратно остаюсь в прошлом, таким же образом я остаюсь в настоящем, если упорствую, продолжая придерживаться позиции, образа жизни, которые были осуждены другим. Смерть другого — точно так же, как и моя собственная смерть — необратимо конституирует меня в качестве объекта.

Совершенно очевидно, что вся эта сартровская диалектика, сила и ловкость которой неоспоримы, основывается исключительно на отрицании общения, того, что можно назвать «мы» в качестве субъекта». Для Сартра слово «общение» лишено смысла.

В этом Марсель видит основной философский момент. Поэтому, утверждает он, речь может идти только об апроприации — и это именно в той сфере, где апроприация невозможна — в любви. Есть в этом нечто очень глубокое, что было понято задолго

до Сартра. Этой безжалостной логики можно избежать, лишь признав, что цель любви — отнюдь не овладение, а нечто совершенно иное. Марсель говорит, что здесь речь идет о природе коммуникации, и смысл ее требует уточнения.

Теперь самое время вернуться к той свободе, которая является предпосылкой всего того, о чем было сказано выше — мы постоянно говорили о *свободе другого*, — и задаться вопросом, в чем она состоит и каким образом утверждается. Сартр, колеблясь, провозглашал в своих выступлениях, что он сегодня — единственный, кто вправе говорить об абсолютном, поскольку для него свобода — поистине абсолют. Марсель утверждает, что это в действительности самая невероятная аберрация, какую мы вообще встречаем у Сартра. Что же представляет собой эта свобода? Сартр дает ее определения, не всегда достаточно ясно. Когда он говорит, например, что это — свойство человеческого существа секретировать собственное ничто, или что это способность человека быть собственным обоснованием, нас не должны пугать эти формулировки. Обратимся здесь — как и в случае с экзистенцией — к описываемому Сартром опыту, в частности, в «Отсрочке». По сути, отсрочкой является и сама экзистенция в ожидании смерти, которая увековечит человека в его «бытии в себе». Существовать — это значит быть в отсрочке, пользоваться отсрочкой, сохранять возможность меняться, направлять свое будущее; это означает быть свободным. Вот каким образом свобода предстает Матье, накануне мюнхенских событий: «Вне. Все — вовне: деревья на набережной... все, что давит. Внутри — ничего, ни дымка. Нет ничего. Я: ничего. Я свободен, сказал он себе; во рту его пересохло».

Эти несколько строк выражают лучше, чем абстрактный жаргон «Бытия и ничто», то, что Сартр понимает под неантацией: тот факт, что мне надлежит отрезать себя от этих вещей, от этой искусственности (*facticité*); на самом деле я всегда лишь этот отрыв, это преодоление, трансцендирование.

«Руки... именно потому, что он мог их видеть, они не были его: это были руки кого-то другого, вне, как деревья, как блики, дрожавшие в Сене, — отрезанные руки». «Он закрывает глаза — и они снова становятся его (руками)... Вне. Вне, прочь из мира, прочь от прошлого, прочь от себя самого: свобода — это изгнание, я осужден быть свободным».

Марсель полагает, что эту фразу следует выделить особо: «Я осужден быть свободным». Иными словами: для меня невозможно не быть свободным. К чему в действительности можно быть осужденным? Всегда и неизбежно — к потере чего-либо: жизни, чести, добра, свободы. Я могу быть осужден быть свободным лишь в том случае, если быть свободным — это потеря, лишение. И в самом деле, свобода для Сартра — это нехватка,

как, впрочем, и само сознание: она действительно — ущербность; и лишь путем некоего паралолизма Сартр умудрится в дальнейшем выдать эту нехватку за положительное условие появления мира, т.е. в целом придать ей созидательный смысл.

Но каким образом можно перейти от нехватки, неопределенности к собственно решению? Заметим, прежде всего, что речь не может идти о локализации свободы в решении, как это делала традиционная философия. «Свобода, — говорит нам Сартр, — совпадает в своей основе с ничто, находящимся в сердце человека... Для человеческого существа быть значит выбирать себя: ничто не приходит к нему ни извне, ни изнутри, он также не может ничего получать либо принимать.» Таким образом, «свобода — не бытие; она — бытие человека, иными словами — *ничто* его бытия. Если бы мы рассматривали человека изначально как полноту, было бы абсурдно затем искать в нем моменты или области психики, где он был бы свободен: это то же, что искать пустое место в сосуде, который был предварительно наполнен до краев. Человек не может быть местами свободным, местами — рабом; он свободен целиком и всегда — или он несвободен».

Разумеется, Сартру в результате приходится утверждать (часто — с помощью софистических аргументов), что даже там, где мы считаем себя детерминированными в своих поступках, мы в действительности свободны, т.е. — выбор за нами. Вспомним, в самом деле, что для Сартра свобода и выбор — эквивалентные понятия (зловещее заблуждение, полагает Марсель).

По мнению Сартра, мы не только не являемся приемниками других, мы не наследуем и себе. Мы всегда постигаем себя лишь в качестве совершающегося в данный момент выбора. Свобода же — это просто тот факт, что наш выбор всегда является необузданным. К тому же подобный выбор абсурден, поскольку нет возможности не выбирать, — абсурден, ибо он лежит за пределами всех оснований. Наконец, свободный проект носит функциональный характер, это само мое бытие. Для каждого из нас существует изначальный проект, он может быть выявлен с помощью особого феноменологического метода, экзистенциального психоанализа.

Эти положения Марсель подверг принципиальной критике.

Во-первых, считает он, здесь, как и в других случаях, Сартр неправомерно использует понятие отрицаний. «Высвободиться» (*se dégager*) не означает отрицать, и слово «неантация» здесь в высшей степени двусмысленно.

Но вот что еще серьезнее. Правомерно ли утверждать, что для человека быть — означает только делать? Нет ли здесь чего-то значительно большего, чем упрощение, — игнорирование того, что есть в нашей человеческой ситуации наиболее глубокого, отличительного? Как может быть законным игно-

рирование той оппозиции, которую мы обычно воздвигаем между тем, что есть человек и что он делает? Не становится ли здесь очевидной вся недостаточность, неудовлетворительность сартровской онтологии?

В то же время не значит ли это утверждать, что бытие для себя не находит никакой опоры в том, чем оно было в своем прошлом — не значит ли это стремиться опровергнуть *опыт*? Здесь мы сталкиваемся с бесконечно важной проблемой. Складывается впечатление, что никто не был способен меньше, чем Сартр, понять, что может означать для сознания *получать* и, соответственно, что есть дар (*le don*). Для доказательства достаточно того столь поразительным образом деформирующего анализа, которому он подвергает великодушие. «Давать, — говорит Сартр, — означает присваивать путем разрушения, используя это разрушение в целях порабощения другого». Дар — это средство порабощения посредством разрушения некоего объекта. Это не значит, что его разбивают: его только разрушают *в качестве своего*. Может ли подобное определение дать представление о том, что есть подлинный опыт дара?

Следующее замечание исключительно важно, подчеркивает Марсель: именно здесь мы видим воочию этот настрой, который является поистине метафизической гордыней; по сути у Сартра свободный человек отказывается *принимать*; можно сказать, что он даже перед самим собой намерен отрицать, что ему нечто дается.

Очевидно, что в подобной философии появление свободы, даже в виде ничто предстает столь же необъяснимым и куда более невразумительным, чем это творение, которое Сартр отвергает и которое вызывает у него лишь сарказм. На самом деле идеализм сочетается у Сартра с материализмом, вписывающимся в традицию французской мысли XVIII в. Однако в результате создается совершенно парадоксальная ситуация. Экзистенциализм, который исторически, у своих истоков, развивался как реакция против гегелевской системы, — мы видим его теперь, пишет Марсель, выбивающимся наружу, гораздо *ниже* изначального уровня. Действительно, слишком очевидно, что даже с точки зрения Гегеля, концепция бытия *в себе* помещается на самой низкой ступени диалектики. Неизменный тезис Сартра гласит к тому же, что человек — это бесполезная страсть, или, еще, что он тщетно стремится осуществить невозможный синтез человеческого бытия в себе и для себя. Человеческий проект — это неизбежно терпящий крах проект самообожествления.

Этот тезис не безоснователен. Абсолютно верно, что неискоренимое влечение явно побуждает человека придавать себе атрибуты божественного, и сам прогресс техники явно дает всеяющее тревогу подтверждение этим искушающим посулам.

Признать существование и опасность этого искушения тем легче, чем тверже будет предварительно заявлено о реальности и опасности этого искушения, чем тверже будет полагаться экзистенция и трансцендентность Бога. Здесь же мы, напротив, сталкиваемся с как нельзя более открытым агрессивным атеизмом. Уже в «Бытии и ничто» можно обнаружить в зародыше доказательство несуществования Бога, которое демонстрирует в творчестве Сартра основу стойкого, исключительно язвительного рационализма.

Не этой ли злой иронией вызвано в значительной мере то обстоятельство, что эта философия сегодня так яростно нападает на религиозное сознание?

Марсель рассказывает, как он вызвал изумление и даже негодование среди почитателей Сартра, отнеся его философию в разряд «технологий порабощения» («*les techniques d'avilissement*»), иными словами, технологий, более или менее сознательно ведущих к последовательному обесценению человека. На первый взгляд это выглядит парадоксальным: ведь Сартр, казалось бы, напротив, постоянно превозносит человека, человеческую свободу перед лицом абсолютной абсурдности Вселенной». Однако вспомним, как действовали вожди фашистской диктатуры в Германии, Италии и других странах: там тоже народу без меры курили фимиам, а между тем, сколько презрения таила в себе эта хвалебная риторика! К тому же нам слишком хорошо известно, во что эти диктатуры превратили население Германии и Италии. Нечто подобное этому Марсель усматривает во взаимоотношениях Сартра и его сторонников с человечеством, которое они так ревностно восхваляют. По его мнению, Сартр снижает цену свободы, помещая ее повсюду. В замечательном рассказе, только что опубликованном Пьером Бостом, «Господин адмирал скоро умрет», есть фраза: «Если свобода дается легко, тогда ничто ничего не значит». Можно предположить, что здесь автор книги «Бытие и ничто» станет уверять, что в его учении свобода отнюдь не является легким завоеванием. Но тогда ему надо отказаться от приведенных выше слов, которые мы встречаем в «Дорогах свободы», так же, как в «Бытии и ничто»: «Мы осуждены быть свободными». Если мы осуждены быть свободными, то отсюда следует, что свободными быть легко. Вероятно, можно возразить, что надо проводить различие между свободой и тем, как она используется. Однако здесь мы выходим за пределы доктрины: в самом деле, не будем забывать, что для Сартра свобода не имеет ничего общего с инструментом, которым я могу обладать и которому, следовательно, могу находить хорошее или дурное применение, ибо по Сартру, свобода — это наше бытие, или ничто нашего бытия.

Возникает и другой вопрос, тоже исключительно важный: это вопрос ценностей, реальности ценностей. С позиции Сар-

тра эти ценности не могут быть заданы иначе как изначальным выбором: другими словами, неизвестно, каким образом, с его точки зрения, они могли бы быть *признаны*. «Моя свобода, — выразительно подчеркивает Сартр, — единственное основание ценностей, и ничто, абсолютно ничто не может оправдать принятия мной такой-то ценности, той или иной системы ценностей. Как существо, благодаря которому ценности существуют, я не подлежу оправданию. И моей свободе тревожно быть безосновным основанием ценностей». Невозможно выразиться более категорично: но надо задаться вопросом, не выступает ли здесь Сартр против потребностей той самой человеческой реальности, которую он между тем претендует не конструировать, но обнажить, вывести на свет.

Приведу пример, чтобы не задерживаться в подобной сфере абстракций: мы знаем очень хорошо, и это было заявлено им самим, что в третьем томе «Дорог свободы» Сартр собирается прославлять героев Сопротивления. Но ввиду того, что Сартр отвергает ценности, или, по крайней мере, признает необъективный характер ценностей, хотелось бы знать, на основании какого принципа он устанавливает различие между людьми, с одной стороны, безусловно введенными в заблуждение, но очень отважными, вступившими в антибольшевистский легион, — и борцами Сопротивления? Если не признавать, что существует действительная ценность вещей, что ценности реальные, то абсолютно невозможно установить такое различие.

В действительности, как отмечает Марсель, поступки бывают либо сообразны с ценностями, либо, в каких-то случаях, противоречат им, причем чаще всего это противоречие болезненно мной ощущается. Здесь следует задаться вопросом, не ввел ли Ницше своей концепцией сотворения ценностей принцип заблуждения и смерти в философию? Возможно, однако, что при всех негативных сторонах, позиция Ницше не столь неприемлема для Марселя, как сартровская, поскольку она, по крайней мере, исключает всякий рационалистический и материалистический фон, который Марсель обнаружил у Сартра.

По глубокому убеждению Марселя, современный экзистенциализм — на перепутье: в конечном счете, он вынужден или отречься от себя, или преодолеть свои пределы. Он просто-напросто отрицает себя, когда впадает в материализм ниже диалектического; и напротив, он трансцендирует, или стремится к трансцендированию там, где он выходит, быть может, не *на*, но *в направлении* к над-человеческому опыту, который, по всей очевидности, не может стать истинно и прочно нашим по эту сторону смерти. Конечно, Сартр подверг убедительной критике концепцию «бытия к смерти», играющую столь важную роль в хайдеггеровской философии; однако очевидно, что

его собственная позиция ничуть не лучше, и что она столь же туманна. Поэтому и здесь неизбежно возникает дилемма: или это утверждение абсолютной смертности человека является выражением экзистенциального зорока, и тогда оно неизбежно будет носить субъективный характер, — или оно предполагает в своей основе объективный сциентистский реализм в подходе к смерти, вульгарный материализм, также находящийся на инфракзистенциальном уровне философской мысли.

По мнению Марселя, трудно ожидать какого-либо изменения в сути учения Сартра. Для того, чтобы такое изменение было эффективным и не ограничивалось одним лишь освещением, надо, чтобы были пересмотрены сами принципы его философии: однако ничто в данный момент не позволяет предвидеть подобный пересмотр. Напротив, все дает основание думать, что его позиция будет только крепнуть и ужесточаться. Единственный вопрос, который временами хотелось бы задать, говорит Марсель, это не пойдет ли Сартр в какой-то момент на сближение с марксистами; что, правда, вовсе не значит, что последние, весьма к нему нерасположенные, будут счастливы принять его в свои ряды. Это покажет ближайшее будущее. А пока у Сартра — перспектива, непосредственно или через усердных вербовщиков, множить число своих учеников, — и слишком часто — жертв, черпая их в рядах дезориентированной, анархистствующей молодежи.

Аннотация

В статье рассматривается столкновение философско-этических позиций Г. Марселя и Ж.-П. Сартра. Отмечается высокая оценка Марселем ряда категорий сартровской философии (категория экзистенции, анализ «взгляда со стороны» и др.), которые, по мнению Марселя, прочно войдут в современную философию человека. Однако ряд положений Сартра (о богооставленности человека, его одиночестве во Вселенной, обреченности на выбор, не имеющий никаких опор в духовном мире, абсолютном, негативном характере свободы) Марсель как христианин подвергает критике.

Ключевые слова:

экзистенция, *mauvaise foi*, взгляд со стороны, свобода, выбор, другой.

Summary

The article considers the collision between the philosophical and ethical positions of G. Marcel and J.P. Sartre. The author says, that a number of concepts (as an existence, *mauvaise foi*, *le regard d'autrui* etc.) were appreciated by Marcel, others (as a solitude in the universe, being doomed to choose without any support in the spiritual world, absolutely negative nature of freedom) were criticized by Marcel as a cristian.

Keywords:

existence, *mauvaise foi*, *le regard d'autrui*, freedom, choice, another.

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Философия и наука

НОВЫЙ ТИП ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЙ И ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В БИОЛОГИИ И МЕДИЦИНЕ XXI ВЕКА

Л.П. КИЯЩЕНКО, П.Д. ТИЩЕНКО

На переломе XX – XXI веков общество обнаруживает в себе как свое собственное парадоксальное основание состояние кризиса, т.е. состояние постоянного становления другим. Поэтому его переходный характер (лиминальность) начинает трактоваться не как временная черта некоторого исторического момента нестабильности между припоминаемым стабильным существованием в прошлом и желанным стабильным состоянием в будущем, а как существенная черта самого настоящего. Кризис имманентизируется, ставя задачу осмысления возможности обеспечения стабильности развития в стихии изменений. В этой ситуации как хорошая метафора может быть заимствована идея из области теоретической биологии.

В отличие от расхожей идеи *гомеостата* (хорошо представляющей технические устройства типа холодильника или состояния живого, которое более или менее точно можно описать механически), К.Х. Уоддингтон предложил идею, более соответствующую существу жизни – идею *гомеореза*. Гомеорез – это способность живого обеспечивать устойчивость в потоке становления от зарождения до смерти. Соответствовать моменту развития и быть раскрытым будущему. Ни в один из моментов становящееся живое существо не может вернуться к чему-то бывшему. Оно может попытаться выдвинуться лишь к еще отсутствующему будущему. Заболевший в один год тяжелой болезнью ребенок в два года не должен возвращаться к начальному состоянию годовалого. Задача врачей и родителей – создать возможности для его развития как двухлетнего ребенка, обладающего возможностями и способностями развиваться, т.е. постоянно становиться другим – взрослеть.

В той или иной степени задача достижения стабильности в потоке трансформаций (своеобразного гомеореза) ставится и обсуждается в современных концепциях «постиндустриального общества», «общества риска», «постчеловеческого общества», «высокотехнологического общества», «информационного общества», «общества знаний»,

«инновационного общества» и т.д. и т.п. Каждая из названных концепций делает свой акцент на каких-то особенных характеристиках бытия в потоке становления: экономических, технологических, социальных, гуманитарных, антропологических и др. Одновременно складываются новые стратегии научного исследования: междисциплинарные, мультидисциплинарные, кросскультурные, трансдисциплинарные, трансинституциональные и др., которые преодолевают казавшиеся устойчивыми дисциплинарные границы, превращая бывшие границы в коммуникативные каналы и интерактивные пространства.

Философия, социология и гуманитарные науки как формы саморефлексии и самосознания культуры не могут не переживать и не пытаться осмыслить происходящие изменения. В Институте философии РАН в апреле 2010 г. состоялось совещание в рамках исследовательского проекта «Философские основания биоэтики». С материалами этого совещания читатель может ознакомиться в предлагаемой ниже подборке статей. В них представлена попытка обсудить новейшие тенденции в социологии и философии науки, обращаясь к эффектам «становления в бытии и бытия в становлении» (Ж. Делёз) в структурах современного познания. Мы полагаем, что без учета (или, по крайней мере, – критической, рефлексивной оценки) этих тенденций невозможно действительно современное развитие философии науки и биоэтики в том числе.

Во вступительном слове (совместный доклад Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко) был дан общий обзор складывающегося в социологии и философии науки качественно нового понимания характера познания, которое из традиционных научных исследований превращается в форму распределенного в социальной сети производства разнородных форм знания. Б.Г. Юдин в пленарном докладе подробно остановился на феномене этоса технонауки (Б. Барнс), обсудив связь этой концепции с другими социологическими и философскими представлениями. Е.Г. Гребенщикова представила подробный анализ идеологии второго типа производства знаний (Mode 2 knowledge production, М. Гиббонс, Х. Новотная, П. Скотт и др). Л.П. Киященко попыталась продемонстрировать коэволюцию идей в западной социологии науки (на примере концепции трансинституционального триплекса «наука – правительство – бизнес» Г. Этцковича и Л. Лидесдорфа, а также концепции трансдисциплинарности Б. Николеску) с развитием философии синергетики и постнеклассической науки (В.С. Степин, В.И. Аршинов и др.) в Советском Союзе и России. П.Д. Тищенко обсудил особенности биоэтики в перспективе идей общества риска (У. Бек) и эвристики страха в философии ответственности Х. Йонаса. В.И. Моисеев сделал попытку использовать новейшие представления об особенностях производства знаний в интерпретации общих оснований медицинских и нравственных онтологий с использованием идеи обобщенной инвариантности.

Если попытаться кратко охарактеризовать основные черты нового типа производства знания, то они таковы:

1) знание производится не только в контексте открытия и фундаментального обоснования, но и в контексте оцениваемых последствий и применения;

2) научная рациональность учитывает соотношенность знаний об объекте с познавательными средствами (приборами) и языком, а также ценностно-целевыми структурами, разворачивающимися в коммуникативном взаимодействии (биоэтика является одним из наиболее влиятельных инструментов подобного рода соотношения);

3) предметоцентризм дисциплинарной организации знания доопределяется проблемоцентризмом трансдисциплинарных и трансинституциональных исследований;

4) отмечается гетерогенность и организационное разнообразие производства знания. Знание производится не только в лабораториях, но и по всей социальной цепочке восприятия, интерпретации, трансформации, трансляции, применения знаний и потребления его результатов, в явной и неявной форме. В качестве производителей знания (своеобразных социо-гносеологических субъектов) выступают и индивиды, и организации);

5) возникают новые формы социальной ответственности и рефлексивности (биоэтика наиболее характерный пример);

6) усложняется структура контроля качества знания. Научная достоверность и доказательность доопределяются критериями (прогнозами) эффективности, аргументами общественной пользы, идеями рыночной конкурентоспособности, соотношениями цены и качества и т.п.

Интересно отметить, что описанные аспекты преобразований в структурах производства знаний имеют одно общее основание — констатацию кризиса классического понимания науки, выраженную амбивалентность ее этоса и форм взаимодействия с другими общественными институтами (бизнесом, политическими структурами, общественными организациями и т.п.). Причем наличие многообразия в чем-то сходных, а в чем-то серьезно различающихся философских и социологических попыток дать описание и истолкование новым тенденциям в научной и познавательной деятельности само является, в определенной мере, симптомом кризисного, переходного состояния. Дело в том, что любая рефлексия на эффекты кризиса и становления в научной деятельности, понимаемая в традиционном ключе, с неизбежностью оказывается попыткой «остановить» движение, представить то, что, по сути, включает в себя неопределенность и трансформации, в некоторой «остановленной», рационально представленной форме.

В этой ситуации каждая из теоретических концепций схватывает не просто некий особый аспект так, что можно «просуммировать» результаты, сложив в некое целое, но и является особенным целост-

ным представлением реальности в ее динамике. За счет этого реальность науки из, предположительно, *данной* становится *загаданной*, неопределенной, всегда таящей в себе предпосылки иных форм своего представления. Удержание следов неопределенности и становления осуществляется за счет сочетания двойной рефлексивности — субъективной рефлексии *погруженного в событие наблюдателя* и объективной рефлексии *наблюдателя отстраненного*. Обнаруживающиеся парадоксальные эффекты становления, неопределенности и нестабильности в двоящейся рефлектирующей мысли представляют неопределенности и нестабильности в самом бытии науки, время от времени выходящие на поверхность и нарушающие «штиль» (стиль) общепринятой научной догмы (парадигмы).

Описанная в терминах различных концептуальных построений новая ситуация в расширительно трактуемом производстве знаний, включающем самые разнородные формы познания (не ограничиваясь научными) — это не только вызов философии, требование дать адекватный современности ответ, но и формирование нового видения истории и традиции. В частности, радикально меняется понимание и осмысление основополагающих вопросов классической метафизики. Фактически, участники совещания попытались дать современный ответ на первый из трех знаменитых сформулированных И. Кантом вопросов — что я могу знать? Ответ на два других — что я должен делать? И на что я могу надеяться? (как известно в целом они определяют границы основного вопроса — что такое человек?) — задача последующих этапов реализации проекта «Философские основания биоэтики».

Аннотация

В Институте философии РАН 14-го апреля 2010 г. состоялось совещание в рамках исследовательского проекта «Философские основания биоэтики». С материалами этого совещания читатель может ознакомиться в предлагаемой подборке статей. В них представлена попытка обсудить новейшие тенденции в социологии и философии науки, обращаясь к эффектам «становления в бытии и бытия в становлении» (Ж. Делёз) в структурах современного познания.

Ключевые слова:

технонаука, второй тип производства знаний, триплекс трансинституциональности, постакадемическая наука, общество риска.

Summary

The meeting within research project «Philosophical bases of bioethics» has taken place at the Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences on April 14, 2010. Materials of this meeting are offered in the selection of articles. Attempt is presentet discuss the newest tendencies in sociology and the philosophy of science addressing to effects of «being in becoming and becoming in being» (G. Deleuze) in structures of modern knowledge.

Keywords:

technoscience, Mode 2 production of knowledge, transinstitutional triplex, postacademic science, risk society.

БИОЭТИКА, ОБЩЕСТВО РИСКА И ЭВРИСТИКА ВЫЗОВА*

П.Д. ТИЩЕНКО

Общество риска и эпоха «другого модерна»

Характеризуя современную культуру, У. Бек использует термин «другой модерн» (модерн «вершин»), переднего края развития политической, индустриальной и научной инфраструктуры современного капиталистического общества. Причем, пугающая одних и привлекающая других волна «антимодернистских настроений» в виде антисциентизма, критики технического прогресса, формирования маргинальных социальных движений (политических, религиозных и др.) — все это «не вступает в противоречие с модерном, а является выражением его последовательного развития за пределы индустриального общества»¹.

Реальность наступившего *будущего* усматривается Беком прежде всего в стремительно формирующихся социально-экономических институтах *общества риска*. В предшествующую эпоху (еще господствующую в странах третьего мира типа России) риск рассматривается как результат недостаточного развития технологий и научных знаний. В современной ситуации индустриально развитых демократических стран риск начинает пониматься как результат избыточности технологического и научного прогресса, отсутствия прогностической освоенности порождаемых последствий. Чем фундаментальнее открытие или техническая инновация, тем связанные с ними риски также становятся фундаментальнее.

Риск приобретает не свойственные ему раньше социальные качества, становясь, по мнению Бека, системообразующим принципом. Формируется новая социальность *общества риска*. Место общности нужды занимает общность страха. К концу XX века страх становится мощным политическим инструментом, которым пользуются не только зеленые партии и группы, но и все остальные — от представителей традиционного истеблишмента до экстремистских групп и новых религиозных сект.

Конгруэнтно с политическими инфраструктурами общества риска формируются и его экономические институты. Риск из отслеживаемого, измеряемого и контролируемого *побочного последствия* научно-технической деятельности оборачивается неисчерпаемым ресурсом нового класса потребностей. При этом рисками в отличие от обычно понимаемых потребностей нельзя владеть, «риски нас

настигают», разбивая и физическую, и метафизическую границу между своим (пространство автономного контроля) и чужим.

Одновременно, как отмечает Бек, «цивилизационные угрозы ведут к возникновению нового рода мифологии — своеобразного “царства теней” другого модерна, сравнимого с богами и демонами на заре человечества. Царства, которое таится за видимым миром и угрожает жизни человека на этой земле. Сегодня мы имеем дело не с духами, которые прячутся в вещах, мы подвергаемся “облучению”, глотаем “токсические соединения”, нас наяву и во сне преследует страх перед “атомным холокостом”... Непосредственному наслаждению радостями жизни, простому существованию пришел конец. Всюду корчат рожи вредные и ядовитые вещества, бесчинствуя, словно черти в средневековье. Люди перед ними полностью беззащитны. Дышать, пить, есть — значит повсюду сталкиваться с ними»².

В раскручивании социально-экономических и мифологических идеологием общества риска особую роль играет наука, которая оказывается одновременно и со-причиной главных цивилизационных рисков, и социально признанным (легитимным) их диагностом («органом восприятия» — лишь наука в силах «увидеть» и оценить риски пестицидов, холестерина, сахара, нитратов и т.д.), а также социально-экономическим агентом, призванным разрабатывать новые, более совершенные средства защиты. Наука постоянно возрождает потребность в себе (несмотря на скепсис и антисциентизм) и, ввиду парадоксального сочетания в своей идентичности источника опасности и надежды на спасение.

Тройную функцию производства, диагностики и предотвращения рисков наука начинает выполнять в особой культурной ситуации, которую Бек назвал «рефлексивным онаучиванием» в отличие от «простого онаучивания» эпохи Просвещения. В эпоху Просвещения наука (прежде всего в лице философского наукоучения) подвергла суровой критике все формы традиционной идеологии, заняв место, которое до нее занимало христианство. Место инстанции, генерирующей наиболее фундаментальные представления человека о себе и окружающем мире. Однако в этой тотальной критике было свое «слепое пятно». Сама наука в ее амбициозной претензии на истину и власть оставалась вне подозрения до конца Второй мировой войны.

Внутри научного сообщества работал принцип «универсального сомнения». Между тем, во вне, т.е. в обществе, наука заняла те авторитарные позиции, с которых она в эпоху Просвещения с успехом сумела изгнать религиозный традиционализм. Эта победа оказалась возможной благодаря тому факту, что наука в глазах общества стала играть роль *спасителя* перед экзистенциальной угрозой, которая виделась человеку в лице природной стихии. Бек подчеркивает, что в ситуации простого онаучивания «[п]риложение науки осуществляется... с установкой на отчетливую объективацию

*Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Биоэтическое обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий», грант № 10-03-00846а/Б.

возможных источников проблем и ошибок: в болезнях, кризисах, катастрофах, от которых страдают люди, “виновата” дикая, непонятная природа, “виноваты” нерушимые принуждения традиции³. В этой установке сознания заключены основания научного авторитаризма периода простого онаучивания.

Современная «цивилизация вступила в такую фазу развития, когда она онаучивает уже не только природу, человека и общество, но все более самое себя, свои продукты, воздействия, ошибки. Стало быть, речь идет не об “освобождении от изначально данных зависимостей”, а о дефиниции и распределении ошибок и рисков, возникших по собственной вине»⁴. Никакой *дикой* природы нет — все является специфическим продуктом научно-технического, экономико-политического прогресса. В наводнениях, засухах, болезнях — во всех экзистенциальных и экологических угрозах человек обнаруживает свое собственное присутствие.

В ситуации другого модерна происходит рефлексивное замыкание принципа научного методологического сомнения на саму научную деятельность. Силой, вызывающей само-замыкание научной рациональности, оказывается *риск*. По мнению Бека, обнаруживаемые обществом цивилизационные риски (отмечу — не только экологические, но и моральные риски потери человеческой самоидентичности. — П.Т.) принципиально не наблюдаемы монодисциплинарным или даже моноинституциональным (научным) взглядом. В ситуации простого онаучивания ученый эксперт в своей области был самодостаточным в ответе на вопросы: «что происходит?», «почему?» и «что делать?» В новой ситуации обнаруживается явная недостаточность такого подхода. Цивилизационные риски обнаруживаются только трансдисциплинарно и трансинституционально.

Наука сама себя проводит сквозь строй тотального сомнения и философско-методологической критики. В результате рефлексивного онаучивания наука, обнаружив в себе недостаточность классически толкуемого принципа универсальности, расчищает культурное пространство для возрождения традиционных и признания современных ненаучных форм производства знаний.

Исчезает центральная инстанция, производящая истинную оценку рисков и дающая человечеству ясные цели цивилизационного развития. Оценка рисков и формирование согласованного волеизъявления начинается происходить *транзитом* в сложной социальной сети разнообразных социальных агентов. Иными словами, процедуры восприятия, осознания и оценки риска осуществляются не в некотором *центре*, претендующем на полноту знания и *авто-номно* принимающем решение, но как коммуникационный процесс в *сети* конфликтующего многообразия исходно неполных и недостаточных источников научной и ненаучной информации и волеформирования. Наука как бы перешагивает собственные

границы ступая в сферу сложных трансдисциплинарных и трансинституциональных взаимодействий.

Эвристика страха и идея ответственности по Х. Йонасу

Характеризуя классический подход к этическим проблемам техники, Х. Йонас подчеркивал, что «традиционная идея *техне...* является этически нейтральной — и в отношении объекта, и в отношении субъекта действия»⁵. Взрывы ядерных бомб и Нюрнбергский процесс по делу нацистских ученых-медиков, так же, как и множество других свидетельств аморального использования людей в научных экспериментах, уничтожили миф о моральной нейтральности науки.

Одновременно в традиционной этике «само моральное действие сводилось к непосредственному воздействию одного человека на другого человека»⁶. В современной ситуации природа, геологический ландшафт, жизнь, окружающая человека и являющаяся условием его собственного существования, благодаря развитию экологического движения приобретают статус моральных субъектов. При этом классическая моральная философия предполагала, что «в контексте совершаемого действия в конкретном домене реальности сущность “человека” и базисные условия его существования рассматриваются как константные по природе вещей и не преобразуются за счет внедрения технологий»⁷. Однако современные биомедицинские технологии начинают радикально трансформировать не только условия существования человека, но и его сущность⁸.

И, наконец, последняя метафизическая черта традиционной этики заключается в том, что «добро и зло, по поводу которых реализует себя моральная забота, связаны либо с самим действием, либо с его ближайшими последствиями и никогда не становятся предметом отдаленного планирования»⁹. Отдаленные последствия становятся одной из центральных забот при оценке рисков современных биомедицинских технологий. Именно на этом основании впоследствии формируется набирающий влияние «принцип предосторожности», ограничивающий безусловную значимость новоевропейского лозунга «знание — сила!».

В новых условиях необходима иная этика, иное понимание ответственности, которое Йонас сформулировал в виде особого «императива ответственности»: «Действуй так, чтобы результат твоего действия обеспечивал непрерывность человеческой жизни»¹⁰.

Для ответа на вопрос — как можно реализовать новую идею ответственности, учитывая множественность моральных позиций, Х. Йонас выдвинул идею *эвристики страха*. Эта идея может быть коротко изложена следующим образом. Перед лицом угроз научно-технического прогресса в биомедицине насущны энергичные совместные усилия людей, образующих современное человечество. Для этого необходимо наличие общего понимания целей и цен-

ностных оснований совместных действий. Однако попытки позитивного выражения общих моральных оснований приводили не к единству, а к раздробленности. В результате мы имеем множасьщее многообразие философских и религиозных версий позитивного истолкования блага. В виде альтернативы Йонас предлагает взять в качестве основания не позитивное понимание блага, а негативное – совместное переживание страха и угрозы, исходящей от научно-технического прогресса и бурного индустриального развития. В горизонте объединяющего большую часть человечества переживания страха возможна, предположительно, совместная кооперативная деятельность, а со временем формирование общих моральных ценностей.

Описанные Бекон, стремительно формирующиеся структуры общества риска наглядно демонстрируют правоту идей и предсказаний Йонаса. Однако эта правота должна быть понята, как мне представляется, с важным уточнением. Йонас, будучи представителем классического стиля философствования, полагал, что страх как негативное основание общности в перспективе позволит сформировать некое позитивное универсальное понимание природы рисков, ценностей и целей цивилизационного развития (без этого невозможны их прогностика и контроль). Последнего, однако, не произошло. Негативность страха (в разных формах и обликах) продолжает сохраняться в качестве мощного, почти единственного основания для современного общества риска. Однако, полагая, что в нее нужно внести серьезное дополнение, которое позволю назвать эвристикой *вызова*.

Эвристика вызова (переосмысляя Йонаса)

Я говорю об эвристике вызова (точнее – вызовов) как поиске сложного знания бытия в сложном мире, постоянно преобразуемом новейшими достижениями биологии и медицины. Речь идет об эвристике, а не методологии по той причине, что уже сам поиск, сам образ жизни философа, ученого или любого другого призванного этим вызовом уже является первым и наисущественнейшим ответом – основой ответственности, априорным условием самой возможности для человечества и отдельных сообществ ответственного бытия в мире в современных условиях. К примеру, характер отношения к экологическим проблемам в нашей стране ясно показывает, что многие знают о них, вполне сочувственно относятся к необходимости их решения, но ничего не делают. Слова услышаны, а зов не услышан. Поэтому царствует экологическая без-ответственность.

Рождающийся ответ на вызовы является первым, но не последним условием ответственности. Само по себе появление людей призванных этими вызовами не решает проблему, не делает общество ответственным. Призванные должны быть узнаны и признаны как

те, в чьем жесте, голосе, действии и т.п. реализуется значимая для общества озабоченность. Узнанность и призванность позволяет личному призыванию превратиться в социально оформленную и обеспеченную траекторию профессиональной реализации в академической, политической, предпринимательской, общественной или любой иной сфере деятельности.

Слово вызов используется мной вместо слова страх постольку, поскольку то, что вызывает нас к существованию в качестве ответственных существ (отвечающих на что-то или кому-то) страхом не ограничивается. Мы безусловно осознаем опасности и угрозы, связанные к примеру с клонированием человека или производством генетически модифицированных животных и растений для продуктов питания. Но человек не столько ре-активное, сколько активное существо. В нем заложен природой и преобразован культурой мощнейший импульс к самоутверждению, к творческому созиданию нового и преобразованию старого. Поэтому, соглашаясь с Бекон в отношении фундаментальной роли риска в современном обществе, я предпочитаю само слово риск не сводить к страху. В нем звучит еще и онтологическая отвага человека, вынужденность поступать, самореализовываться в условиях углубляющейся неопределенности.

Разработчики новых технологий подвижны не злым умыслом. В их деятельности, через их жизнь как ученых-новаторов реализуется не менее существенный импульс человеческого предназначения, чем тот, что реализуется в действии эколога, защищающего среду обитания, или богослова, пекущегося о спасении души. Поэтому и эвристика не может быть привязана к некоторому опасливому выживанию, если ищет эффективного ответа. Она должна быть фундирована в вызове, обращенном к человеческому существу в современной исторической ситуации, вызове, выпрашивающем человеческое существо во всем богатстве и мощи его творческих потенций.

И еще одно важное возражение идее эвристики страха. Страх как нечто единящее людей связывает их, что называется, лишь в некотором «голом» экзистенциальном переживании. Как только он начинает осваиваться чувством и мыслью, единство улетучивается. Мы получаем столь же богатое разнообразие идей страха, сколь многообразны были и остаются идеи истины и блага. Поэтому идея ответственности должна включать в своем основании ответ на вопрос: как возможно кооперативное, совместное действие людей перед лицом вызовов современной ситуации в условиях их существенного разномыслия, как возможно продуктивное инакомыслие? Этот аспект был достаточно подробно обсужден в других публикациях¹¹. Здесь хотелось бы обратить внимание на сложную структуру, в которой формируется многообразие знаний о надеждах, рисках и ответах на них в современных сообществах.

Производство знаний о рисках, формирование горизонтов надежды и возможных ответов на вызовы ситуаций, провоцируемых

во множестве научно-техническим прогрессом, осуществляется в сложной социальной сети. Эти знания имеют множасьщееся число планов: знание как настроение, умение, получение информации, осмысление и мудрость. «Субъектом» сложного знания может выступать как индивид, так и группа людей, как институционально оформленный коллектив (лаборатория, бизнес группа), так и транс-институционально (нередко – транс-национально) работающая структура. Оно может выражаться в явном виде (быть объективированным в текстах) или неявном (воплощенном в телах индивидуальных и коллективных субъектов). Оно может быть как искомым результатом рациональной эвристики, так и непреднамеренной, непредусмотренной находкой, сохраненной, опять же, как в явной, так и в неявной форме.

Вызов можно рассматривать как своеобразный «прибор» раскрытия различных планов сложного знания. В определенном аспекте он (вызов) выискивает «общее». Однако, и в этом радикальное отличие от философии Х. Йонаса, общее должно отказаться от статуса обобщающего всеобщего.

Формирование вызова как эвристики (опыта) раскрытия сложности человеческого существа осуществляется путем обнаружения опасности, угрозы сущности или существованию человека и наброске горизонтов надежды – спасения. В отношении последствий биотехнологического прогресса опознание и оценка угроз, инвестирование определенных страхов и надежды на их преодоление, осуществляется биоэтикой. При этом биоэтика реализуется как форма социально распределенной экспертизы (транзитом, как сказал бы Бек) рисков научно-технического прогресса в области биологии и медицины. Традиционно оценка рисков в данной области строилась на основе внутринаучных критериев. В настоящее время она начинает осуществляться в сложно организованной социальной сети, воспринимающей научные идеи, накапливающей, распространяющей и применяющей их. К этой сети относятся научные и политические институты, индустрия, средства массовой информации, интернет, искусство.

Каждый из социальных агентов, участвующих в этом процессе, производит свое собственное специфическое знание путей самореализации, угроз и рисков, что позволяет, с одной стороны, более эффективно выполнять именно его функции, а с другой – более успешно включаться в кооперацию с другими агентами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Сидельникова и Н. Федоровой / Посл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 11 – 12.

² Там же. – С. 88 – 89.

³ Там же. – С. 241.

⁴ Там же. – С. 240.

⁵ Jonas H. The imperative of Responsibility: in search of an Ethics for Technological Age. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1984. – P. 4.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ См.: Тищенко П.Д. Био-технологическая ре-де-конструкция человеческого в человеке (казус сексуальности) // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 3. – М.: ИФРАН, 2009.

⁹ Jonas H. The imperative of Responsibility: in search of an Ethics for Technological Age. – P. 4.

¹⁰ Ibid. – P. 13.

¹¹ См.: Тищенко П.Д. О множественности моральных позиций в биоэтике // Человек. 2008. № 1.

Аннотация

В статье обсуждается специфическая роль науки в производстве, диагностике и предотвращении рисков (общество риска У. Бека), эвристика страха и концепции ответственности Х. Йонаса, предлагается идея эвристики вызова. В отличие от эвристики страха, эвристика вызова рассматривает как сплачивающее различно мыслящих людей начало не только угрозу, но и присущее человеку стремление к самоутверждению, в том числе и через инновационную активность.

Ключевые слова:

биоэтика, общество риска, знание неявное, эвристика страха, эвристика вызова.

Summary

The article the specific role of science in manufacture, diagnostics and prevention of risks (a society of risk of U. Beck), as well as heuristics of fear and the concept of responsibility (H. Jonas). Author offered idea of heuristics of a challenge. Unlike fear heuristics, the challenge heuristics considers as the beginning of social integration for differently thinking people not only threat, but also aspiration inherent in the person to self-affirmation, including through innovative activity.

Keywords:

bioethics, risk society, knowledge production, tacit knowledge, heuristics of fear, heuristics of challenge.

ТРАНСИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МАТРИЦА ИННОВАЦИОННОГО СООБЩЕСТВА*

Л.П. КИЯЩЕНКО

Понятие трансинституциональной матрицы мной образовано по аналогии с дисциплинарной матрицей Томаса Куна. Как известно, Кун ввел это понятие в свою концепцию вместо понятия парадигма с тем, чтобы подчеркнуть нетеоретический характер наиболее общих представлений и правил, которыми ученые руководствуются в своей деятельности. В ситуации научных революций, вызванных накоплением аномалий (теоретически необъяснимых фактов) происходит преобразование матриц. Наука как система проходит через кризис, достигая нового стабильного состояния и формируя новую дисциплинарную матрицу.

В понятии трансинституциональной матрицы мне хотелось бы отобразить радикальные изменения, происходящие в современных формах производства знаний, которые выходят за рамки не только отдельных дисциплин, но и науки как особого рода института. Знание производится трансинституционально. Это не означает, что наука как институт перестает работать. Правильней сказать, что деятельность ученого усложняется. Он сохраняет себя в качестве члена определенного дисциплинарного сообщества и одновременно становится членом нового трансинституционального сообщества, что, в свою очередь, усложняет его мышление. Ясность, очевидность и достоверность дисциплинарных знаний в трансинституциональной среде доопределяются иными критериями ясности, очевидности и достоверности (подробней о них будет сказано ниже).

При этом, если Кун видел в революциях некоторое переходное состояние между различными вариантами нормальной науки, то сейчас приходится говорить о перманентной «ненормальности» или пост-нормальности науки, для которой существуют свои правила и представления, обеспечивающие стабильность новых форм производства знаний в постоянном потоке их преобразований¹.

Основные черты трансинституциональной матрицы будут рассмотрены в двух планах. Во-первых, в общих чертах будет представлена концепция тройной спирали (триплекса) инновационного развития: *университет – правительство – бизнес*, предложенная в 2000 г. Г. Этцковичем и Л. Лидесдорффом². Эта концепция создавалась в качестве критического ответа на концепцию Второго типа

производства знаний Гиббонса и др.³. Обсуждая эту концепцию, удастся выявить ряд принципиальных мировоззренческих, онтологических и гносеологических аспектов трансинституциональной матрицы. Во-вторых, будет обсуждена проблема этоса трансинституционального взаимодействия, который определяет наиболее существенные аспекты деятельности ученых и других субъектов производства знаний в современной ситуации в личностном плане, а также в плане фундирующего новый тип производства знаний трансинституционального сообщества.

Тройная спираль инновации: университет – правительство – бизнес

С точки зрения Г. Этцковича и Л. Лидесдорффа новая ситуация в науке, особенно ее инновационный характер, более адекватно может быть описана как система структурных преобразований в функционировании университетов, промышленности, и правительства. Каждая из спиралей триплекса меняет свою роль за счет усвоения ролевых функций других субъектов производства знания и вместе с тем удерживает внутри себя консервативные механизмы самосохранения. Университеты усваивают функции бизнеса, создавая мобильные трансдисциплинарно и трансинституционально работающие компании, сориентированные на решение конкретных научно-практических проблем. Бизнес активно использует ученых в качестве консультантов в развитии новых инновационных проектов, а студентов и аспирантов в качестве мобильной, высококвалифицированной рабочей силы для нового типа производств. Правительство выполняет не только регулирующие функции, создавая наиболее благоприятные условия для инновационной деятельности, но и с помощью политики инвестиций обеспечивает ее необходимыми ресурсами. Одновременно правительство усваивает научные функции, постоянно отслеживая социальные и экономические последствия своей политики в области инвестиций с помощью постоянно действующих исследовательских групп. При этом эффекты инновационного развития оцениваются не только по результатам традиционного промышленного производства, но и по формированию интеллектуального капитала, являющегося залогом стабильного последующего развития.

Следует отметить, что инновации отличаются от традиционно понимаемых изобретений тем, что в них производство нового знания – необходимый, но недостаточный момент. Инновациям в технике или в других областях деятельности всегда предшествуют социальные инновации в виде создания трансинституциональных центров, рабочих групп, компаний и т.д., которые сводят вместе до тех пор практически разобщенные группы ученых, бизнесменов и политиков. Должно быть создано эффективное именно для решения конкретной проблемы пространство трансинституцио-

*Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Биоэтическое обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий», грант № 10-03-00846а/Б.

нального взаимодействия. В нем постепенно формируется особый язык с постоянно расширяющимся словарем, специфические эффективные в данных условиях трансинституциональные коммуникации в системе тройной спирали дискурсивные практики, понятийно — метафорические системы. Соответственно формируются специфические коммуникативные компетенции участников трансинституционального взаимодействия.

Причем изменения в функционировании каждой из описанных спиралей оказывается возможным только в том случае, если, обладая адекватными коммуникативными компетенциями, участники инновационного процесса осуществляют двойную герменевтику. Они должны рефлексировать, с одной стороны, на свою позицию субъектов, погруженных во взаимодействие, а с другой, — на свою же позицию наблюдателей, размещенных вне системы взаимодействия (внутри традиционной монодисциплинарной науки, традиционном бизнесе и политике). Эта двойная герменевтика строится на удвоенных критериях ясности, очевидности и достоверности. Одна из них укоренена в традициях дисциплинарной науки, а другая — формируется в режиме здесь-и-теперь в опыте взаимодействия участников трансинституциональных проектов.

Динамика взаимодействия между дискурсивными перспективами участников триплекса сложна, поскольку участники могут относиться к различным системам референции, что определяет неоднозначное восприятие позиций друг друга. В такой ситуации становится непригодным язык линейно разворачивающихся причин и следствий, традиционно связанный с предположением о едином и стабильном универсуме, в котором последствия в принципе предсказуемы и контролируемы. В прагматически ориентированной онтологии трансинституционального производства знаний на первый план выступают идеи хаоса и неопределенности. От характерного для дисциплинарной науки вопроса — как нечто есть на самом деле, в трансинституциональной среде происходит сдвиг к вопросу — как нечто может стать иным и через это становление быть использованным в конкретных практических целях.

Идея триплекса, как модель, предоставляет эвристически полезную метафору для координации нелинейных по своему характеру, поливариантных и статистически детерминированных процессов инновационного развития. Динамика процессов в тройной спирали государства, науки и бизнеса становится предметом анализа с точки зрения теории сетевых взаимодействий, поиска локальных контекстуализированных решений в режиме «здесь-и-теперь». И, тем не менее, каждому из субъектов трансинституционального производства знаний важно сохранить и относительно независимость, поскольку взаимодействие между ними не представляется возможным полностью редуцировать к чисто прагматическим основаниям.

Контекстуально определенные для «здесь-и-теперь» частные решения нелинейных «уравнений» сложной системы триплекса, непосредственно связаны с формированием особого рода «топосов» трансинституционального взаимодействия (трансинституциональных сообществ), со своими правилами поведения и ценностных предпочтений этоса. В качестве такого рода «топосов» возникают, обычно под крылом университетов, мобильные фирмы, работающие как своеобразные «инкубаторы знаний». Трансинституциональное взаимодействие (для обеспечения возможности отмеченной выше двойной герменевтики) формирует особого рода рациональность, опираясь на которую нового типа профессионалы трансинституционального посредничества (транспрофессионалы по Г. Этцковичу и Л. Лидесдорффу) могут выступать в роли «переводчиков», обеспечивающих перевод между интересами и языками различных субъектов инновационного процесса.

Основным посредником во взаимодействии спиралей триплекса оказывается знание, которое, как ни парадоксально, производится не только в процессе производства по логике своего предмета, например, в науке, промышленности или властных структурах общества, но и (возможно на уровне неявного знания по М. Полани) преобразуется за счет знаний партнеров, т.е. как результат совместного решения конкретных практических задач.

Таковы в общих чертах основные идеи концепции взаимодействия тройной спирали или триплекса *университет — бизнес — правительство* в инновационном процессе по Г. Этцковичу и Л. Лидесдорффу в плане их влияния на формирование мировоззренческих, онтологических и гносеологических составляющих трансдисциплинарной матрицы. Попробую дать их предварительное обобщенное описание. Можно без преувеличения сказать, что в качестве основной новации в трансдисциплинарной матрице триплекса инновационного сообщества выступает представление о сложности. Основанием идеи тройной спирали является метафора математической задачи описания относительного движения трех тел, которая, в принципе, не имеет общего решения, но возможны частные решения для некоторых конкретных начальных условий. Она удобна в отношении нелинейных, поливариантных и статистически детерминированных процессов инновационного развития. В российской философии науки (синергетике) эта модель или метафора активно использовалась с конца 80-х годов для описания неравновесных, нелинейных процессов самоорганизации.

В модели тройной спирали главное: а) внутренняя неопределенность описываемого феномена, учитывая наложение влияния относительной независимости каждой из выделенных спиралей и эффектов их взаимной адаптации; б) наличие множественности возможных решений, исходя из конкретности возможных отно-

шений между ними; в) зависимость этих решений от контекстных (внешних), начальных условий «здесь-и-теперь».

С методологической точки зрения тройная спираль трансинституциональности в инновационном сообществе работает по следующему принципу: каждые две из трех спиралей образуют по отношению к третьей пограничные условия интервальной ситуации, а третья (переменная) — средовое образование «между», причем эти рамочные функции могут исполнять попарно каждая из выделенных переменных. В силу качественной разнородности спиралей а, каждая из них доопределяется, в том числе, через свое иное, например, университеты через посредство промышленности, правительство через лоббирующие структуры бизнеса и т.д., их взаимодействие приводит к возникновению социальных инноваций, а последние создают порождающую среду для технических и иных конкретных инновационных продуктов. Идея тройной спирали, возможно, не образует аналитическую модель, но она способствует возникновению серьезной школы социологических исследований с эмпирической и концептуальной актуальностью.

Этос трансинституционального производства знания

Говоря об этосе трансинституциональных взаимодействий, я исходно предполагаю его динамический и амбивалентный характер. Напомним, что слово «этос» в его классическом толковании, сформулированном Р. Мертном, подчеркивает то обстоятельство, что его принципы являются одновременно *этическими нормами* самосовершенствования ученого и *методологическими правилами*, обеспечивающими достижение истины как некоторой идеальной конструкции. Правда, в поздних работах, в частности, в статье «Амбивалентность ученых», Мертон отмечал, что внимательное рассмотрение поведения ученых должно включать в себя анализ того, «как в каждом социальном институте развиваются потенциально противоречивые нормы; как конфликтующие нормы образуют значимую амбивалентность в профессиональной жизни ученых; как эта амбивалентность влияет на реальные, — в отличие от предполагаемых, — отношения между людьми науки»⁴.

Реальная наука осуществляется всегда в интервале между: а) идеей общей собственности и частной собственности на знания (например, в форме патентов); б) универсализмом объективного наблюдателя и партикуляризмом включенного; в) научной незаинтересованностью и бескорыстием ученого и интересом в получении практически полезного эффекта; г) организованным скептицизмом объективной науки и организованным догматизмом коммерчески ориентированной. Эти оппозиции образуют сеть интервалов, внутри которых совершается конкретный поступок в конкретной трансверсальной (т.е. выходящей за рамки принятой нормы для адекватного выражения специфического случая) ситуации. Иными

словами, границы нормативностей приобретают динамический характер, начинают зависеть от целей, поставленных трансинституциональным сообществом. В зависимости от предлагаемых обстоятельств, они работают обусловлено контекстуально: то как интегрирующее, то как дезинтегрирующее начало в организации трансдисциплинарного сообщества. На первый план сейчас выступает идея дифференцированного на многие страты сообщества со своими специфическими нормами исследования — локальными формами этоса⁵.

Конкретная практически значимая проблема, которая является своеобразным началом, порождающим к жизни локальные трансинституциональные сообщества, одновременно является фактором, ограничивающим срок их жизни. По мере решения избранной проблемы, сообщество ученых-экспертов, менеджеров, политиков от науки, которые в результате взаимодействия создавали свой язык, нормы общения, критерии и практики оценки эффективности и т.д. распадается. Кратковременность существования отдельного трансинституционального субъекта производства знаний (мыслительного коллектива), оперативно и эффективно решившего острую злободневную задачу, вводит свой стиль в сферу производства научного знания. Наделяет его чертами номадичности, своеобразного кочевничества, этос которого на уровне стилия качественно отличается от этоса оседлой жизни субъектов дисциплинарной науки. На современном ученом участие в таких исследованиях налагает двойную сетку обязанностей, так как на достаточно устойчивую систему ценностей и норм, характерную для научного дисциплинарного познания, накладывается еще вариативная система ценностей и норм, специфическая для той организации, которая создана для решения конкретной задачи.

В новой ситуации этос трансинституционального производства знаний возвращает персонифицированную позицию ученого классического этоса науки, с той разницей, что теперь ученый держит персональный ответ за свою позицию не только перед самим собой, но и перед конкретным трансинституциональным сообществом, а также обществом в целом, которое оценивает его труд и по экономической эффективности использованных инвестиций, и по морально и этической приемлемости, полученных результатов. Эта двойная ответственность драматически не равнозначна. Право «собственности» в современном высоко коммерциализированном сообществе трансформирует норму ответственности каждого участника трансинституционального общения. Ответственность корпорации (коллективная отчетность перед обществом), основанная на корпоративной собственности (материально-финансового обеспечения научного исследования) порой вступает в конфликт с нормой ответственности ученого за сделанное персонально им.

Рассмотрение проблемы этоса трансинституционального общества возвращает к началу возникновения научной мысли, к тому историческому моменту, когда онтологический и этический аспект в познании окружающего мира еще неразведены. В наши дни это становится возможным постольку, поскольку коммуникативный аспект (пространство морального поступка), необходимо сопряженный с познанием природной реальности стал основой и условием: а) онтологического описания в трансинституциональном подходе; б) само производство знаний из субъект-объектного научного отношения к природе все больше преобразуется в субъект-субъектное – социально распределенное производство.

Прямым результатом этих преобразований является трансформация общего для всех участников трансинституционального взаимодействия настроения. Если в классической науке каноническим были эзотеризм, автономия, непроницаемость границ для ненаучного знания, то в трансинституциональном сообществе настроение кардинально меняется в связи с тем, что меняется характер предмета исследования. Предмет возникает, формируется совместными усилиями не только ученых-экспертов, но и представителями бизнеса, власти и общества в целом в горизонте взаимодействия множественных дисциплинарных научных картин мира и столь же множественных картин жизненного мира за счет совместного проживания и коммуникативного взаимодействия.

Поэтому этос трансинституционального производства знаний по-новому определяет статус всего научного в отношении к феноменам «ненаучным». Нормой все более становится толерантность, происходит переход от проблемы демаркации от ненаучного знания к проблеме диалога с различными его формами с целью взаимного обогащения, пополнения философии науки нетрадиционными формами рефлексии, обогащения сферы жизненного мира профессиональными знаниями. Неклассические (конкретные, практические, синергетические, становящиеся) формы рефлексии, при всей своей недоопределенности, определеннее удерживают связь научного познания с человеком, с его практической деятельностью⁶. Этос трансинституционального производства знаний, удерживая объективное содержание научных знаний, раскрывает в явной форме их личностное содержание как дело ума, души и рук человеческих.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Funtowicz S., Ravetz J.* Science for the post-normal age // *Futures*. 1993. № 25 (7). – С. 735 – 755.

² См.: *Etzkowitz H., Leydesdorff L.* The dynamics of innovation: from National Systems and «Mode 2» to a Triple Helix of university – industry – government relations // *Research Policy*. 2000. Vol. 29. – P. 109 – 123.

³ См. статью Е.Г. Гребеншиковой в этом номере журнала.

⁴ *Merton R.K.* The ambivalence of scientists // Ed. by R.K. Merton. *Sociological ambivalence and other essays*. – N. Y.: The Free Press. 1976. – P. 35.

⁵ См.: *Erno-Kjohede E.* Scientific norms as (dis)integrators of scientists? // *MPP Working Paper*. 2000. № 4; <http://www.cbs.dk/departments/mpp>

⁶ Подробнее см.: *Киященко Л.П., Тищенко П.Д.* Философия трансдисциплинарности как опыт практического философствования // *Практична філософія*. Киев. 2004. № 2 – 3.

Аннотация

Во второй половине XX века начал складываться новый тип производства, который получил свое осмысление в целой серии концепций. В статье предлагается описание трансинституциональной матрицы инновационного сообщества. Обсуждается понятие «Triple Helix», или «тройной спирали»: университет – правительство – бизнес в социологии инновационного развития науки (Г. Этцкович, Л. Лидесдорфф, 2000). Обсуждаются априорные и апостериорные условия возможности опыта трансинституциональных взаимодействий, имеющих специфическую динамическую и ценностно структурированную организацию (методологию и этос).

Ключевые слова:

новый тип науки, инновация, трансинституциональное сообщество, тройная спираль, этос.

Summary

In the second half of the 20 century the new type of a science which has received the judgement in the whole series of concepts has started to develop. Concept «Triple Helix»: university – government – business is entered into sociology of innovative development of a science (H. Etzkowitz, L. Leydesdorff, 2000). Description of transinstitutional matrix of innovation society is presented. Aprioristic and aposterioristic conditions of possibility of transinstitutional experience in which interactions have specific dynamic and normative structured organization (methodology and ethos) are discussed.

Keywords:

new type of a science, knowledge production, innovation, transinstitutional community, triple helix, ethos.

ОБ ЭТОСЕ ТЕХНОНАУКИ*

Б.Г. ЮДИН

Роль науки как неисчерпаемого источника новых технологий в современном обществе воспринимается как нечто самоочевидное, так что очень часто создание новых технологий воспринимается как вообще единственно значимая функция науки. При этом путь практического воплощения научных знаний и основывающихся на них технологий представляется примерно таким. Сначала в голове теоретика и (или) в исследовательской лаборатории делается какое-либо открытие. Затем результат этого исследования в ходе так называемой разработки (или развития) воплощается в новых технологиях. Следующие стадии процесса связаны с тем, что каждая такая новая технология находит – с большими или меньшими злоключениями – практическую реализацию в производственной или какой-то иной сфере человеческой деятельности. Иными словами, для традиционного порядка вещей характерно следующее: сначала создается технология, а затем для нее ищутся рынки сбыта.

В наших устоявшихся воззрениях, таким образом, появление всякой новой технологии выступает как выход за пределы данного, уже освоенного нами, рутинного порядка вещей. Слово «внедрение» представляется здесь весьма характерным, поскольку оно несет, помимо всего прочего, и тот смысл, что происходит некое воздействие *извне*, вмешательство, нарушающее привычный ход событий, нечто экстраординарное.

Сегодня, однако, можно, если воспользоваться термином М. Вебера, говорить о рутинизации самого этого процесса технологических обновлений, когда новые технологии уже не вторгаются в производственную деятельность, в жизнь людей, а занимают заранее определенные «ячейки». Иными словами, новые технологии изготавливаются «на заказ». Все чаще последовательность выстраивается не этим, привычным, а прямо противоположным образом: разработка новой технологии начинается тогда и постольку, когда и поскольку на нее уже имеется спрос.

Ныне, в начале XXI столетия, есть все основания говорить о начале качественно новой стадии развития не только науки и техники, но и их взаимодействия с обществом. Одним из выражений этого является становление нового типа взаимоотношений науки и технологии, который получил название *technoscience* – технонау-

*Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Биоэтическое обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий», грант № 10-03-00846а/Б.

ка. Так, английский социолог науки Барри Барнс пишет: «Термин «технонаука» ныне широко применяется в академических кругах и относится к такой деятельности, в рамках которой наука и технология образуют своего рода смесь или же гибрид... технонауку следует понимать как специфически современное явление»¹. Наиболее очевидный признак технонауки – это существенно более глубокая, чем прежде, встроенность научного познания в деятельность по созданию и продвижению новых технологий.

По словам немецкого социолога и политолога Вольфа Шефера, «технонаука – это гибрид онаученной технологии и технологизированной науки. Всемирная телефонная связь и генетически модифицированная пища – это технонаучные вещи: своим вторжением в наш мир они обязаны замысловатому переплетению определенных человеческих интересов с современным пониманием электричества, с одной стороны, и генетики, с другой»². Здесь, как мы видим, обращается внимание на тот факт, что технонаука – это не только теснейшая связь науки и технологии, но и симбиоз, включающий также человеческие устремления и интересы.

Технонаука характеризуется своим весьма специфическим этосом, который, впрочем, сегодня находится в процессе формирования. Отдельные черты этоса науки будут представлены в настоящей статье.

Взаимоотношения науки и техники в этом симбиозе, впрочем, внутренне противоречивы. С одной стороны, наука выступает как генератор новых технологий, и именно в силу устойчивого спроса на эти новые технологии наука пользуется определенной, и подчас весьма щедрой, поддержкой. С другой стороны, производство новых технологий определяет спрос на науку определенного, если угодно, ограниченного, одностороннего типа, так что многие потенциалы науки при таком ее использовании остаются нереализованными. Грубо говоря, от науки не требуется ни объяснения, ни понимания вещей – достаточно того, что она позволяет эффективно их изменять.

Помимо всего прочего, это предполагает понимание познавательной деятельности, включая и научную, как деятельности в некотором смысле вторичной, *подчиненной* по отношению к практическому преобразованию, изменению и окружающего мира, и самого человека. Тем самым, напомним, открывается возможность для переосмысления, точнее даже сказать – *оборачивания* – сложившегося ранее соотношения науки и технологии. Если традиционно это соотношение понималось как технологическое приложение, применение кем-то и когда-то выработанного научного знания, то теперь оказывается, что сама деятельность по *получению такого знания «встраивается» в процессы создания и совершенствования тех или иных технологий.*

В общественных ожиданиях, обращенных к науке, сегодня явно доминируют запросы на новые эффективные технологии, а не на

объяснение мира. И общество, и государство, включая даже органы, ответственные за формирование политики в области науки, все в большей мере склонны воспринимать и исследовательскую деятельность, и саму науку почти исключительно в облике машины, способной генерировать новые технологии.

Возвращаясь теперь к технотехнике, отметим, что суть ее вовсе не исчерпывается упрочением связей между наукой и технологиями. Само научно-техническое развитие выступает в качестве лишь одного из элементов объемлющего контура, в который входит еще несколько составляющих. Принципиальное значение в этом плане имеет происходящая на наших глазах переориентация научно-технического прогресса.

Один из главных векторов, которым можно охарактеризовать направленность развития науки и технологий в последние десятилетия — это ее неуклонное приближение к человеку, к его потребностям, устремлениям, чаяниям. Дело при этом отнюдь не ограничивается одним лишь «обслуживанием» человека — наука и технологии приближаются к нему не только извне, но и как бы изнутри, в известном смысле делая и его своим производением, проектируя не только для него, но и его самого. В самом буквальном смысле это делается в некоторых современных генетических, эмбриологических и т.п. биомедицинских исследованиях, например, связанных с клонированием³.

* * *

Таким образом, научно-технический прогресс все более ориентируется на интересы и нужды отдельного человека, но, что очень важно — человека массового, который и выступает в качестве главного потребителя того, что дает этот прогресс. Новые технологии становятся таким товаром, который рассчитан на массовый спрос; без этой массовости было бы невозможно обеспечить эффективность лаборатории. В свою очередь, и сами интересы и нужды потребителей становятся мощным стимулом, во многом определяющим направления и подстегивающим темпы научно-технического прогресса. В итоге устанавливается двусторонняя связь между лабораторией, производящей новые технологии и индивидами, выступающими в качестве их потребителей. Лаборатория и массовый индивидуальный потребитель, иначе говоря, оказываются включенными в единый контур.

Следует отметить, что «лабораторию» в данном случае мы понимаем как то место, где не только разрабатывается, но и производится новая технологическая продукция. В том сверхдинамичном контуре, в котором технологии должны непрерывно обновляться, производство технологической продукции оказывается не более чем подчиненным моментом, продолжением лаборатории. Оно строится и перестраивается в соответствии с требованиями, диктуемыми лабораторией.

Следующим составным элементом нашего контура является бизнес, предпринимательский капитал. Именно он финансирует лабораторию, обеспечивая тем самым возможности создания новых технологий. В свою очередь, массовый потребитель, оплачивая технологические новшества, позволяет бизнесу не только возмещать произведенные затраты, но и извлекать прибыль, которая часто инвестируется опять-таки в лабораторию, в создание все новых технологий. Важно подчеркнуть устойчивый характер связей между тремя рассмотренными элементами — бизнес вовлекается в этот контур не в разовом порядке, не от случая к случаю, а становится неотъемлемой частью постоянно действующего и неуклонно разрастающегося контура. В обществе, основанном на знаниях, вложения в лабораторию являются наиболее перспективными и эффективными.

В качестве связующего звена между всеми названными элементами выступает еще один — средства массовой информации, СМИ. Они выполняют в этом контуре целый ряд функций.

Прежде всего, они доводят до потенциального потребителя информацию о появлении на рынке технологических новшеств. Но роль СМИ в данном контуре отнюдь не ограничивается беспристрастным информированием. Напротив, очень часто они формируют потребности в тех или иных технологических продуктах — в этом плане будет достаточно напомнить о том, сколь изошренной, навязчивой и даже агрессивной может быть реклама. Заметим, что рекламировать гидроэлектростанцию или, скажем, шагающий экскаватор было бы бессмыслицей — реклама уместна только там и тогда, где и когда она ориентирована на массового потребителя. Именно СМИ, выступая в этой функции, и позволяют включить в контур потребителя.

Термин «СМИ» используется нами в весьма широком и, быть может, не очень точном смысле. «СМИ» здесь — это, по сути дела, различные технологии работы с информацией, информационного обеспечения контура. Можно сказать и так: термин «СМИ» в данном случае относится ко всем тем социальным и гуманитарным технологиям, которые *важны, необходимы* для функционирования контура.

Но сколь бы эффективной ни была реклама, ее не следует демонизировать и считать всемогущей. Потребитель, вообще говоря, далеко не всегда бывает марионеткой, легко поддающейся манипулированию. У него есть и свои собственные, а не только формируемые извне, потребности и предпочтения. Эффективность функционирования контура технотехники во многом обеспечивается тем, что в него встроены механизмы не только формирования, но и выявления потребительских интересов и ожиданий. Благодаря применению социальных и гуманитарных технологий эти интересы и ожидания, в свою очередь, доводятся до сведения бизнеса и

лаборатории и становятся факторами, определяющими стратегию развития технологий.

В целом, таким образом, технонаучный контур включает четыре элемента, связанных между собой прямыми и обратными информационными, финансовыми и товарными потоками. Следует подчеркнуть, что обратные связи внутри этого контура являются положительными: сигнал, проходящий от одного элемента к другому, не ослабевает, как бывает при наличии отрицательной обратной связи, а напротив, усиливается. Тем самым обеспечивается беспрецедентный динамизм в работе контура.

На практике это выглядит примерно так: лаборатория целенаправленно работает на удовлетворение запросов потребителя, которые становятся известными ей благодаря деятельности СМИ; потребитель готов нести расходы на продукцию, которая отвечает его запросам; благодаря этому предприниматель получает прибыль, которую он, в свою очередь, инвестирует в лабораторию, тем самым запуская новый цикл обновления технологии; СМИ формируют у массового потребителя все новые запросы, вызывая интерес к непрерывной замене уже имеющихся у него изделий и технологий на новые, которые становятся все более эффективными, все более полезными, все более привлекательными...

Одной из наиболее значимых отличительных характеристик современной науки становится изменяющееся место в ней того, что относится к ценностной проблематике. На протяжении долгого времени наука отстаивала идеалы беспристрастности, свободы от ценностей как гаранта получения достоверных знаний. Сегодня ситуация существенно усложнилась. Речь, безусловно, вовсе не идет об отказе от этих идеалов, тем не менее ценностное измерение начинает восприниматься как существенная характеристика и изучаемой наукой реальности, и самого научного познания. В.С. Степин, в частности, говорит о том, что «трансформируется идеал ценностно нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человеческоразмерным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость эсхепликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с вненаучными ценностями общесоциального характера»⁴.

* * *

Одной из наиболее интенсивно развивающихся сегодня областей научного знания является биомедицина. И именно в ней особенно отчетливо проявляются многие кардинальные изменения, которые претерпевает наука начала XXI века.

Конечно же, биомедицина вполне может восприниматься как один из локальных, а следовательно, ограниченных разделов научного познания. Однако происходящие в ней изменения инте-

ресны и значимы не только сами по себе: их можно понимать и как манифестацию глобальных перемен, значимых для науки в целом. Есть все основания рассматривать современную биомедицину как характерный образец технонауки

Приближение науки к нуждам человека, а эту тенденцию можно считать ведущей в развитии современной биомедицины, оказывается по своим последствиям процессом далеко не однозначным. В частности, возникает необходимость специально исследовать и то, в чем состоят потребности и нужды человека, и то, как именно их можно удовлетворить. А это значит, что сам человек во все большей степени становится объектом самых разнообразных научных исследований. И в той мере, в какой на нем начинает концентрироваться мощь научного познания, в какой наукой разрабатываются все новые, все более тонкие и эффективные средства воздействия на него, неизбежно возрастают элементы риска и опасности, которым он подвергается. Следовательно, актуализируется задача защиты человека, в непосредственных интересах которого теперь осуществляется прогресс науки и техники, от негативных последствий того же самого прогресса. В результате резко обостряется необходимость выявлять такие последствия и тем или иным образом реагировать на них.

Мы можем констатировать: чем больше наука претендует на то, что она служит интересам и благу человека, тем более значительную роль в ней должны играть исследования, в которых человек участвует в качестве испытуемого. Но участие в таких исследованиях по самой своей сути сопряжено с большим или меньшим риском для испытуемых. Таким образом, возникает ситуация конфликта интересов: с одной стороны, исследователь, стремящийся к получению нового знания; с другой стороны, испытуемый, для которого на первом месте терапевтический эффект, скажем, излечение недуга, ради чего, собственно, он и соглашается стать испытуемым.

И в той мере, в какой именно на человеке начинает концентрироваться мощь научного познания, в какой наукой разрабатываются все новые, все более тонкие и эффективные средства воздействия на него, неизбежно возрастают элементы риска и опасности, которым он подвергается. Следовательно, актуализируется задача защиты того же самого человека, ради которого и осуществляется прогресс науки и техники, от негативных последствий этого прогресса. В результате резко обостряется необходимость выявлять такие последствия и тем или иным образом реагировать на них.

Нынешние тенденции развития биомедицины делают необходимым непрерывное обновление и совершенствование технологий и препаратов, используемых в медицинской практике, вследствие этого и практика проведения исследований с участием человека в качестве испытуемого приобретает все более широкие масштабы.

Проведение таких исследований поистине перешло на индустриальные рельсы.

В связи с этим возникла проблема согласования требований, диктуемых, с одной стороны, необходимостью получения все новых биомедицинских знаний и, с другой стороны, необходимостью защищать права, достоинство, здоровье и жизнь тех, кто выступает в качестве испытуемых. Решение этой проблемы возможно на пути формирования социальных институтов этического сопровождения биомедицинских исследований. Сегодня уже общепринятой нормой стал этический контроль *всех* такого рода исследований. Иными словами, в современной научной практике действуют достаточно разработанные механизмы *этического контроля* исследований. Таким образом, мы можем рассматривать сферу биомедицинских исследований как ту площадку, на которой формируется этос технонауки, во многом отличный от того этоса науки, который в свое время выявлял и характеризовал Р. Мертон⁵.

В биомедицинских исследованиях существует три основных механизма такого регулирования. Это, во-первых, процедура *информированного согласия*, которое перед началом исследования дает каждый испытуемый.

Во-вторых, биомедицинские научные журналы, в которых печатаются статьи с изложением результатов проведенных исследований, допускают к публикации только такие, авторы которых удостоверяют, что представляемое ими исследование было проведено с соблюдением принятых этических норм. Эти нормы зафиксированы в Хельсинской декларации Всемирной медицинской ассоциации; одна из норм которой гласит: «Сообщения об экспериментах, проведенных с нарушением принципов, изложенных в данной Декларации, не должны приниматься к публикации»⁶. Таким образом, результаты исследования, проведенного с нарушением этических норм, попросту не будут иметь шансов дойти до сведения научного сообщества.

В-третьих, сегодня *каждый* исследовательский проект может осуществляться только после того, как заявка будет одобрена независимым *этическим комитетом*. Характерно, что в ряде стран обязательной этической экспертизе подлежат не только биомедицинские исследования, но и психологические, антропологические и т.п., коль скоро они проводятся на человеке, а также исследования, проводимые на животных. В настоящее время подобная практика начинает распространяться и в странах Западной Европы.

Таким образом, точное, непосредственное воздействие этических норм на научное познание является сегодня не прекраснотушным пожеланием, но повседневной реальностью, можно даже сказать — рутинной, с которой приходится иметь дело множеству людей. Эту ситуацию, конечно, никоим образом не стоит идеализировать. Сама непрерывная эволюция практики этического регулиро-

вания обусловлена тем, что эта практика порождает множество проблем, таких, как противоречие между независимостью и компетентностью членов этического комитета, нередкий формализм в проведении экспертизы и т.п. Вообще говоря, было бы странно, если бы деятельность, которая обрела вполне будничные характер, осуществлялась как нечто вдохновенно-возвышенное.

Вместе с тем необходимо отметить, что само возникновение такой нормы, как обязательность этической экспертизы, влечет за собой принципиально важное для научно-познавательной деятельности следствие. Общеизвестно, что квинтэссенцией научного познания и научной деятельности является именно исследование. Обратим внимание, что при проведении биомедицинского исследования, точнее, при его планировании, даже при выработке его замысла, общей идеи исследователю необходимо иметь в виду, что возможность практической реализации получит не всякий замысел, будь он даже безупречен в теоретическом, техническом и методологическом отношении. Необходимо еще, чтобы этот замысел вписывался в рамки, задаваемые существующими представлениями о моральной допустимости тех или иных воздействий на испытуемого. Конечно, вовсе не обязательно, чтобы исследователь в явной форме осознавал эту этическую нагруженность своего замысла. В той мере, в какой практика этической экспертизы становится обыденной, эти представления о моральной допустимости тех или иных воздействий могут переходить на уровень априорных посылок.

Во всяком случае, шанс осуществиться будет только у такого проекта, который сможет получить одобрение этического комитета. Но это как раз и значит, что требования, задаваемые этикой, оказываются в числе действенных предпосылок научного познания, что, иными словами, связь между этикой и наукой не только возможна, но и вполне реальна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Barnes B. Elusive Memories of Technoscience // Perspectives on Science: Historical, Philosophical, Social. Vol. 13. Issue 2. Technoscientific Productivity. Summer. 2005. — P. 142 — 165.

² Schäfer W. Global Technoscience: The Dark Matter of Social Theory // Presentation. University of Maryland Conference on Globalizations: Cultural, Economic, Democratic. 2002. April. <http://www.bsos.umd.edu/socy/conference/index.html>

³ См. в этой связи, например: Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике. — М., 2002; Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. — М., 2004; Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем // Вопросы

философии. 2004. № 2; *Касс Л.* Нестареющие тела, счастливые души // *Человек*. 2003. № 6.

⁴ *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция. 2000. – С. 631.

⁵ См.: *Merton R.K.* Sociology of science: Theoretical and empirical investigations. – Chicago; L.: Wiley, 1973.

⁶ Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации // *Кэмпбелл А., Джиллет Г., Джонс Г.* Медицинская этика. – М., 2004. – С. 385.

Аннотация

Технонаука представлена как современная стадия развития науки и ее взаимодействия с обществом. На примере биомедицинских исследований дается характеристика механизмов этического регулирования технонауки.

Ключевые слова:

технонаука, этос науки, биомедицинские исследования.

Summary

Technoscience is presented as contemporary stage of development of science and its interactions with society. Biomedical research is used as an example to characterize mechanics of the ethical regulation of technoscience.

Keywords:

technoscience, ethos of science, biomedical research.

ВТОРОЙ ТИП ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ*

Е.Г. ГРЕБЕНЩИКОВА

Причины возникновения нового способа производства знания

В работе «Новое производство знания: динамика науки и исследований в современных обществах» коллектив авторов (М. Гиббонс, К. Лимож, Х. Новотны, С. Шварцман, П. Скотт, М. Трой) предложили концепцию, исходным тезисом которой является возникновение во второй половине прошлого века нового способа производства знания (Mode 2)¹. В отличие от первого режима производства знания (Mode 1), характерного для дисциплинарно организованной науки, новый способ возникает под влиянием ряда взаимосвязанных причин.

Во-первых, появление информационно-коммуникативных технологий экспоненциально увеличило количество людей, участвующих в глобальной коммуникации, вне зависимости от расстояния между ними. Возможность мгновенно получать и передавать информацию практически любого объема, быстро находить необходимые актуальные сведения в глобальном информационном пространстве ведет к значительному увеличению знания, распределенного в обществе.

Современные наукоемкие технологии, увеличивая сферы своего приложения, предъявляют новые требования к профессиональной подготовке будущего специалиста. Высшее образование практически потеряло эксклюзивность, став доступным для всех социальных слоев общества. Ежегодно увеличивается число людей, обладающих достаточной компетенцией для организации исследовательских групп, не связанных с институционализированной наукой, что в широком социальном масштабе ведет к расширению сферы высшего образования переизбытку знания.

Со стремительным развитием информационно-коммуникативных технологий тесно связаны изменения в формах организации общественного труда и реструктурирование всего экономического сектора. В рыночную стоимость товара включается знаниевый компонент, что определяет потребность в развитии тех знаний и технологий, которые в наибольшей степени ориентируются на удовлетворение потребностей рынка в режиме «здесь и сейчас». Соответственно важнейшей детерминантой становления второго способа является заинтересованность в практически-ориентированном знании, которое становится товаром.

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Биоэтическое обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий», грант № 10-03-00846а/Б.

Принцип социальной ответственности и рефлексивности

Проблема ответственности имеет существенное значение для понимания тех процессов, которые сопровождают становление нового способа производства знания. По сути, проблематизация этических сторон режима Mode 2 является своеобразным ответом на трансформацию общественного сознания в связи с переосмыслением последствий научно-технического прогресса, что на Западе нашло выражение в экологическом движении, в усилении внимания к защите прав потребителей, в становлении биоэтической идеологии. Крупные техногенные катастрофы и пессимистические экологические прогнозы поставили под сомнение объективность научной экспертизы и эффективность управления инновационными проектами. Эти процессы обусловили формирование и институционализацию различных механизмов оценки воздействий современных технологий на благополучие человека и на окружающую среду. Актуализация тенденций, направленных на переструктурирование отношений между сферой производства, научным знанием и обществом, детерминировала формирование трансдисциплинарных групп, где «социологи работают вместе с представителями естественных наук, инженерами, юристами и бизнесменами, так как этого требует характер проблем»². В результате организационная специфика трансдисциплинарных групп, включающих акторов с различными приоритетами и ценностями, становится условием социальной приемлемости исследовательских проектов.

Дополнительным аргументом в пользу необходимости моральной рефлексии общества служит указание на проблематичность точного исчисления убытков и прибыли в оценке возможных последствий и конфликтов. Последние всегда соотносятся с аксиологической проблематикой, требуя взвешенных моральных оценок, эксплицирующих социогуманитарные составляющие проблемы. Кроме того, расширение временного горизонта моральной аналитики выдвигает в центр этической рефлексии проблему границ ответственности. Вопрос может быть сформулирован следующим образом: применим ли в контексте обсуждаемой проблематики принцип «Ignorantia non est argumentum» (незнание не освобождает от ответственности)? Стремление большинства авторов дать объективный ответ на него подводит к необходимости этического обоснования исходных установок. И, следовательно, предполагает учет сферы ограниченного знания и не-знания, создавая, таким образом, предпосылки трансдисциплинарного форума.

Новый способ производства знания (Mode 2), в отличие от традиционного дисциплинарно ориентированного (Mode 1), авторы книги концептуализируют пятью основными принципами:

- 1) продуцирование знания в контексте его приложений;
- 2) трансдисциплинарность;

- 3) гетерогенность и организационное многообразие;
- 4) социальная ответственность и рефлексия;
- 5) контроль качества.

Принцип социальной ответственности и рефлексивности в наибольшей степени отражает новые измерения этоса «пост-науки». Рассматривая социальную релевантность «второго режима» производства знания, авторы фиксируют одну из существенных черт науки нового типа, в которой целеполагание определяется не только научными, но и социальными детерминантами.

Согласно Гиббонсу и соавторам, второй режим производства знания характеризуется вовлечением общества не только в процессы легитимации результатов исследований и их дальнейшего применения, но и включением в политические дебаты вопросов, оказывающих влияние на проектирование и организацию исследований. Это обстоятельство также обусловлено чувствительностью «второго режима» к социальным, экономическим, политическим и т.п. критериям, вытекающим из потребностей производства знания.

В трансдисциплинарном контексте традиционно выносимые за скобки внимания научного дискурса параметры социального порядка оказываются востребованными, расширяя диапазон возможного взаимодействия между наукой и сферой за ее границами. Заметим, что «второй режим» производства знания не отменяет традиционного дисциплинарно ориентированного способа (Mode 1), а развивается параллельно с учетом комплексных проблем, интенсифицировавшихся во второй половине прошлого века. Новые условия взаимоотношений науки и общества, требования ее практической релевантности расширяют понимание ответственности, связывая ее не только с результатами исследований, но и с процессом получения нового знания. Ответственность становится основным моментом рефлексии интеракции науки и общества, ведет к усилению различных аспектов коммуникации и формированию комбинированных трансдисциплинарных дискурсов. В результате инициируется возникновение трансдисциплинарной исследовательской группы, т.е. общности, соответствующей познавательной и социальной практике, где основным фактором достижения удовлетворительного решения проблемы является синергия практического опыта всех вовлеченных сторон в единой исследовательской структуре.

Трансдисциплинарность

Специфика трансдисциплинарных проблем и возможные условия ее применения определяют временный характер коллектива, который исчерпывает ресурс совместного действия после того, как способ решения проблемы найден. Однако его исследовательский потенциал и опыт могут быть востребованы для разрешения других проблем подобного рода.

Авторы «Нового производства знания» указывают на четыре ключевых характеристики трансдисциплинарности:

1. Трансдисциплинарность предполагает установление теоретических рамок для концептуализации проблемы и координации взаимодействия участников трансдисциплинарной группы. Подобный организационный аспект детерминирован комплексным характером решаемых проблем, что обуславливает соответствующий контекст в качестве необходимой предпосылки достижения искомого консенсуса. В процессе трансдисциплинарного исследования явным образом проявляется ограниченность дисциплинарного знания, что определяет необходимость поиска дополнительных творческих интенций и транспарадигмальный сдвиг в сферу жизненного мира.

2. Комплексный характер трансдисциплинарного знания является результатом синергии вовлеченных в решение проблемы сторон, к каждой из которых впоследствии редуцировать знаниевый результат не представляется возможным. Как подчеркивают авторы концепции, итог работы трансдисциплинарных групп всегда вносит определенный вклад в знание, которое, однако, не следует ограничивать дисциплинарными параметрами. Контекстуально обусловленная модель трансдисциплинарного знания не вписывается в устоявшуюся научную организацию, поскольку имеет собственные теоретические структуры, методы исследования и практические способы. Результат ее работы носит кумулятивный характер, а накопленные навыки и методы, после разрешения актуальной проблемы, могут быть перенесены во множество различных направлений для последующего использования.

3. В отличие от «первого способа», где знание распространяется через установленные каналы, «второй способ» ориентирован на получение и распространение знания в процессе активной коммуникации. Актуализация проблемы в широком социальном контексте с привлечением общественно значимых аспектов ведет к ее дальнейшему распространению, причем не с помощью таких традиционных каналов научной коммуникации, как конференции и научные журналы, а в первую очередь посредством деятельности и общения профессионалов. Знание рождается как в формальных, так и в неформальных каналах трансдисциплинарной коммуникации, а организационная структура подобного рода сетей специфицирует порядок самого знания. Сформированная трансдисциплинарная коммуникативная сеть сохраняет свою актуальность и после решения проблемы и частичного изменения ее контекста.

4. Четвертый аспект трансдисциплинарности — ее динамический характер, являющийся условием эффективности решения многих проблем, возникающих в сфере окружающей среды, энергетики, здравоохранения и т.п. Фактически способность оперативно реагировать на возникающие проблемы определяет усиление интереса

к феномену трансдисциплинарности со стороны представителей бизнеса и сферы производства.

Новые измерения ответственности

1. Двигаясь в русле внутренней логики авторов концепции производства знания во втором режиме можно выделить ряд параметров, отражающих новые измерения ответственности. Во-первых, речь идет о переходе от «ответственности за результаты» к «ответственности за процесс», причем процесс в данном случае следует понимать как последовательную совокупность всех этапов получения нового знаниевого продукта. Фактически, ответственность становится универсальной, но при этом за универсальностью не теряется конкретность отдельного случая и нравственные основания индивидуальных акторов. В феномене конкретной универсальности ответственности находит выражение не только трансформация этических и социетальных параметров производства знания, но и изменение всей системы воспроизводства, трансфера и распределения знания в обществе.

2. Неотъемлемым элементом институционализированной науки является ее этос — комплекс норм и принципов, в том числе этических, выполняющий ряд функций: 1) формирование индивидуальной и коллективной идентичности членов профессионального сообщества; 2) самоорганизация ученых как корпоративной целостности; 3) обеспечение профессиональным сообществом системы качественного контроля производимого знания.

Изменения в системе производства знания, связанные как с организационной спецификой, так и с расширением источников финансирования научных работ, породили факторы, оказавшие серьезное влияние на трансформацию этоса науки, выявив ряд сложных конфликтов, которые могут протекать на когнитивном, институциональном и социальном уровне. В данном контексте значение приобретают потенциальные и латентные конфликты, которые не всегда могут стать актуальными, но, тем не менее, их наличие может оказывать негативное влияние на научные результаты и систему взаимоотношений в науке.

3. Включение в производство знания сферы за пределами науки влечет за собой перераспределение ответственности в процессе создания нового знаниевого продукта. Социальная релевантность второго режима означает помимо прочего активное взаимодействие научного сообщества и так называемой дилетантской публики в прогнозировании и предупреждении рисков. Например, М. Дуглас и А. Вилдавски, разрабатывая проблематику риска в глобализирующемся мире, отстаивали точку зрения, согласно которой идентификация и оценка риска должны находиться только в ведении экспертов, поскольку только они могут вынести экспертное мнение, которое не будет нагружено предрассудками и страхами обывателя³.

Другой подход, основанный на понимании риска как социальной коммуникации, указывает на необходимость взаимодействия экспертов и неспециалистов в качестве ключевой предпосылки эффективного рассмотрения рискогенной ситуации и условия социального одобрения решений, сопряженных с риском⁴. Коммуникативный характер ее реализации становится более очевидным, если вспомнить, что этимологически понятие «ответственность» предполагает «держат слово, отвечать» перед самим собой или другими людьми. В результате условиями ответственного выбора становятся делиберативные дискурсы.

Второй предпосылкой делиберативной коммуникации является ориентация на контекст приложения, что инициирует феномен социально-ответственного знания. Тем самым трансдисциплинарная группа становится форумом согласования приоритетов и установок заинтересованных сторон, формируя механизм этической оценки знания и перспектив его приложения. Включение социальных акторов в производство знания ведет к рефлексивности общественных структур. Если в «первом режиме» рефлексивная функция связана с гуманитарными науками, прежде всего с философией, антропологией и историей, то во втором, как указывают М. Гиббонс и соавторы, усилению рефлексивных аспектов в производстве знания способствуют проблемы этико-аксиологического характера, решить которые в границах только профессионального сообщества не представляется возможным. Таким образом, процесс диффузии дискурсов науки и общества актуализирует культурологические, политические, этнические, гендерные и этические исследования. В транспарентном характере диалога кроется ресурс, который требует дальнейшей философской проработки.

Даже в случае диаметрально противоположных подходов к решению проблемы, этическая дискуссия способствует более взвешенной оценке контраргументов и нахождению поля эффективного взаимодействия. Однако вполне естественно возникает вопрос относительно распределения ответственности в процессе рассмотрения трансдисциплинарных проблем и необходимость учета межсистемных взаимодействий. Одним из подходов к решению указанной проблемы может быть практика гуманитарной экспертизы, которая в случае полной независимости позволяет избежать противоречий ролевой ответственности. Ориентируясь на идею упреждающей ответственности, гуманитарная экспертиза в то же время соотносится с расширительным пониманием ответственности перед окружающей средой и будущими поколениями людей.

4. Большинство разрабатываемых технологий могут оказать серьезное воздействие на будущее человека и природы, что актуализирует проблему предвидения, прогнозирования и осмысления рисков в новом горизонте ответственности. Необходимость пере-

хода от ответственности *ex post* к ответственности *ex ante* в теоретическом поле современной моральной аналитики связано с именем известного немецкого философа Г. Йонаса. В работе «Принцип ответственности» он обосновывает новый императив: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» или «Включай в свой теперешний выбор будущую целостность человека как неотъемлемый объект твоей воли». Йонас вводит в нравственность временной горизонт, в котором экстраполяция настоящего на будущее определяет незамкнутое пространство ответственности, что с позиции кантовской этики, основанной на логике индивидуального деятеля, выглядит неестественно.

Другим примером этой же установки является подход исследователей, предлагающих включить элементы предвидения и упреждающей оценки развития техники в профессиональные кодексы, рассматривая оценку инноваций как аспект профессиональной ответственности.

Принцип социальной акцептации позитивной оценки общественным мнением решения во многом определил характер биоэтического движения на Западе. Институционализация этической оценки биомедицинских технологий в форме соответствующих комитетов и комиссий в разных странах во многом отражает изменения, связанные с новым форматом науки и общества и соответствующим ему стилем 2. Таким образом, поле поиска оптимального решения не ограничивается мнением одной из заинтересованных сторон, что в дальнейшем становится условием социального одобрения предлагаемого проекта или предполагаемого решения. На это направлен и организационный принцип биоэтических комитетов, ориентированный на привлечение «рядового обывателя» и, таким образом, расширение диапазона принимаемых во внимание факторов. Другим примером реализации партиципативного принципа в дискуссиях относительно интенсивного развития биотехнологий и их влияния на нашу жизнь являются консенсус-конференции, проводимые в Великобритании и Германии в 80-х гг., что, несомненно, способствовало усилению влияния движения Общественной поддержки науки (Public Awareness of Science).

Очевидно, что степень и возможности взаимодействия между наукой, обществом и государственными структурами, принимающими политические решения, во многом детерминированы степенью развитости институтов гражданского общества. Тем не менее, в России уже достаточно примеров, когда широкая общественность оказала существенное влияние на процесс принятия решения социально острых проблем.

¹Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. The new production of knowledge: the dynamics of science and research in contemporary societies. – Sage, 2008.

²Ibid. – P. 7.

³См.: Douglas M., Wildavsky A. Risk and culture: An essay on the selection of technological and environmental dangers. – Berkeley: Univ. of California press, 1992.

⁴Ефременко Д.В. Концепция общества знания и ее оборотная сторона // Концепция «Общества знания» в современной социальной теории. – М., 2010. – С. 86.

Аннотация

Социальная ответственность и рефлексивность – один из принципов концепции «второго типа» производства знания, предложенной Гиббонсом и соавторами в работе «Новое производство знания: динамика науки и исследований в современных обществах». Требования практической и социальной релевантности науки нового типа ведут к расширению понимания ответственности, усилению различных аспектов коммуникации и формированию трансдисциплинарных дискурсов.

Ключевые слова:

«второй тип» производства знания, социальная ответственность, рефлексивность, трансдисциплинарность.

Summary

Social responsibility and reflexivity is a principle of the concept of «Mode 2» knowledge production proposed by Gibbons and et al in «The new production of knowledge: the dynamics of science and research in modern societies». Requirements of practical and social relevance of new type of science lead to better understanding of the responsibility, strengthening the various aspects of communication and transdisciplinary discourses.

Keywords:

«Mode 2» knowledge production, social responsibility, reflexivity, transdisciplinarity.

ЦЕННОСТНЫЕ ОНТОЛОГИИ ЭТИКИ И БИОМЕДИЦИНЫ: ОПЫТ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ*

В.И. МОИСЕЕВ

В этой работе я хотел бы поговорить о некоторой общей основе казалось бы таких далеких состояний, как соматическое здоровье и нравственность человека. Я исхожу из предположения, что у этих различных состояний бытия есть, тем не менее, некая общая основа, которая позволяет увидеть здоровье и нравственность как два проявления одного начала.

Во-первых, я буду отталкиваться от идеи так называемой *обобщенной инвариантности*, имея в виду понимание инвариантности как оно сложилось в современной физике. Речь идет об известной теоретической схеме в современных физических науках, когда выделяются некоторые системы отсчета и рассматривается объект (например, вектор), который в каждой системе отсчета имеет свои частные представления, и с переходом от одной системы отсчета к другой такие представления меняются некоторым закономерным образом. В этом случае физика позволяет оторваться от отдельных представлений и говорить о рассматриваемом объекте как о некотором инвариантном состоянии, которое сохраняется в переходах между разными системами отсчета.

Аппарат теории инвариантности имеет прямой выход на онтологию, позволяя рассматривать процедуру установления инвариантности как методологию определения онтологической обеспеченности и гносеологической объективности для соответствующей сущности. Проблема состоит лишь в том, чтобы обобщить эти идеи, приподнять их над только физическим контекстом и придать им более универсальное звучание¹. В этом смысле можно было бы говорить о задаче построения *теории обобщенной инвариантности*.

Пытаясь сформулировать некоторые принципы подобного обобщения, можно было бы выделить пять основных компонентов более общего понимания идеи инвариантности:

Во-первых, предполагается сам *инвариант И*.

Во-вторых, задаются некоторые *обобщенные системы отсчета* (ОСО), в которых инвариант И может давать свои представления.

Следовательно, задаются и некоторые *представления П* инварианта И в каждой ОСО.

*Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Витомерные образы трансдисциплинарности», грант № 10-03-00801а.

Системы отсчета связаны между собой некоторыми преобразованиями T .

Наконец, бытие инварианта I выражается в некоторой закономерной связи разных своих представлений, т.е. в задании определенного закона L , который связывает представления P и P^* в соответствующих ОСО.

В этом случае получаем следующую связь всех основных компонентов обобщенной теории инвариантности:

Представления P и P^* являются представлениями одного инварианта I в обобщенных системах отсчета C и C^* е.т.е.² представления связаны между собой законом L , когда системы отсчета C и C^* связаны между собой преобразованием T , т.е. $C^*=T(C)$.

Тот факт, что представление P является представлением инварианта I в системе отсчета C , можно записывать в следующем виде:

(1) $P = I \downarrow C$ – представление P есть условное бытие инварианта I в системе отсчета C .

Здесь выражение « $I \downarrow C$ » читается « I -при-условии- C » и передает состояние «бытия-при-условии», «условного бытия» инварианта в рамках системы отсчета C . В ряде работ автора³ представлена новая аксиоматическая система, которая позволяет оперировать с функтором \downarrow (так называемым «проектором») и может быть рассмотрена как более формальная система представления обобщенной теории инвариантности. Следует заметить, что в рамках этой системы может быть введен двойственный к проектору \downarrow функтор, который был назван «сюръектором» и обозначается в виде \uparrow . Если проектор «опускает» инвариант I до его представления P , то сюръектор, наоборот, «поднимает» представление P до своего инварианта I , и здесь можно было бы записать двойственное к (1) соотношение:

(2) $I = P \uparrow D$ – инвариант I равен своему представлению P , взятому при расширяющем условии D .

Здесь появляются двойственные к системам отсчета, «расширяющие условия» D , природа которых заслуживает отдельного рассмотрения, но в данной работе мы не будем слишком погружаться в технические детали этих новых структур.

Методология обобщенной инвариантности теперь могла бы выглядеть следующим образом. Пусть мы исследуем некоторый фрагмент реальности, например соматическое здоровье или проблемы нравственности. В этой области можно пытаться выделять некоторые более онтологически слабые и сильные состояния. Аппарат теории обобщенной инвариантности позволяет выразить более строго подобные градации. А именно: более онтологически сильные состояния можно пытаться представить как инварианты в некоторых классах преобразований. Менее сильные состояния, с одной стороны, можно выразить как представления инварианта, которые сами инвариантами не являются. С другой стороны, мож-

но было бы вводить *меры инвариантности*, рассматривая инварианты все более обширных классов преобразований.

Основная гипотеза данного исследования состоит в том, что в общем случае можно вести исследования об онтологиях, которые предполагают разные *меры бытия* своих состояний. Такие онтологии можно было бы называть *иерархическими онтологиями*, т.е. онтологиями, в которых введена иерархия по мере бытия своих состояний⁴. Это значит, что в таких онтологиях дано не просто онтологическое разнообразие своих состояний, но предполагается еще и возможность введения отношения *онтологического порядка* – отношения *нестромого порядка*, подобного отношению «меньше или равно» на числах, которое определено на мерах бытия онтологических состояний. Тем самым предполагается, что различные состояния в онтологии могут существовать сильнее или слабее, и по крайней мере для некоторых таких состояний возможно сравнение их по «силе бытия». Это и есть иерархические онтологии.

Коль скоро дана некоторая иерархическая онтология, далее можно предполагать согласование ее онтологического порядка с конструкциями обобщенной инвариантности. Более точно это означает следующее.

Пусть Ω – некоторая онтология как частично упорядоченное множество элементов, на котором задано отношение онтологического порядка \leq_{Ω} . Как обычно, для отношения \leq_{Ω} (как отношения нестромого порядка) должны быть выполнены свойства рефлексивности, антисимметричности и транзитивности.

Далее мы пытаемся ввести на онтологии Ω конструкции обобщенной инвариантности – инварианты, обобщенные системы отсчета и представления инвариантов в них, а также законы преобразования разных представлений. На представлениях и инвариантах можно ввести *порядок по степени инвариантности* (*инвариантный порядок*) – обозначим его \leq_I . В частности, должны быть выполнены следующие соотношения:

(3) любое представление P должно быть не более инвариантным, чем его инвариант, т.е. $P \leq_I I$.

(4) Если I_1 и I_2 – два инварианта, где I_2 включает в себя объем инвариантности I_1 , то $I_1 \leq_I I_2$.

Под *объемом инвариантности* инварианта I можно понимать множество всех обобщенных систем отсчета, в которых I дает свои представления⁵.

Используя все эти соотношения и понятия, можно ввести идею специальной процедуры *инвариантного представления иерархической онтологии*.

Именно, если дана иерархическая онтология Ω с отношением онтологического порядка \leq_{Ω} , и для состояний из Ω может быть построена некоторая версия теории обобщенной инвариантности с инвариантным порядком \leq_I , то можно говорить, что онтология

Ω получает свое инвариантное представление в данной теории инвариантности е.т.е. онтологический порядок повлечет за собой инвариантный порядок, т.е. будет выполнено соотношение:

(5) если $\omega_1 \leq_{\Omega} \omega_2$, то $\omega_1 \leq_{\Omega} \omega_2$.

Это и будет означать, что нам удастся представить онтологический порядок в онтологии (т.е. порядок по «силе бытия») как порядок по степени инвариантности. Чем более онтологически сильным является некоторое состояние в онтологии, тем более оно инвариантно. В этом случае мы могли бы подвести более теоретические основания под идею «силы бытия», поскольку онтологический порядок обычно в большей мере дается нашей интуицией и в опыте жизни в данной онтологии, в то время как теория обобщенной инвариантности позволяет прояснить более рациональные основания таких жизненных интуиций. В этом случае соотношение (5) можно рассматривать как подкрепление интуиции онтологического порядка некоторой рациональной теорией.

Хотелось бы также подчеркнуть, что иерархическая онтология не предполагает, что *все* элементы онтологии упорядочены между собой некоторым частным отношением порядка. В общем случае идея порядка предполагает свой *интервал порядка* — ту систему условий, в рамках которой данный порядок имеет смысл. За пределами интервала конкретное отношение порядка перестает выполняться. Возможна также ситуация, когда за пределами интервала одного вида порядка может существовать интервал другого вида порядка, в том числе обратного первоначальному порядку.

Проделав это предварительное теоретическое разъяснение, я далее построю свое изложение достаточно просто. Во-первых, я постараюсь показать, что онтологии здоровья и нравственности являются случаями иерархических онтологий, и, во-вторых, для них можно пытаться формулировать некоторые версии обобщенной теории инвариантности, в рамках которых интуицию «силы бытия» в этих онтологиях можно было бы пытаться выражать более рационально. В конечном итоге подобный подход послужит и некоторым важным основанием сближения данных онтологий, усмотрения их глубинного родства между собою.

В ряде своих работ⁶ я уже пытался проделать работу по обоснованию иерархичности онтологий здоровья и нравственности. Эти исследования можно подытожить следующим образом.

Во-первых, онтологии здоровья и болезни таковы, что в них дана идея не просто жизни, но *мер жизни*, и феномен здоровья связывается с достаточно «сильной жизнью», а феномен болезни — с жизнью «ослабленной». Тем самым динамика живой целостности между состояниями здоровья и болезни есть ее движение и по некоторой «медицинской шкале» мер жизни, где предполагается количественный момент градации состояний жизни. Когда организм заболевает, он движется вниз по шкале мер жизни, когда вы-

здоровливает — продвигается вверх по этой шкале. Если состояние жизни рассматривать в свою очередь как более сильное бытие, чем неорганический способ существования, то мы получаем представление о медицинских онтологиях как онтологиях существенно иерархических. В этом усиленном виде бытия относительно бытия неорганического в свою очередь возможны более и менее сильные состояния жизне-бытия, частными случаями которых являются здоровье и болезнь.

Вновь хочу заметить, что утверждения о болезни и здоровье как менее и более сильной жизни могут делаться только в рамках определенного контекста, который выступает в качестве интервала порядка. Известно, например, что соматическая болезнь может привести к усилению смирения, творческих способностей и т.д. В этом случае соматическое ослабление жизни окажется связанным с духовно-душевым усилением жизни — мы будем здесь иметь два разных контекста (соматический и духовный) и два разных порядка в каждом из них. Тогда о более однозначном процессе усиления-ослабления жизни можно будет говорить только в рамках некоторого фиксированного интервала порядка.

Во-вторых, достаточно прозрачной является идея иерархии в нравственности. В основе нравственности лежит идея соотношения сущего и должного, когда сущее обязано подчиняться должному, воплощать его в себе, и должное понимается как более правильное, более сильное нравственное бытие. Тем самым уже задается измерение по степеням нравственного бытия между полюсами сущего и должного, должного и недолжного, когда предполагается не только выполнение или невыполнение норм должного, но и разного рода промежуточные степени между этими предельными состояниями. В разных системах нравственности могут по-разному трактоваться нормы и виды должного, по-разному выводиться из тех или иных оснований, но сама полярность «сущего — должного» предполагается любой системой нравственности. Нормы нравственности могут быть более или менее сильными — вспомним, например, кантовское разделение на условные и безусловные нравственные законы (гипотетические и категорические императивы). В рамках утилитаристских теорий этики также предполагается оценка возможных альтернатив поведения с точки зрения разной меры выражения принципов полезности и выбор наиболее полезной из них. В общем случае ситуация нравственного выбора предполагает оценку различных альтернатив деятельности с точки зрения не только качества, но и количества выражения в этих альтернативах тех или иных образов должного. Следовательно, и нравственные онтологии являются существенно иерархическими, предполагая свои интуиции «силы нравственного бытия».

Итак, можно сделать вывод, что медицинские и нравственные онтологии являются одинаково онтологиями иерархическими,

предполагающими идею некоторых своих мер бытия — бытия сильной или слабой жизни в случае онтологий здоровья и бытия сильного или слабого должного в случае нравственных онтологий.

Далее я попытаюсь наметить пути методологии инвариантного представления медицинских и нравственных онтологий как иерархических онтологий, т.е. поискать такие виды обобщенной инвариантности, которые могли бы быть согласованы с конструкциями онтологического порядка этих онтологий, согласно принципу (5).

Чтобы реализовать этот проект, необходимо подыскать достаточно реалистичные выражения для этих онтологий основных элементов теории обобщенной инвариантности — инвариантов И, обобщенных систем отсчета С, представлений инвариантов П и т.д. Конечно, пока речь не идет о совершенно строгой схеме подобных конструкций, чтобы, например, можно было бы выписать уравнения преобразования L. Пока важно некоторое более концептуальное решение возможных видов инвариантности в случае этих онтологий.

Начнем с рассмотрения возможных видов инвариантности в случае медицинских онтологий. Здесь давно важную роль играет понятие *адаптации* и связанная с ним идея *гомеостаза*. В общем случае здоровый организм есть организм высокоадаптивный и пластичный, способный приспособливаться к большему числу различных условий, удерживать константы гомеостаза в этих меняющихся условиях. Наоборот, болезнь во многом развивается как срыв механизмов адаптации и ослабление гомеостатических механизмов. Однако, кроме гомеостаза как удержания некоторого имеющегося уровня организации, в биологии и медицине важную роль играет и понятие развития, например, возможность научения новым навыкам, развитие систем гомеостаза в случае взросления или тренировки и т.д. В таких ситуациях мы имеем дело не с фиксированной системой адаптации, но с ее развитием во времени, когда организм переходит от менее к более адаптивному состоянию. Такой переход может совершаться и в случае выздоровления (саногенез), и в случае усиления жизни здорового организма (тренировка, взросление, развитие здорового организма).

Итак, в любом случае идея силы жизни может быть связана с системой адаптации — либо фиксированной, либо меняющейся. Но понятие адаптации, в свою очередь, предполагает схему некоторого вида инвариантности, поскольку более адаптивное — это сохраняющее инвариантность (например, на уровне констант гомеостаза) в большем числе обстоятельств.

Развитие адаптивных систем можно выразить как рост объема инвариантности, когда возникают более гибкие адаптивные системы, которые способны удерживать константы гомеостаза там, где это ранее не удавалось (например, человек закаляется и может выдерживать более сильный холод и т.д.).

Итак, мы получаем возможность соединить онтологический порядок в онтологиях здоровья с инвариантным порядком, представляя более здоровые состояния организма как состояния более адаптивные, где либо появляется ранее отсутствовавшая органическая инвариантность, либо уже имевшаяся инвариантность развивается и приобретает больший объем инвариантности.

Более сложной является проблема *нравственной инвариантности*, но все же и здесь мы находим множество интересных возможностей.

Выше речь шла о том, что мера нравственного бытия связывается в нравственности со степенью выполнения должного. Но в структуре самого должного мы находим тяготение к выражению более инвариантных состояний человеко-бытия.

Наиболее ярким примером здесь является первая формулировка категорического императива Канта. Как известно, согласно этой формулировке, высший нравственный закон выражается как такая максима, которая могла бы посредством собственной воли личности стать всеобщим законом природы. Это своего рода тест на *универсализацию* некоторой нормы деятельности. Мы как бы пытаемся представить данную деятельность в ее нормативном варианте как всеобщую и смотрим, что из этого получится. Здесь возможны два основных варианта. Либо такая универсализированная норма приведет к собственному самоотрицанию и не выдержит требования категорического императива. Либо она сможет выдержать универсализацию и окажется некоторым более конкретным выражением категорического императива.

Итак, в рамках деонтологических концепций нравственности, восходящих к теории Канта, важнейшей оказывается процедура универсализации разных видов возможно должного. Однако сама эта процедура, если к ней внимательнее присмотреться, оказывается ни чем иным, как некоторой схемой обобщенной инвариантности. В самом деле, универсализация предполагает, что мы берем некоторую норму и пытаемся представить ее как деятельностьный инвариант во все более широком классе условий — во все большем числе условий эта норма должна сохранять себя как норма деятельности, которой должны подчиняться деятельности, должны реализовать ее в более конкретных условиях.

Так мы получаем в рамках деонтологических теорий этики хорошее согласование степени должности и степени инвариантности для разного рода видов должного как возможных нравственных инвариантов. Два вида порядка — нравственно-онтологический и деятельностьно-инвариантный — оказываются в этом случае согласованными, как это требуется в соотношении (5).

Подводя итог, мы можем сделать тот главный вывод, что медицинские и нравственные онтологии обнаруживают существенное сходство с точки зрения связи принципов онтологической иерар-

хии со схемами обобщенной инвариантности в рамках единого трансдисциплинарного дискурса. Такие онтологии можно называть *иерархически-инвариантными*, поскольку в основе их онтологической иерархии («силы бытия») лежат объемы инвариантности все более глубоких онтологических инвариантов. Более сильно существует то, что более обобщенно инвариантно (обобщенно или *онтологически симметрично*⁷). Тот факт, что медицинские и нравственные онтологии оказываются одинаково иерархически-инвариантными онтологиями, позволяет предположить некоторое глубинное их родство и возможность взаимовлияния друг на друга. Конечно, здесь следует избегать тех упрощенных схем, в рамках которых утверждается, что злые не могут быть здоровыми или добрые не могут болеть. Но в некотором более глубоком смысле обе онтологии могли бы быть укоренены в составе объемлющей их мета-онтологии, которая также может иметь иерархически-инвариантный характер, и здесь могут находить свои интересные взаимодействия иерархически-инвариантные вклады со стороны обеих онтологий. Но это уже новая и самостоятельная тема для последующих размышлений, предполагающая в том числе привлечение более обширных ресурсов постнеклассической рациональности и философии трансдисциплинарности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Замечательно, что переход к идее обобщенной инвариантности можно, в свою очередь, трактовать как придание большей инвариантности самой теории инвариантности.

²«е.т.е.» – это сокращение, применяемое в логических текстах для выражения взаимной связи суждений. Читается «если только если» (и пишется без запятых).

³См.: *Moiseev V. Projectively Modal Ontology // Logical Studies. 2002. № 9* (<http://logic.ru/en/node/372>); *Моисеев В.И. Проективно-модальная Онтология и некоторые ее приложения // Логические исследования. 2004. Выпуск 11. V. – С. 215 – 227.*

⁴Замечу, что это не обязательно такая иерархия, в рамках которой может быть введен *один* максимальный элемент или упорядочены между собой *все* элементы. Здесь достаточно, чтобы был задан так называемый *частичный порядок* – существовали хотя бы два упорядоченных между собой элемента.

⁵В частности, это означает, что по таким представлениям инвариант может быть восстановлен.

⁶См.: *Моисеев В.И. Логика Добра. Нравственный логос Владимира Соловьева. – М.: Эдиториал УРСС, 2004; Моисеев В.И. Философия биологии и медицины. – М.: Принтберри, 2007; Моисеев В.И. Философия науки. Философские проблемы биологии и медицины. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008.*

⁷Как известно, в современной науке понятия инвариантности и симметрии оказываются совпадающими.

Аннотация

В статье делается попытка выяснить общие основания медицинских и нравственных онтологий с использованием идеи обобщенной инвариантности. Вводится понятие иерархических и иерархически-инвариантных онтологий, проводятся обоснования того утверждения, что медицинские и нравственные онтологии могут быть представлены как иерархически-инвариантные онтологии.

Ключевые слова:

онтология, обобщенная инвариантность, медицинская онтология, нравственная онтология, иерархическая онтология, иерархически-инвариантная онтология.

Summary

The attempt to find out the general bases of medical and moral ontologies with use of idea of the generalised invariancy is done in the article. The concept of hierarchical and hierarchically-invariant ontologies is entered, substantiations of the statement that medical and moral ontologies can be presented as hierarchically-invariant ontologies are spent.

Keywords:

ontology, the generalised invariancy, medical ontology, moral ontology, hierarchical ontology, hierarchically-invariant ontology.

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Школа философствования

НАЧАЛА ФИЛОСОФИИ* Раздел II. Что я могу знать? Глава 5. Наука и научное знание § 9. Научная картина мира

С.С. ГУСЕВ

Научные образы мира. Переход познавательной деятельности к качественно новому этапу каждый раз кардинально меняет образы мира, господствовавшие в сознании людей предшествующих исторических периодов. В отличие от художественной картины мира, его научное описание складывается в результате целенаправленных усилий исследователей, старающихся выявить среди множества изучаемых ими явлений повторяющиеся характеристики, *обобщенное изображение которых понимается как проявление объективных «законов природы»*. Совокупность этих законов и формирует определенный образ мира. В истории науки выделяют несколько этапов, связанных с созданием таких образов (научных картин мира).

Первый этап, охватывающий XVII – XVIII века, получил название «классической науки». Его содержание составляет процесс оформления стандартного для всех естествоиспытателей комплекса норм и идеалов исследования, заданных (как представлялось тогдашним ученым) раз и навсегда. Для данного периода было характерно:

- стремление к созданию полной и завершенной истинной картины мира;
- попытка представить получаемые знания независимыми от производящего их человека;
- господство эмпирического познания над теоретическим;
- убежденность в универсальности используемых познавательных методов.

Мировоззренческим основанием такой убежденности оказалось представление о мире как об огромном механизме (такое восприятие мира было обусловлено появлением и распространением в Ев-

* Продолжаем публикацию материалов учебника “Начала философии”, подготовленного коллективом петербургских авторов (см.: Философские науки. 2010. № 5 – 11).

ропе первых фабрик и заводов). Отголоски подобного восприятия мира проявляются и сегодня, когда героями многих художественных произведений становятся искусственные существа – роботы, а Вселенная уподобляется сети Интернета.

Однако, по мере развития естествознания, накапливались новые данные, заставившие усомниться в исчерпывающей истинности данного мировоззрения. На рубеже XIX и XX вв. наука оказалась в ситуации кризиса, связанного с качественным переосмыслением представлений о сущности материи (на изучение природы которой и была ориентирована классическая наука). Смена типов мировоззрения и лежащих в их основе образов мира всегда представляет собой революцию в науке и вызывает кардинальную перестройку всей системы человеческого отношения к действительности, появление не только новых представлений о ней, но и новых целей, а также способов организации взаимодействия с объектами и явлениями внешнего мира.

Отказ от образа «вселенной-машины» обусловил переход ко *второму этапу – «неклассической науке»* (конец XIX – первая половина XX столетий). Его содержанием является создание и развитие так называемой электродинамической картины мира, в которой вместо взаимодействия различных тел, основанного на законах механики, основным объектом описания стали электромагнитные поля и заряженные частицы. Новая картина мира обусловила такие особенности мышления ученых, как:

- сомнение в возможности построить исчерпывающе полную картину реальности;
- осознание определенной зависимости производимых знаний от особенности человеческого восприятия действительности;
- возросший интерес к теоретическим формам познавательной деятельности;
- усиление дисциплинарной организации науки и оформление соответствующих «локальных» методов исследования.

Середину XX столетия сегодня оценивают как начало новой революции в науке, определившей ее переход к *третьему этапу, названному «постнеклассическим»*. Его специфика обусловлена тем, что теперь Вселенная рассматривается естествоиспытателями как сложная квантово-полевая структура, описание которой возможно лишь как взаимное приспособление фрагментов знаний, полученных в рамках отдельных дисциплин. Это и определяет следующие черты познавательной деятельности:

- отказ от идеи универсальной однородной модели мира (вместо целостной «картины» ученые сегодня говорят о «мозаичном объекте»);
- усиление интереса к роли личности исследователя в процессах конструирования представлений о мире;
- убеждение в фундаментальности теоретических форм исследования и их влиянии на интерпретацию эмпирических данных;

– переход от чисто дисциплинарного познания к проблемно ориентированному.

Специфические черты научного знания. И все же, при всех изменениях образа мира, исследователи стремятся создавать знания, соответствующие некоторым устойчивым характеристикам, что позволяло бы отличать научные представления о мире от ненаучных. С давних пор к наиболее важным признакам научного знания традиционно относят следующие: обобщенно-абстрактную форму его представления, *систематизированность, обоснованность и проверяемость*. Важность первой характеристики обусловлена тем, что научные данные относятся не к каким-то отдельным конкретным ситуациям, но выражают информацию о целых классах некоторых событий и явлений, обладающих общими характеристиками. Поэтому обобщенное изображение набора имеющихся сведений (например, математическое уравнение) дает возможность в компактной форме представить множество описаний отдельных частных ситуаций исследования.

Систематизация дает возможность из небольшого числа исходных сведений (в теоретическом познании их роль может играть набор каких-то постулатов или аксиом) логически выводить остальные фрагменты знаний, эмпирически еще не полученные. Так, Д.И. Менделеев, в частности, предсказывал свойства еще не открытых химиками элементов. Эта особенность существенным образом отличает научное познание от всех других видов, выражающих получаемые результаты в виде не всегда связанных между собой фрагментов (например, обыденное познание представлено в различных пословицах, приметах и проч. Но можно ли, зная лишь некоторые из них, логически вывести остальные?).

Требование *обоснованности и проверяемости* производимых знаний вызвано тем, что ученые стремятся к получению не просто новых сведений о действительности, но таких, которые можно было бы использовать в практических процедурах человеческого воздействия на внешние явления и процессы. Для ученого некое новое утверждение о мире будет считаться обоснованным, если можно указать какие-то другие утверждения (чья истинность доказана раньше), из которых выводимо данное. Проверимость предполагает возможность воспроизведения условий получения нового результата и тем самым его повторение. Если при этом результат повторного испытания существенно отличается от зафиксированного в первый раз, одно из проведенных исследований объявляется ошибочным.

Убеждение в правдивости и истинности получаемых учеными знаний является необходимым условием успешного функционирования науки. Это тем более важно, что современное познание теснейшим образом связано с технической оснащенностью человеческой деятельности, что ведет к существенным преобразованиям

в природной среде. К XX столетию люди начали осознавать, что масштаб их воздействия на окружающую действительность стал сравним с уровнем стихийных процессов. А поскольку природные силы слишком часто действуют разрушительным способом (стоит, например, вспомнить недавнее цунами, обрушившееся на Таиланд), постольку соединение неуправляемых человеческих усилий со слепой стихией может иметь катастрофические последствия для всей планеты в целом.

Понимание данного обстоятельства породило потребность в целенаправленном контроле за тем, как человечество использует имеющиеся в его распоряжении средства и способы воздействия на природный мир. *Сегодня одной из важнейших задач культуры является обеспечение рациональной сбалансированности между потребностями человека и возможностями его действий*. И эта задача может решаться только с помощью науки.

Неоднородность научных образов мира. Говоря о науке, многие люди не принимают в расчет то обстоятельство, что традиционное представление о научном познании как о некоей единой области (в которой используются одни и те же приемы и процедуры исследования, действуют одинаковые для всех ученых представления и оценки) на самом деле не отражает реального положения дел. Наука давно уже не является однородным целым. Кризис естествознания на рубеже XIX и XX столетий показал, что надежда на создание универсального способа исследований, основанная на убеждении в том, что реальный мир регулируется одной группой законов, является утопией. В частности, обнаружилось, что мир природы и мир культуры не совпадают по своим фундаментальным характеристикам.

Люди поняли, что их взаимодействие с окружающим миром определяется не только природными условиями, но и существенно зависит от представлений о действительности, сложившихся в их сознании, от эмоций, намерений и степени понимания своих возможностей. Знаменитый русский ученый и мыслитель В.И. Вернадский еще в начале XX столетия писал о том, что деятельность людей должна способствовать повышению степени организации Вселенной. Стихия разрушительна, разум же призван созидать. И поскольку человек обладает разумом, постольку он должен осознавать возможные последствия своих действий и стараться избегать таких, которые могут быть опасны для окружающего мира.

С этой идеей связан его учение о «*ноосфере*», под которой Вернадский понимал организованный и управляемый сознанием процесс коллективной деятельности людей. (Следует отметить, что это понятие использует и французский философ и теолог XX столетия Тейяр де Шарден, но его представления о ноосфере имеют в большей степени мистически-религиозный характер.) В связи с осознанием того, что духовная сфера регулирует поведение каждого

индивида в гораздо большей степени, чем это предполагалось учеными прежде, возникла необходимость специального изучения этой сферы, без чего невозможно успешным образом регулировать жизнь общества.

К концу XIX столетия в сферу исследовательского интереса все больше стали входить вопросы, связанные с изучением духовной реальности, мира человеческих эмоций и представлений. Становилось все более ясно, что человек почти никогда не живет непосредственно в самой природе. Его жизнедеятельность создает отдельный предметный мир, вне которого вряд ли вообще может идти речь именно о «человеческом» бытии. Современные люди с трудом (да и то не всегда) могут выжить, оказавшись в «первобытных» условиях. Следует признать, что созданный воображением Киплинга Маугли, остающийся человеком даже в сообществе животных, не более чем красивая сказка.

Представьте себе, что все привычные предметы домашнего быта вдруг исчезли. Книги и компьютеры, часы и телефоны, станки и автомобили — ничего этого не стало. Было бы современному человеку удобно и комфортно в подобной реальности? Регулировалось бы его поведение теми же правилами, которые действуют сегодня в человеческом обществе? В любую эпоху, как бы ни отличалась она от современной, люди создавали особый мир «второй природы», отделяющий их от природы «первой». Осознавая в разной степени свои потребности, человек воплощает мысленные образы в предметной форме. *Поэтому-то он и является одновременно как продуктом окружающей среды, так и ее создателем.*

§10. «Науки о природе и «науки о духе»

Необходимость специально изучать сферу человеческой культуры оказала существенное воздействие на характер философских исканий в конце XIX столетия. В частности, представители неокантианства (одного из направлений в немецкой философии этого периода) разделили научное познание на две сферы: «науки о природе» и «науки о духе» (понимая под «духом» все, что связано с областью культуры). По мнению неокантианцев те, кто специализируется на изучении природного мира, должны описывать объекты и процессы, функционирующие «сами по себе», независимо от воли и желания людей. И чем более беспристрастно и объективно исследователь констатирует «факты действительности», тем более значимыми и истинными будут производимые им знания. Ученый-натуралист лишь регистрирует все, что попадает в его поле зрения, но никак не влияет на «естественный ход» событий.

В отличие от него гуманитарий, изучающий мысли и желания людей, побудительные мотивы, толкающие их на те или иные поступки, — заинтересован не столько в фиксации того, «что есть»,

сколько в понимании того, «как должно было быть». Анализ сферы духа обусловлен стремлением оценить степень соответствие *между тем, чего хотел человек и тем, что ему удалось*. Поэтому поисковая деятельность гуманитария связана с выявлением культурных норм и ценностей, определяющих человеческие поступки, из совокупности которых и складывается человеческая история. Материал, с которым работают гуманитарии, не дан им прямо и непосредственно, он скрыт за поступками и словами.

В этом случае между естественнонаучным и гуманитарным видами познания имеется существенное различие. Например, описание специалистом ранее неизвестного вида животных или сообщение об открытии новой планеты будут приняты в качестве факта, если при проверке эти сведения подтверждаются другими специалистами. В этом случае астрономы или биологи могут спорить об эффективности и обоснованности соответствующей теории, объясняющей природу установленных фактов, не подвергая сомнению само существование изучаемых явлений. Натуралист видит свою задачу в выявлении законов, регулирующих состояние действительности.

В сфере же гуманитарного познания достаточно часто оказывается, что главные затруднения связаны как раз с признанием или отрицанием реальности событий, описываемых в каком-то источнике. Историки, например, до сих пор спорят о достоверности платоновского рассказа о существовании Атлантиды или по поводу сообщений о смерти царевича Дмитрия. В лучшем случае признается лишь существование соответствующих письменных источников, но истинность их содержания может оспариваться. Следовательно, *под фактом в гуманитарном исследовании имеется в виду не само состояние некой действительности, а фиксированное (предпочтительно в письменной форме) сообщение о нем.*

Значительная часть исследовательской работы гуманитария определяется необходимостью доказывать, что описываемое в источнике событие действительно имело место, а не является плодом чьего-то воображения. И если обнаруживается ложность сведений, содержащихся в имеющемся тексте, то усилия исследователя будут направлены на попытку понять — почему автор сообщения солгал. Тогда как в подобном же случае естествоиспытатель просто перестает интересоваться описанием, не получившим подтверждения, поскольку он не допускает, что природа «хочет его обмануть». Его задача дать объяснение происходящим в окружающем мире событиям.

Объяснение и понимание. Традиционно *под объяснением имеется в виду установление связи между конкретным частным явлением и какой-то причиной, всегда вызывающей все подобные явления*. Структура объяснения состоит из описания события, природу которого требуется объяснить (объясняемая часть), а также из указания на

некий общий закон, регулирующий весь класс подобных явлений (объясняющая часть). Например, наблюдая падение тела на землю, мы сошлемся на действие закона всемирного тяготения. Объяснение не только обеспечивает более полное и точное описание объектов, интересующих исследователей, но и дает возможность установить взаимное воздействие одних объектов на другие.

А это, в свою очередь, позволяет строить *прогнозы*, т.е. *предсказывать будущее поведение изучаемых объектов при изменении воздействия на них*. Прогнозирование (наряду с описанием и объяснением) является важнейшей функцией науки. Поэтому естествознание всегда направлено на получение неких устойчивых истин, таких описаний действительности, которые не зависели бы от изменения человеческого отношения к происходящему и сохраняли бы свою эффективность каждый раз, когда воспроизводится однажды уже зафиксированная ситуация. Скажем, зная причину извержения какого-нибудь вулкана в прошлом, можно предсказать его очередную активизацию при появлении соответствующих условий.

В науках о духе объяснение также играет важную роль, однако первостепенной задачей для философа, историка и других гуманитариев является *понимание человеческих мотивов, вызвавших определенные действия и результаты этих действий*. Но что значит «понимать»? При всем разнообразии взглядов на природу данного явления, можно увидеть, что большинство изучающих его авторов связывают понимание с осмыслением предметов и процессов, определяющих человеческую жизнь. *Понять нечто — значит определить его смысл, т.е. установить — какое значение для человека это нечто имеет*. Если объяснение увязывает интересующее человека событие с некоторым отдельным законом или принципом, то понимание создает целостный контекст, определяющий как цели, выдвигаемые действующими людьми, так и сами способы достижения этих целей.

Это означает, что *понимание обязательно предполагает соотнесение человеком своих убеждений и представлений с позицией других людей, с которыми он вступает в контакт*. Например, в современной общественной жизни одной из важнейших тем является понимание содержания термина «демократия». Но при общем согласии с его трактовкой как «власти народа», оценка различных конкретных форм проявления этой власти часто существенно не совпадает у представителей разных стран и народов. Очевидно, лишь внимание ко всем позициям по этому вопросу и взаимное стремление найти общую точку зрения может обеспечить действительное понимание людьми друг друга.

Понимание оказывается характеристикой организованности знания, а потому обеспечивает возможность выбора того или иного способа объяснения из имеющегося набора возможностей. Ведь одно и то же явление можно объяснить, исходя из различных пред-

посылок. В притяжении двух тел можно увидеть действие физического закона тяготения, а можно истолковать его как проявление некой их взаимной «симпатии». Понимание не только обусловлено определенным историческим опытом людей, но и целями, для достижения которых эти знания и навыки человек использует. Таким образом, именно наличие конкретной цели определяет способ осмысления людьми всего, с чем они сталкиваются при своем взаимодействии с окружающим миром (в том числе и друг с другом), и *понимание есть выявление целей, как чужих, так и своих, а значит и определения соответствующего смысла*.

Объяснение и понимание взаимно предполагают друг друга (в самом деле, можно ли объяснять не понимая?) и в то же время различным образом определяют подходы к оценке истинности знания, получаемого в рамках естественнонаучного и гуманитарного видов познания. Характеристика каких-то знаний, производимых в рамках гуманитарного подхода, как «истинных» существенно *определяется целями и намерениями исследователя, старающегося в свою очередь определить мотивы, обусловившие действия других людей*. Ясно, что в данном случае способ понимания и трактовки прошлого (если говорить, например, об историческом исследовании) будет существенно зависеть от исходных установок самого ученого.

Гуманитарий должен осознавать, что *понимает именно он* и поэтому совпадение его представлений о сущности событий настоящего или прошлого с представлениями других людей никогда не будет абсолютным. И если исследователь не учитывает этого обстоятельства, вряд ли его понимание окажется вполне корректным. Лишь явная ориентация на возможность *иной точки зрения* может обеспечить достижимость общих позиций при существенном различии в трактовке одних и тех же событий. Иначе в гуманитарном познании всегда будут существовать отрицающие друг друга подходы (для одних историков, в частности, распад Советского Союза есть трагическая ошибка, для других — торжество справедливости), не обеспечивающие настоящего понимания действительности.

Исследователь должен отделить действительное содержание «внутреннего» мира от внешних форм его проявления. И если естествоиспытатель, проведя серию наблюдений или экспериментов, может увериться в истинности полученного им результата, то знания, полученные в рамках наук о духе, всегда лишь предположительны. Например, литературовед может изучить все материалы, относящиеся к биографии Пушкина. Может учесть все мельчайшие данные, известные современной науке и определявшие поведение поэта в какой-то конкретный момент жизни, и все же никогда не будет полной уверенности в том, что представление исследователя о внутреннем состоянии Пушкина абсолютно совпадает с тем, что думал и чувствовал сам Пушкин.

Историк, философ, литературовед, вообще любой специалист, изучающий духовную жизнь общества, всегда имеет дело со множеством разнообразных свидетельств об интересующих его событиях. А потому для объективной оценки таких свидетельств ему важно определить цели авторов получаемых сообщений, так как одни из них искренне передают содержание своих мыслей, другие неявно для себя заблуждаются, а третьи могут сознательно лгать. Поэтому ученый, работающий в гуманитарной сфере, имея дело с каким-то описанием событийного ряда, исходит, во-первых, из предположения о том, что интересующий его текст (в данном случае текстом может являться не только языковое сообщение, но и любой материальный предмет, здание и т.д.) содержит в себе направленную на некоего адресата информацию, во-вторых, предпринимает усилия по выявлению цели, для достижения которой текст был создан.

Специфика объектов гуманитарного познания обусловлена тем, что в них проявляются не характеристики внешнего мира, взятые сами по себе, а *человеческие представления об этом мире, оценка его фрагментов в качестве «полезных» или «опасных», понимание своих потребностей и возможностей их удовлетворения*. Поэтому, когда гуманитарий говорит о «фактах», содержание этого понятия отличается от того, которое имеет в виду естествоиспытатель.

Как уже было сказано, в науках о природе одним из существенных регуляторов исследовательской деятельности является принцип «повторяемости результата». Только данные, не раз проверенные и перепроверенные разными, независимыми друг от друга специалистами, принимаются профессиональным сообществом в качестве «научного факта». С точки зрения подобного подхода особенности конкретных временных и пространственных рамок, в которых осуществлялся определенный исследовательский акт, чаще всего не играют особой роли. Изучаемые объекты обычно воспринимаются как тождественные друг другу (скажем, элементарная частица, зафиксированная физиком в XX веке, скорее всего, будет считаться той же самой исследователем века XXI, если он возьмется повторить проделанный в прошлом эксперимент).

Именно такой подход позволяет естествоиспытателям довольно точно прогнозировать возможное состояние мира в каком-то отдаленном будущем. В области гуманитарного познания попытки такого рода чаще всего имеют весьма неопределенный характер. Насмешливо подчеркивая невозможность точного предсказания человеческого поведения, немецкий писатель и ученый XVIII столетия Г.К. Лихтенберг писал в своих знаменитых «Афоризмах»: «Когда вечером 3 июня 1769 г. Венера должна была пройти через солнечный диск, то после предварительных приготовлений ее увидели в положенное время. Когда же 8 июня прусская принцесса должна была проследовать через Геттинген, то ее напрасно ожидали до 12 часов ночи, она появилась лишь 9-го в 10 часов утра».

В самом деле, один и тот же человек может в одних и тех же обстоятельствах вести себя существенно различным образом, в зависимости от своего сиюминутного восприятия ситуации, в которой он в конкретный данный момент оказывается. Поэтому в отличие от естествоиспытателя представитель гуманитарного познания (особенно историк) воспринимает повторение некоторого явления, отмеченного в прошлом, не как простое воспроизведение чего-то уже известного, а как качественно *другое событие*. И такая оценка определяется, в первую очередь, предполагаемым несопадением отношений участников этих событий к тому, что они делали и наблюдали *тогда и теперь*.

Неокантианцы именно в истории попытались увидеть некий «образец наук о духе», поскольку с их точки зрения естествоиспытатель *описывает* наблюдаемое, но не *оценивает* его значимости, а историк (и гуманитарий вообще) *описывает и оценивает*. Но оценка всегда связана с выбором некоторой позиции по отношению к воспринимаемым явлениям. Поэтому историческое сообщение — это не столько простой рассказ о том, «что было», сколько выражение того, что люди думали о происходящем. Однако историческая теория не может сама по себе исчерпывающим образом дать ответ на вопрос: *почему люди думали именно так?*

Сегодня отчетливо видно, что оценки производимых знаний как «истинных» или «ложных» существенно различаются в науках о природе и науках о духе. Это различие обусловлено различным представлением естествоиспытателей и гуманитариев о том, что такое истина. Как уже говорилось, для физика или биолога важной задачей оказывается установление соответствия знаний и действительного положения дел в мире. Тогда как гуманитарное познание (и философия в первую очередь) устанавливает соответствие этих знаний человеческим потребностям и целям. Из этого следует, что естествоиспытатели стремятся дать *объяснение* происходящему, а гуманитарии хотят *понять, почему* люди осуществляют определенные действия, т.е. выявляют их культурные смыслы.

НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ

Философский неологизм

О ПРОЕКТИВНОМ ПОДХОДЕ К ЯЗЫКУ
Неология времени

М.Н. ЭПШТЕЙН

Хотя сейчас нечто неслыханно, но, может быть, когда-нибудь и скажется впоследствии. Сделаем язык более гибким, более восприимчивым, сделаем с него застывшую кору и обнажим его огненную, вихревую, приснокипящую струю. Язык тогда сразу не возникнет; но образуются завязи нового творчества, и эти завязи, может быть еще недостаточно или совсем почти неоформленные, впоследствии вырастут в слова и новые способы их сочетания... Чтобы язык жил полною жизнью и осуществлял свои возможности, надо освободить индивидуальную языковую энергию и – не бояться множества неудачных, уродливых и нежизненных порождений. Тогда, среди многого неудачного, осадится кое-что удачное, и безысходно нужное, – то возникнет, отсутствием чего болеет сейчас впечатлительная душа.

Павел Флоренский. Мысль и язык

В словах содержится энергия мира, словотворчество есть процесс субъективный, индивидуальный, психологический только по форме существования, по существу же он космичен. Мировое все, разлагаясь, дробясь и сверкая в лучах смыслов, отражает эти лучи, и это суть слова... Они живы, ибо в них присутствует мировая энергия, мировой логос...

Слова имеют силу, они суть действие.

Сергей Булгаков. Философия имени

I. Знакотворчество. Семиургия

Есть три вида деятельности в области знаков: знаковосочетательная, знакоописательная и знакосозидательная.

подавляющее большинство всех текстов, всего написанного и сказанного относятся к первому виду. И Пушкин, и государственный деятель, и пьяный забулдыга – все они по-своему сочетают слова, хотя число этих слов и способы их сочетания в литературе, политике, просторечии весьма различны.

Грамматики, словари, лингвистические исследования и учебники, где описываются слова и законы их сочетания, принадлежат ко второму виду знаковой деятельности, описательному; это уже не

язык первого, объектного уровня, а то, что называют метаязыком, язык второго порядка.

Третий вид – самый редкий: это не сочетание и не описание знаков, уже существующих в языке, а введение в него новых знаков: неология, знакотворчество, **семиургия** (греч. *sema*, знак + *ergon*, работа). Это часть более широкой дисциплины конструирования или трансформации языка, которая называется по-разному: *проективная лингвистика*, *плановая лингвистика*, *лингводизайн*, *лингвоинженерия* и т.д. Внутри нее есть такая область, как интерлингвистика, которая изучает способы создания искусственных международных языков. Есть лингвистика программных, компьютерных, специальных дисциплинарных языков, которые создаются путем плановых профессиональных конвенций. Но знакотворчество имеет место и в естественных языках, таких, как русский. К **семиургии** относятся многие словотворческие элементы словаря В. Даля, значительная часть творчества В. Хлебникова, А. Белого, В. Маяковского, И. Северянина, но вообще этот третий вид знаковой деятельности наименее изучен и признан в науках о языке.

Один из самых распространенных мифов: новые слова появляются как бы ниоткуда, по воле самого языка, их творит народ. На самом деле, слова всегда кем-то создаются индивидуально, произносятся или пишутся впервые. Ведь у народа нет единого рта, чтобы произнести новое слово, или единой руки, чтобы его записать. Другое дело, что слово начинает жить, распространяться, входит в состав языка, только если оно услышано и принято народом, языковой средой. Процесс усвоения и распространения слова коллективен, но акт его сотворения, первого употребления индивидуален. Об этом свидетельствуют данные об авторских неологизмах, среди которых есть и ставшие привычными, общенародными слова, такие, как «предмет», «сущность», «мощность», «промышленность», «насос», «чертеж»... По оценке лингвистов, «именно таким индивидуально-авторским образованиям язык обязан существованием огромного количества слов»¹. М.В. Ломоносов ввел такие слова, как *маятник*, *насос*, *притяжение*, *созвездие*, *рудник*, *чертеж*; Н.М. Карамзин – *промышленность*, *влюбленность*, *рассеянность*, *трогательный*, *будущность*, *общественность*, *человечность*, *общеполезный*, *достижимый*, *усовершенствовать*. От А. Шишкова пришли слова *баснословие* и *лицедей*, от Ф. Достоевского – *стусеиваться*, от К. Брюллова – *отсебятина*, от В. Хлебникова – *ладомир*, от И. Северянина – *бездарь*, от В. Набокова – *нимфетка*, от А. Солженицына – *образованщина*...

Правда, доходят до нас имена лишь немногих словотворцев – преимущественно писателей, запечатлевших на бумаге свой вклад не только в литературу, но и в язык. Знаменательно, что первенство в списке самых плодотворных словотворцев принадлежит писателям XVIII века, тем, кого мы мало читаем (Тредиаковский, Ломоносов,

Карамзин). Оказывается, есть разные способы войти в плоть и кровь национальной культуры — через речь и через язык, через литературные произведения или через лексические поля. И то и другое одинаково драгоценно. Если сверхчитаемый Пушкин подарил нам «Евгения Онегина» и «Медного всадника» (но, кстати, не ввел в язык практически ни одного нового слова), то нечитаемый Третьяковский подарил слова, без которых мы не можем обойтись ежедневно, без которых нельзя мыслить и говорить по-русски: **предмет, особенность, сущность, благодарность...**

Из слов, вошедших в язык, лишь единицы сохраняют имена своих создателей. Но это верно только по отношению к определенной эпохе развития языка, которая сейчас, возможно, подходит к завершению. Когда-то ведь не было и индивидуального литературного творчества, песня и сказка передавались из уст в уста, а потом, с возникновением письменности, появились и индивидуальные авторы литературных произведений. Точно также и сейчас, с переходом к электронной словесности, **завершается анонимная, фольклорная эпоха в жизни языка**, у слов появится все больше индивидуальных авторов.

До создания интернета трудно было проследить истоки новых слов, зафиксировать, кто их впервые стал употреблять и в каком значении. С появлением Сети это делается простым нажатием клавиши в поисковике. С другой стороны, интернет делает возможным и мгновенное распространение нового слова в массовой аудитории. Новообразование может быть подхвачено на лету, и его успешность легко проследить по растущему из года в год и даже из месяца в месяц числу употреблений. Именно прозрачность интернета в плане чтения и проницаемость в плане писания делает его идеальной средой для отслеживания и распространения новых словесных, да и графических, изобразительных знаков. **Интернет делает с языком то, что когда-то письменность сделала с литературой: подрывает его фольклорные основания, переводит в область индивидуального творчества.**

Можно предположить, что **знакодатели** со временем будут играть в обществе не меньшую роль, чем законодатели. Это два дополнительных вида деятельности — закон подчиняет всех общей необходимости самоограничения, а новый знак создает для каждого новую возможность самовыражения. Нужна и соответствующая наука, которая занималась бы методами создания новых знаков. В семиотике обычно выделяются три раздела: семантика (отношение знака к значению и означаемому), синтактика (отношение между знаками) и прагматика (отношение между знаками и пользователями). Но нет специального раздела, посвященного созданию новых знаков, т.е. отношению между знаками и отсутствием таковых, семиотическим нулем, знаковым вакуумом. Можно было бы назвать этот раздел семиотики **семиургика**. **Семиургия** — это

деятельность по созданию новых знаков; **семиургика** — это наука о создании новых знаков, четвертый основной раздел семиотики².

II. От идеологии — к творческой филологии

Знакотворчество и словотворчество — это не просто создание новых знаков и слов. С каждым новым словом появляется и новый смысл, и возможность нового понимания и действия. Мы чувствуем и действуем по значению слов.

Вспомним, какое колоссальное воздействие оказал советский идеологический язык на жизнь нашего общества и всего мира. Как-то бы, всего-навсего пустые сотрясения воздуха: **коммунизм, большевик, совет, колхоз, ЧК, ЦК, генсек, субботник**. Но по ним строились гиганты социндустрии, коммунальные хозяйства и квартиры, система сыска и наказания, пятилетние планы, трудовая дисциплина, будни и праздники, нравы партийной и производственной среды... Излишне говорить о роли слов в ту эпоху — но ведь это было не только завышением роли слова, но и занижением самих слов, которые сводились к заклинаниям-идеологемам, с темным смыслом, который не подлежал пониманию и обсуждению, а только исполнению.

В постсоветском обществе на место идеологем должно придти свободное словотворчество, которое может предоставить простор для смыслополагания. Во всем мире быстро растут новые отрасли техники, виды работы и досуга, рыночно-товарные реальности, обеспечение которых требует не меньше лингвистических, знаковых инвестиций, чем материальных и финансовых.

Чтобы ответить на вызов времени, языку нужно **воображение**, способность **творить новые слова и понятия**, не ограничиваясь только восстановлением своего прошлого или заимствованиями из других языков. Язык жив до тех пор, пока его корни продолжают разветвляться и плодоносить в новых словах. XXI век этой своей потребностью словотворчества переключается с авангардом начала XX века. По мысли А. Белого, «то единственное, на что обязывает нас наша жизненность, — это творчество слов... Цель поэзии — творчество языка; язык же есть само творчество жизненных отношений... Слово рождает действие...»³.

Если теоретическое языкознание можно уподобить ботанике, изучающей жизнь растений, то практическую лингвистику, **языководство** уместно сравнить с лесоводством и садоводством, возделкой языковой почвы и выращиванием новых древесных пород. В сущности, языкотворчество, **творческая филология** — это **единственная идеология нашего времени**, которая обеспечивает смысл существованию народа и взаимосвязь прошлого и будущего. Язык — единственное, что питает сознание всеобщими смыслами и делает сограждан понятными друг другу. Не то, что говорится на этом языке, но сам язык. Не тексты и даже не предложения, а сло-

ва и морфемы. Вечные, непревзойденные «мир», «дар», «кровь», «мысль», «на-», «по-», «и», «-ств», «-овь», «-ение»... Уже на предложениях мы расходимся, а на уровне текстов начинается непонимание, подозрение, общественные битвы.

Вильгельм фон Гумбольдт, основоположник научной лингвистики, полагал, что язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное. Важно подчеркнуть: язык в целом, а не какая-либо система идей, последовательность высказываний на этом языке. Вряд ли какая-нибудь политическая или философская, или религиозная идеология может в наши дни объединить общество. Где выдвигается объединительная «национальная» идея, т.е. оценочное суждение с притязанием на всеобщность, там начинается раскол нации. **Смыслообразующее единство народа дано не в идее, а в языке**, и то лишь при условии, что этот язык развивается, что крона его не редет и корни его не гниют. **Филология не просто любит и изучает слова, но и извлекает из них возможность для новой мысли и дела; расширяя языковой запас культуры, меняет ее генофонд, манеру мыслить и действовать.**

Приведу суждение профессора К.С. Горбачевича, главного редактора Большого академического словаря русского языка (в 30 т., 2004): «Надо полагать, что в будущем неизмеримо возрастет сознательное управление языком. Если уже сейчас пишут об экологии языка, то недалеке время, когда специальные комитеты дизайнеров-языковедов будут заниматься изобретением и внедрением новых слов и наименований, причем не только рациональных и экономических, но и удовлетворяющих вкусам новых поколений»⁴.

Заметим, что речь идет не о нормативной и запретительной функции нового учреждения, которое, по примеру Французской Академии, стало бы очищать язык от заимствований, регулировать его методом отбора и сокращения. Речь идет именно о творческих возможностях языка, о такой научно-изобретательской работе, которая вовлекала бы филологов, писателей, журналистов, преподавателей в процесс самосознания и самотворения языка. Сегодня нужны искусные дизайнеры языка, языковеды и языководы, способные производить анализ языковой ситуации и на его основе — синтезы новых слов и правил, новых моделей словосочетания и мыслепорождения. Лингвоинженер, знакодатель, строитель языка — тот, кто создает новые знаки и меняет навыки мышления в обществе, — едва ли не самая нужная, хотя еще и мало востребованная фигура в России XXI века.

III. Проективный словарь, его особенности и задачи

Проективный подход к языку может осуществляться на разных уровнях: лексика, фразеология, морфология, синтаксис. На лексическом уровне возможно спонтанное, «одноразовое» словотворчество, а возможно системное раскрытие словообразовательных и смыслопо-

*рождающих потенциалов языка. В этом случае акты словотворчества образуют свою собственную систему, выстраиваются в **проективный словарь**.*

Есть много разных типов словарей: толковые и энциклопедические, этимологические и орфографические, диалектные и индивидуальные, словари историзмов и неологизмов... Но все они описывают слова, которые уже были в употреблении, в той или иной степени вошли в язык. Особенность **проективного словаря** в том, что он описывает ранее неизвестные слова, которые **впервые** предлагаются для употребления. Традиционные словари, в том числе словари неологизмов, уже вошедших в употребление, отстают в своем описании языка от его реального состояния, тогда как проективный словарь носит опережающий характер. Если традиционный словарь подводит **итог** бытованию слова в языке, то в проективном словаре жизнь слова только **начинается**. Отсюда новое слово может перейти в тексты других авторов, стать фактом языка, а может остаться в словаре. Слова имеют свою судьбу...

Самый развернутый опыт проективного словаря в русской лексикографии — «Дар слова. Проективный лексикон русского языка» (около 2500 слов; еженедельно обновляется). Я выпускаю этот словарь уже более 10 лет с апреля 2000 г. в виде электронной рассылки, у которой около 6000 подписчиков. Это словарь лексических, грамматических и концептуальных возможностей русского языка; у него есть черты не только толкового, но и идеографического словаря. Слова даются словообразовательными и тематическими гнездами, с толкованиями и примерами употребления, с мотивировкой их введения в язык через анализ существующей лексической системы и ее пробелов.

На главной странице «Дара» можно найти содержание всех предыдущих 350 выпусков: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html>. На электронную рассылку «Дара слова» (еженедельную и бесплатную) можно подписаться по адресу: <http://subscribe.ru/catalog/linguistics.lexicon>

Основная тема «Дара слова» — искусство создания новых слов и понятий, современное состояние лексики и грамматики русского языка и пути их обновления, развитие корневой системы, расширение моделей словообразования. Читателю предлагаются слова и термины, которые могут войти во всеобщее употребление и стать знаками новых идей, научных теорий, художественных движений, стилей жизни и мышления... А могут и не войти. От самих читателей зависит, насколько **входчивыми** окажутся эти слова и насколько **сбыччивыми** те образы и идеи, которые они принесут с собой. Языку ничего нельзя навязать, но можно многое предложить — в надежде, что не все предложенное будет отвергнуто⁵.

Поскольку проективный словарь жанр исключительно редкий, будет нелишним подробнее прояснить его цели. У каждого пред-

лагаемого слова есть, по крайней мере, три задачи: (1) минимум, (2) медиум и (3) максимум.

1. Указать на некоторое насущное понятие или явление, еще лексически не обозначенное в языке. Это задача *аналитическая*: выявление лакун, смысловых пустот и попытка их заполнения.

Далее — двойная эстетическая, творческая задача:

2а. Предложить такое слово, которое могло бы восприниматься как самостоятельное произведение в жанре *однословия*: чтобы у слова была своя интрига, свой лексический и/или грамматический сюжет, смысловой поворот, выразительность, ловкость, неожиданный и вместе с тем обоснованный подбор составляющих элементов (морфем), и т.д. Важна и точность в определении значения, в частности, размежевание синонимов, а также убедительность, разнообразие, стилевая пластичность речевых примеров.

2б. *Речевой пример*, или *речение* — это тоже самостоятельный словесный жанр, причем наиважнейший, хотя и совершенно не изученный. Именно по речевым примерам, приводимым в школьных учебниках на то или иное правило, мы осваиваем письменный язык, его словопроизводительные и словосочетательные модели, которые потом откладываются в памяти на всю жизнь и регулируют нашу речевую деятельность.

Эта двойная задача — *эстетическая*: создать слово и речевые примеры, которые отвечали бы критериям самостоятельного произведения в данных минижанрах словесности.

3. Наконец, наивысшая и почти невозможная *коммуникативная* задача, точнее, надежда: создать такое слово, которое могло бы с пользой применяться другими говорящими и пишущими, а в конечном счете — войти в язык, вплоть до забвения авторства, растворения в реках народной речи.

Я надеюсь, что слова, входящие в этот словарь, выполняют первую задачу и хотя бы отчасти вторую. А третья надежда *почти* несбыточна, и остается лишь повторять за Ф. Тютчевым:

Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.

IV. Неология времени

Далее я приведу фрагмент *Проективного словаря русского языка, посвященный разработке понятия «время». В отличие от «Проективного словаря философии», здесь разрабатывается не специально философская терминология времени, но общезыковые возможности этого концепта и корня.*

Время — одно из самых универсальных понятий как повседневного, так и исторического опыта; как мифологического, так и

научного мировоззрения. Само чувство времени постоянно обновляется со временем — соответственно нужны и новые производные от этого древнего индоевропейского корня (праславянское *vyrtmen*, с первичным значением «*вращение*», от индоевроп. **uert*, того же, что и в глаголе «вертеть»). Особенно важна новая артикуляция времени в условиях невероятно ускоренного всемирного его протекания: в электронных сетях, в средствах массовой информации, в ритмах музыки и кинозрелищ, в техническом изобретательстве, в социально-политических процессах.

У российского общества сложились трудные отношения с историческим временем: то оно еле тащится, то мчится, закусив удила. То почти прекращает течение свое («застой»), то вдруг прорывает плотину — взрывообразно и жизнеопасно — устремляясь к очередной утопии. Однако репертуар «времени» в русском языке пока что очень ограничен и несоизмерим с фундаментальной ролью этого понятия в культуре. Редко употребляемые, узкие по значению существительные «временник», «временщик» и «временка»; всего два (!) глагола, тоже редких: «повременить» и «осовременить»... Страна, у которой отношения со временем складывались столь драматически: от революционного «времятрясения» до позднекоммунистического «безвременья» — имеет право на более изощренный язык времени, на проработку и рефлексию своего исторического опыта в лексической системе «**времясловий**».

Сначала обратимся к *В. Далю* и *В. Хлебникову*, самым одаренным и плодовитым российским словотворцам. Один — страстный собиратель слов, нередко втайне подкладывающий в сокровищницу народного языка монетки собственного скромного чекана. Другой — поэт, создающий слова-видения, слова-фантазмы и мало озабоченный тем, чтобы их растолковать, сделать разменной монетой народного смыслообращения.

У В. Даля корень «время» разработан сравнительно мало. Статья «ворон», к примеру, почти вдвое длиннее и обильнее производными. Из своеобразных слов, неоприходованных в академических словарях XX в., есть **времЕнчивый** (изменчивый, непостоянный, неровного нрава, причудливый), **временИтель** (мешкатель, медлитель, человек нерешительный), **времемЕр** (снаряд для измерения времени; часы солнечные, песочные, колесные).

Для Велимира Хлебникова тема времени — одна из самых волнующих, мирообразующих; его ранняя, малоизвестная брошюра называлась «Время — мера мира». У Хлебникова есть около 30 однословий — **лингвофантазий** на тему времени, из которых, на мой взгляд, самые удачные: **времяши** («времяши-камышы»), **времярь** («стая легких времирей»), **Времяня** («жрицей Времиной сжатые нивы»), **времянин** («Времянин я/ Временку настиг...»), **место-временной** («человек как местовременная точка»), **времяносец**, **времяпись**, **времяна**⁶.

Далее я приведу десять статей на тему «время», «хронос» из своего «Проективного словаря». Статьи строятся однотипно: новое слово — толкование его значения — примеры его употребления (речения). Все примеры даются курсивом и принадлежат автору-составителю, однако он так же далек от высказываний своих героев. Задача Словаря — представить как можно шире разнообразные контексты и ситуации возможного употребления данного слова, а не выразить те или иные взгляды.

1. **временИть, овременИть** (ср. *простираТЬ*) — подвергать действию времени, сделать нечто временным, вписать во время, в ход истории.
 - Многие деятели пытались **овременить** Россию по меркам Нового времени, втолкнуть ее в европейскую историю; но она упорно хотела только одного: **простираТЬся**. **Временить** такую державу — все равно что одной речушкой орошать равнину размером в океан.
 - Почему-то все попытки **овременить** религию, пустить ее вдогонку прогрессу, истории и т.д., заканчиваются массовым безверием.
 2. **временЕние** — волнение, пульсация времени, быстрое изменение его ритмов и скоростей. **Временение** — это временность в квадрате, поскольку само течение времени подвластно ходу времени, меняет свое направление и скорость. **«Временение»** используется как философский термин в русском переводе понятия «Zeitigung» из книги Мартина Хайдеггера «Бытие и время».
 - Когда читаешь Достоевского или Андрея Белого, чувствуешь не просто течение, а тик времени. *Время — это у Толстого, а у них — нервное **временение**, «вдруги» и судороги сбивчивых скоростей.*
 - Во времени меня волнует не его направление или исторический смысл, а само **временение**, лихость перемен.
 3. **временЕть, овременЕть** (непереходный глагол, ср. *каменеть, деревенеть*) — вращать во время, становиться частью времени, подвергаться действию времени.
 - Маяковский был поэтом грандиозного, космически-апокалиптического видения, но с приходом советской власти **овременел** и стал певцом ВЧК и Госплана.
 - Неужели ты так и застрял вместе с постмодернистами в этом дурацком «конце истории»? Ты посмотри, как все **временеет** вокруг: Китай, Россия, исламский мир. История только начинает свой новый цикл.
- временЕть** может употребляться и как безличный глагол (ср. *темнеть, светать, вечереть*), указывающий на время как действие или процесс, не имеющие субъекта.
- После краткой неистовой ночи вышли вдвоем на крыльцо. Светало. **Временело**. Пахло свежеснеженным снегом и неизбежностью разлуки.

4. **времязавИсимый**.
 - а) наркотически зависимый от хода времени, испытывающий постоянную потребность в хронометраже, в притоке свежайших новостей (time addicted).
 - У нас, журналистов, есть такая профессиональная болезнь — **времязависимость**. Сидим у времени на игле, и чуть кончится доза, подышаем от ломки.
 - б) функционально зависимый от хода времени, быстро устаревающий, требующий своевременного внимания, пересмотра, обновления («time sensitive»).
 - В этой папке хранятся **времязависимые** документы, их надо пересматривать и обновлять не реже, чем раз в месяц.
5. **времяупОрный** (ср. *водоупорный, огнеупорный*) — не поддающийся действию времени, противостоящий переменам, не подверженный износу, старению.
 - Надо же, какая **времяупорная** дамочка! Ей уже под восемьдесят, а она все еще молодится и кокетничает.
 - Мне подарили роскошные часы: водоупорные, жароупорные. К несчастью, они еще и **времяупорные** — хронически отстают.
6. **врЕмяпись** (ср. *живопись, светопись, звукопись*) — написанное временем, совокупность значимых следов и отпечатков времени.
 - Для нас что эти хрущевские бетонки, что архив самиздата. Один и тот же стиль. **Времяпись** шестидесятых.
 - Мандельштам в своей «Грифельной оде» читает **времяпись** горных пород, зримые оттиски времени в образе вздыбленной земли.
7. **хронофОбия, времябоЯзнь** — боязнь времени, стремление остановить его ход, отгородиться от современности; невротический страх уходящих дней и лет.
 - Где геронтократия, там и **хронофобия**. Эти старцы из Политбюро чего больше всего боялись? Не Америки, а времени. Тик-так, тик-так... Нормальная **времябоязнь** их возраста, усугубленная дряхлостью политического режима.
 - История народа, как и история личности, — это чередование маниакальных и депрессивных состояний. Вспомним, как из **времябесия** 1920 — 1940-х годов мы впали во **времябоязнь** 1960 — 1980-х, а потом развернулись в обратную сторону. Не только время олицетворяется маятником, но и наше отношение к нему.
8. **хронокрАтия** (chronocrasy), **времядержАвие, времяпрАвие** — диктатура времени как определяющий фактор общественной жизни; форма политического устройства общества, основанная на признании времени решающим фактором обновления структуры власти.

В условиях **хронократии** жизнь общества определяется регулярной и обязательной сменой всех его политических, экономических, научных, культурных тенденций, мод, методологий, руководящих кадров. В частности, **хронократия** предполагает без-

условную сменяемость всех органов власти в строго отмеренные сроки. **Хронократия** определяет действие рыночных механизмов, формируя идеологию «новое — лучшее» и мобилизуя покупательский спрос. Другой пример **хронократии** — обязательный уход на пенсию всех сотрудников, достигших определенного возраста. Не техника и не кадры, но время решает все.

- В определении американской политико-экономической системы не обойтись без понятия **хронократии**. Верховный правитель — время, а президенты, капиталы, корпорации — его слуги. Хронос старше и сильнее демоса и плутоса.

- **Великодержавная модель в XXI веке сменится *времендержавной***. Страны будут состязаться не друг с другом, а со временем.

9. **хроноцид** (χρονος время + лат. caedere убивать), **временубийство** — насилие над естественным ходом времени, над историей, развитием, эволюцией; разрушение связи времен, принесение одного времени в жертву другому.

Современная история превратила суффикс «-цид» (— cide, «убийство») в один из самых продуктивных способов словообразования. *Цареубийство, отцеубийство, братоубийство, геноцид, экоцид...* Обобщая богатый криминальный опыт XX века, напрашивается еще один неологизм: «**хроноцид**» — насилие над временем, истребление времени...

- *Есть три основных формы хроноцида: утопическая одержимость будущим («счастье грядущих поколений»), ностальгическая одержимость прошлым («Великая Традиция») и постмодерная завороченность настоящим («исчезновение времени в синхронической игре означающих»)*. Три основных модуса времени: будущее, прошедшее и настоящее — превращаются в три способа **временубийства**, как только один из них абсолютизируется за счет других.

10. **временвод** (ср. *верховод*) или **временводец** (ср. *полководец*) — тот, кто ведет за собой время, прокладывает пути, становится первым в какой-то области.

временводство — деятельность, направляющая ход времени, задающая смысл и цель временным процессам.

- *Хлебников назначил себя «председателем земного шара», но сам он не умел вести за собой массы. Он умел вести за собой слова, направлять их в будущее, он был **временводцем**.*

- *Вожжи ведут за собой миллионы людей. Но и вождей ведет за собой время. А кто ведет время? Кто сегодня эти тайные **временводы**?*

V. Воля корня

Покуда язык живет, его корни продолжают расти, вытягиваться новыми ветвями-производными. Основной закон творческой жизни корня: в существо корня заложена воля к прорастанию, к соеди-

нению со всеми возможными приставками и суффиксами и к наибольшему смысловому действию через наибольшее количество производных слов.

Не случайно в большинстве языков главная знаменательная часть слова называется именно «корнем» (английское root, немецкое Wurzel, французское racine). Это не просто растительная метафора, но отражение существенного сходства двух явлений. Грамматический корень, как и ботанический, несет в себя силу роста, **остволения-ословления** и разветвления в производных. По-настоящему корень живет не только в полном объеме своих производных, но и в возможности дальше выбрасывать из себя новые слова, — так что процесс словообразования может быть и дальше самостоятельно продолжен читателями. Пользуясь древесной топикой, которая присвоила название «корня» центральной морфеме слова, назовем «**кроной**» верхушку лексического древа, которая объемлет все разветвления данного корня.

Так и будем различать:

- **корень** слова;

- **ветви** слова — его производные;

- **крона** слова — **совокупность всех его производных, общая смысловая площадь данного корня, заселенная его отпрысками во всех поколениях.**

Самая пышная крона в русском языке у корня — **ста(й)** — : 370 производных, от «стан» до «состав», от «приставать» до «заставить». Вторая по величине крона — у корня — **да** — (— **даж** —), 280 ветвей: от «дар» до «продажа», от «предатель» до «удалой»...⁷. А вот у корня — **врем** — в нынешнем языке крона чахлая, всего 37 веточек». Видится, как в словаре динамичного, жизнелюбивого, временлюбивого общества поднимается новая широкошумная дуброва времени...

Словопорождающая мощь корня проявляется в освоенной им площади общественного сознания, в разнообразии тех идей, дисциплин, областей культуры, куда проникают его смыслоносные отростки.

Русский язык, как синтетический, обладает особым даром к словотворению. Как заметил П.М. Бицилли, «в русском языке от любых слов одной категории можно производить слова любой другой... Для того, что называется “духом” русского языка, характерна способность любого «корня» обрастать любыми приставками, суффиксами и окончаниями... У А. Белого есть глаголы “задетиться”, “зауютить”; есть “пронежнела глазами” и “звездея глазами”...»⁸.

Этот словотворческий потенциал языка должен раскрываться не только в поэзии, но и во всех стилях и сферах его бытия, включая общелитературный, гуманитарный, философский язык и разговорную речь. Если у корней данного языка нет воли к жизни, если уменьшается число производных и редет их крона, если творческий акт словопорождения заменяется заимствованием готовых

слов из других языков, — это тревожный знак угасания воли к жизни и в самом народе.

VI. Проективные подходы к языку: реализм — авангард — постмодерн

В заключение хотелось бы сопоставить «Дар слова. Проективный словарь», как тип знакопорождающей деятельности, с теми семиургическими проектами, которые в поле русского языка были осуществлены В. Далем и В. Хлебниковым. Вклад каждого из них в русское словотворчество исчисляется, по подсчетам исследователей, более чем десятью тысячами новообразований.

Каждый из этих проектов, при всей своей уникальности, вписан в культурную парадигму своего времени. **В. Даль** — лексикограф великой эпохи реализма, и его работа по собиранию слов мотивирована именно необходимостью представить язык в том виде, в каком он реально употребляется народом, а не отражается на бумаге: отрешиться от иностранных и книжных влияний и максимально приблизить письменную речь к устной. «С той поры, как составитель этого словаря себя помнит, его тревожила и смущала несообразность письменного языка нашего с устной речью простого русского человека... Язык народа, бесспорно, главнейший и неисчерпаемый родник или рудник наш, сокровищница нашего языка, который на письме далеко уклонился от того, чем бы ему следовало быть»⁹.

Даже когда Даль вносил в словарь слова собственного чекана, отчасти чтобы вытеснить заимствования, отчасти чтобы показать все возможные корневые связи слов и заполнить пробелы словообразования, — он старался выдать их за подслушанные, записанные с живого голоса, предполагая, что язык народа есть объективная данность, которая должна словарем отражаться. В «красной строке», т.е. в заглавии словарных статей, ни одного созданного Далем слова нет, поскольку всякая откровенная «отсебятина» воспринималась бы как нарушение того принципа научности, видимость которого он старался соблюсти, — хотя и не мог остаться лишь сторонним наблюдателем и удержаться от того, чтобы броситься самому в бурлящую стихию словотворчества. Отсюда и название: «Толковый словарь **живого** великорусского языка», в том же смысле, в каком «живая жизнь» составляет и предмет, и цель, и высшее оправдание искусства для таких разных современников В. Даля, как Н. Чернышевский и Л. Толстой. «Жизнь», «живое» — ключевое слово второй половины XIX в., эпохи реализма, натурализма, позитивизма, философии жизни...

Языкотворчество **В. Хлебникова** вписывается в умственный склад совсем другой, авангардистской эпохи. «Словарики» Хлебникова, все эти длинные экспериментальные перечни лексических новообразований, из которых только немногие попадали в его собственноручно поэтические и прозаические тексты, ставят целью именно

создание небывалого, «заумного» языка. Этот язык, как и «звездная азбука», мерцает далеко от повседневности и даже не рассчитан на вхождение в речь, он существует сам по себе, как окно в иное мироздание. Заумное противопоставлено живому. «Отделяясь от бытового языка, самовитое слово так же отличается от живого, как вращение земли кругом солнца отличается от бытового вращении солнца кругом земли. Самовитое слово отрешается от призраков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки»¹⁰. Подавляющее большинство хлебниковских новословий не только остались неупотребленными им самим, они вообще неупотребимы, они не вмещаются ни в какую речь, не служат никакому общению или сообщению. Языковая фантазия и эксперимент художника совершают программный отрыв от настоящего в сторону будущего.

«Дар слова. Проективный словарь русского языка» — это проект не реалистического и не авангардистского, а скорее постмодерного типа. Он исходит из того понимания знаковых систем, которое сложилось на рубеже XX — XXI вв. Между языковой действительностью и языковым творчеством нет твердо очерченных границ. Язык — это не какая-то самодостаточная реальность, которая поддается объективному словарному описанию. Те слова, которые входят в словари, сами были когда-то сконструированы, и их значения продолжают конструироваться в процессе их словарного описания и толкования. Поскольку нет самодовлеющей языковой реальности, то и языковое творчество не позиционируется в противостоянии этой реальности или в отрыве от нее, как полагалось авангардистскому проекту. На смену «самовитому» слову авангарда приходит «деловитое» слово, которое пытается внедриться в язык, доказать на деле свою причастность речевым практикам современности.

Слово, представляемое в Проективном словаре, не есть ни «живое» слово в далевском смысле, изошедшее из уст народа (или втайне, по-суфлерски подсказанное ему самим составителем), ни «заумное» слово в хлебниковском смысле, изошедшее из уст поэта-визионера. Это виртуальное слово — слово-гипотеза, слово-предположение, которое не скрывает своей сочиненности (как у Даля), но и не настаивает на своей самовитости (как у Хлебникова), а пытается проложить себе путь из словаря в речь. Посредством речевых примеров новое слово вводит себя в практику языка, в самые разные ее стилевые зоны, от просторечия и газеты до философии и научной фантастики. Поэтому в одном речевом примере «Проективного словаря» никогда не бывает более одного новообразованного слова, иначе создалось бы впечатление зауми, искусственного языка (к такому эффекту *остранения* стремились футуристы, создавая большие скопления новопридуманных слов, вроде «Немь лукает луком немным / В закричальности зари». — В. Хлебников, 1908).

7. Гиперязык

Особенность *гиперреальности*, которая создается сегодня в сетях массовых коммуникаций, в том, что она более реальна, жизнеподобна, чем «реальность» вне этих сетей. Точнее, она и представляет собой «подлинную» реальность, созданную более интенсивными методами визуальных, информационных интервенций, чем методы построения «естественной» реальности, которая складывалась стихийно тысячелетиями. Наряду с гиперреальностью визуальной создается и гиперреальность знаковая — **гиперязык**, о котором нельзя сказать, «реален» он или «ирреален». Реальна или ирреальна электронная сеть, реальны или ирреальны телевизионные зрелища?

Точно также **гиперязык**, создаваемый, в частности, Проективным словарем, ирреален и вместе с тем реален. Это не чистый эксперимент авангардного толка; напротив, это расширение существующего языка, раздвижение его гипотетического объема, подобно тому, как воздушный задник живописной панорамы составляет одно целое с предметами на переднем плане. Представьте себе, что по мере вхождения в панораму нарисованные очертания задника превращаются в объемные, трехмерные предметы. Таково предназначение гиперязыка — на протяжении многих лет и десятилетий входить в область «реального» употребления или, по крайней мере, употребимости, подобно тому, как научная гипотеза предназначена для проверки, соразмерной физическим или историческим масштабам самих предположений.

Испытание слова в языке — одно из самых долгих исторических испытаний, поскольку и язык меняется медленнее, чем другие знаковые системы: литература, наука, техника. Сошлемся на Алана Меткалфа, американского лингвиста, президента Диалектологического общества США, в ведомство которого входят также сленг, жаргоны, неологизмы. Алан Меткалф полагает, что испытательный срок для новых слов, определяющий долговременную перспективу их приживания или отвержения в языке, — 40 лет. «Даже если новое слово или фраза впечатляют своим успехом, опыт прошлого свидетельствует, что только жизнь двух поколений, или примерно 40 лет, являются достаточным сроком, чтобы судить, войдет ли слово в постоянный языковой запас»¹¹. Однако двузначная логика — войдет или не войдет — не самая надежная при оценке полезности и «живучести» слова, особенно если судить об этом по его наличию в общезыковых словарях. Слово «мерцает» на границах языка, может забываться и заново возрождаться, вступать в игру и уходить на скамью «запасных».

В будущем, очевидно, вообще не будет словарей как устойчивых, замкнутых компендиумов, рожденных эпохой бумажной печати. Виртуальный словарь будет автоматически составляться из суммы употребления всех слов в электронных сетях. Каждое новое слово

будет автоматически добавляться в алфавитный словарь и занимать свое место в общем частотном списке. Собственно, уже сейчас Гугл и другие поисковые системы интернета автоматически выполняют словарную функцию определения частотности каждого слова. При этом все труднее установить, какое слово считать существующим, а какое нет. Это как проблема определения «кучности» кучи. Десять камней — это уже куча камней или еще нет? Десять случаев употребления данного слова разными авторами — это уже наличие его в языке или еще нет?

Русский язык, каким мы его сейчас знаем и употребляем, это лишь частный случай того гиперязыка, или «виртуального» русского, который относится к русскому как потенциальное относится к актуальному. Гиперязык — это совокупность параллельных миров данного языка, пространство его лексических и концептуальных возможностей, которые не противопоставляются наличному языку, а продолжают и углубляют его, как объемная панорама, уходящая в будущее. Посредством проективного словаря гиперязык встраивается в «наличный» язык или, точнее, достраивает его до себя.

По мысли Вильгельма Гумбольдта, основоположника языкознания как самостоятельной дисциплины, «язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)... Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли»¹². Чем больше проективной деятельности в языке, чем больше создается проективных словарей, — тем больше язык становится тем, чем он может и призван быть: не только аккумулятором, но и **генератором** духовной энергии народа.

* * *

Буду признателен читателям за отзывы на идеи проективного словаря и проективного подхода к языку, а также на конкретные слова, с оценкой их применимости, указанием новых возможных значений, контекстов, примеров употребления.

М. Эпштейн
russmne@emory.edu или epstein05@mail.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века / Ред. Ф.П. Филин. — М.: Наука, 1981. — С. 159.

² Ср. соотношение сходных по корню слов «литургия» и «литургика» (раздел богословия, изучающий литургию).

³ Бельый А. Магия слов (1910) // Символизм как миропонимание. — М.: Республика, 1994. — С. 135, 137.

⁴ Горбачевич К. Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка). Русистика. — Берлин. 1990. № 2. — С. 80.

⁵ Первый опыт проективного словаря на русском языке реализован в отдельном книжном издании: Проективный философский словарь. Новые термины и понятия / Под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003. – 512 с. (в словаре 165 статей 11 авторов). Готовится новое, расширенное издание Словаря в издательстве «Гуманитарий»; его фрагменты публиковались в 11 выпусках журнала «Философские науки» за 2009 – 2010 гг. В 2011 г. будет продолжена публикация Словарных статей в ФН.

На английском языке имеются следующие опыты проективных словарей:

- *Gelett Burgess. Burgess Unabridged: A New Dictionary of Words You Have Always Needed, 1914.* Здесь собраны 100 слов американского писателя-юмориста и художника-иллюстратора (1866 – 1951), из которых два, «blurb» (краткая аннотация на обложке книги) и «bromide» (бромид, скучный, банальный человек), прочно вошли в английский язык.

- *In a Word. A Harper's Magazine Dictionary of Words That Don't Exist But Ought To /ed. by J. Hitt. – N. Y.: Laurel, 1992.* Сюда вошли слова, предложенные для введения в английский язык примерно 300 известными современными американскими писателями, учеными, журналистами, бизнесменами.

- *Popcorn Faith and Hanft Adam. Dictionary of the Future. The words, terms and trends that define the way we'll live, work and talk. – N. Y.: Hyperion, 2001.* Это футурологический словарь, в котором наряду с уже известными терминами авторы предлагают и свои термины для социальных, технических, культурных и пр. тенденций ближайшего будущего.

- *Wyse P. Wyse Words: A Dictionary for the Bewildered. Edinburgh, Chambers, 2009.* Словарь остроумных словесных выдумок с уклоном в юмор, эксцентрики и критику современных нравов.

Подчеркиваю, это не словари неологизмов, ранее уже использованных, – таких словарей насчитывается гораздо больше, – а именно проективные словари, которые впервые представляют новые слова, протологизмы, читающей публике.

⁶ *Перцова Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 40. – Wien; Moskau, 1995. – С. 425 – 426.

⁷ См. статистическую таблицу: Наиболее продуктивные корни русского языка // *Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф.* Словарь морфем русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – С. 1122.

⁸ *Бицилли П.М.* Избр. труды по филологии. – М.: Наследие, 1996. – С. 590.

⁹ *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. – М.: Олма-пресс, 2002. – С. 11, 32.

¹⁰ *Хлебников В.* Наша основа // *Хлебников В.* Творения. – М.: Советский писатель, 1986. – С. 624.

¹¹ *Metcalf A.* Predicting New Words: The Secrets of Their Success. – Boston; N. Y.: Houghton Mifflin Company, 2002. – P. 168.

¹² *Гумбольдт В. фон.* Избр. труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – С. 68, 70.

Аннотация

В этой статье язык рассматривается в перспективе своей творческой эволюции и утверждается проективный и трансформативный подход к лексике: семиургия, знакотворчество как новая ветвь семиотики, дисциплина создания новых знаков и введения их в семиосферу. Проективный словарь описывает ранее неизвестные слова, которые впервые предлагаются для употребления; это словарь лексических и концептуальных возможностей языка. Приводится фрагмент проективного словаря русского языка: новые слова и понятия со значением времени. Исследуются разные стратегии словотворчества: реалистическая (В. Даль), авангардная (В. Хлебников) и постмодерная (авторский проект М. Эпштейна «Дар слова»).

Ключевые слова:

язык, неологизмы, время, семиургия, словотворчество, постмодернизм, словарь, проективность, лингводизайн.

Summary

The article regards language from the viewpoint of creative evolution and offers a projective and transformative approach to vocabulary building. Semiurgy is a new branch of semiotics dealing with the creation of new signs and their introduction to the semiosphere. A projective dictionary introduces new words that have never been used before; it is the dictionary of lexical and conceptual possibilities of a language. A fragment from the projective dictionary of Russian language «A gift of a word» (*Dar slova*) illustrates this methodology, introducing neologisms with the meaning of time. The article further explores various strategies of word-creation: realistic (V. Dal'), avant-gardist (V. Khlebnikov) and postmodern (the author's project *Dar slova*).

Keywords:

language, neologisms, time, semiurgy, word creation, postmodernism, dictionary, projectivity, linguistic design.

В данной подборке новых материалов «Проективного философского словаря» предлагаются статьи, связанные с осмыслением состояний и процессов перехода.

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

Выпуск 11

НЕВЫРАЗИМОЕ (Inexpressible) – универсальный феномен сферы выражения, играющий конститутивную роль для сферы художественного опыта. Традиционно он объясняется интенциональным избытком, динамической неадекватностью образа и прообраза, рассогласованием между духовной полнотой и скудными возможностями ее материального воплощения. Однако подобная невольная субстантивация оппозиции внутри-снаружи все еще несет на себе печать одностороннего антропоцентризма. Здесь не может встретиться реальный опыт Невыразимого, опыт страдательный, принудительный, опыт духовной немоги, недостаточности, связанный не столько с конечностью материального знака, сколько с конечностью смысла перед лицом бесконечности бытийной задачи. Опыт Невыразимого – опыт негативный, он связан с двойной зависимостью, двойным «не могу»: не могу выразить и не могу не выразить.

Невыразимое возникает в рассогласовании, с одной стороны, выражения в целом, включающем, по Гуссерлю, и содержание, и его явленность в знаке, а, с другой стороны, тем, на что это выражение по необходимости отвечает. Смысл по необходимости носит респонзивный характер – это ответ на событие бытия, которым он практически спровоцирован. Любой художественный смысл – это попытка приватизации собственного существования, освоения собственного места в бытии, даруемого событием бытия, жажда подлинного. А поскольку подобная задача никогда не может быть снята с повестки дня, постольку Невыразимое – это бесконечный черновик самой моей бытийной конституции, которой принадлежит экзистирование по способу фактивности и конечности.

Графическим знаком Невыразимого, но данным лишь посредством выражения, является *зачеркнутое слово*.

1. Лехциер В.Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. – Самара: Самарский университет, 2007.

2. Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. – М.: Мысль, 1995.

*Выпуски 1 – 10 см.: Философские науки. 2009. № 9 – 12; 2010. № 2, 5 – 8, 11.

3. Синцов Е.В. Природа невыразимого в искусстве: к проблеме жестопластических оснований художественного мышления в визуальной орнаментике и музыке. – Казань: Фэн, 2003.

В.Л. Лехциер

ПОЭТИКА ЧЕРНОВИКА (Poetics of Draft) – это поэтика, основанная на перформативном воспроизведении логики черновика, на структурировании текста по *принципу черновика*, это такой способ письма, когда характерные черты текста черного становятся осознанным художественным приемом. К таким чертам относятся: *автокоммуникативность*; *вариативность* (сюжета, характера, эпизода, фразы и т.п.); *рефлексивность* в отношении собственной текущей процессуальности, *предварительность* и *проективность* (упражнение, набросочность); «*неразбериха*» (фр. черновик – brouillon, «неразбериха»), не оставляющая прямых указаний на последовательность фрагментов и требующая специальной расшифровки; *спонтанность* и *случайность* (не отредактированность с точки зрения господствующих конвенций). Реализованная в тексте, поэтика черновика конституирует его незаконченность (при внешней законченности), *неединственность*, открытость, отменяет не только фетиш конечного результата, но и саму идею *непреложности формы*. Формулой черногого письма может служить рефрен «Стоп! Сначала...» из текста-картотеки Льва Рубинштейна «Всюду жизнь», а его максимальной – «Все может быть иначе!»

Историческое господство чистовика над черновиком в письменной культуре Модерна вызвано текстологической практикой «установления канона», призванной обслуживать потребности массового книгоиздания и консервативность системы образования. В философии понятия черновика и чистовика преобразуются, выходя за рамки узко-текстологических и выступая в контексте старой проблемы соотношения *одного и многого*. Как чистовик, так и черновик имеют онтологические основания: воля к чистовику как единому и неизменному – это экзистенциальная воля к моей единственности, определенности и открываемому с моего места миру; однако черновик имеет *онтологическое преимущество*, поскольку место это никогда не может быть дано, как писал М. Бахтин, но вечно задано. Поэтому был прав один из представителей французской генетической критики Луи Э, говоря, что чистовик – это лишь один из способов интерпретации черновика.

1. Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930 – 1970 гг. – М.: Прогресс, 1978.

2. Виленкин В.Я. В сто первом зеркале (Анна Ахматова). – М.: Советский писатель, 1987.

3. Генетическая критика во Франции. Антология. – М.: ОГИ, 1999.

4. Лехциер В.Л. Апология черновика, или «Пролегомены ко всякой будущей» // Новое литературное обозрение. 2000. № 4.

5. Лихачев Д.С. Текстология. Краткий очерк. – М.; Л.: Наука, 1975.

В.Л. Лехциер

ТРИАЛОГ (Dialogue) – динамическая структура художественного опыта, актантами которой выступают художник, вещь и язык общения с вещью. Все три участника триалога возникают только в момент его свершения, в событии взаимной актуализации, в результате онтологического преобразования жизни и не существуют до него. Триалог есть развернутый в своих возможностях диалог, переживающий *здесь и сейчас* свою опосредованность «языком» (им может быть слово, звук, цвет, линия, материал в скульптуре и т.п.), и распространяющий диалогическую установку, описанную в классической философии диалога, на «средство», которое с этого момента перестает быть «средством» и становится полноценным субъектом художественного опыта. Инициатором триалога как *бытия-в-становлении* может быть любой ее участник, например, вещь, которая *вдруг* «бросается в глаза» своей инаковостью и выходит на сцену представления, чтобы заявить о своем *не-представимом*, о чем идет речь в теории остранения В. Шкловского и суждениях Ж.-Ф. Лиотара о современном искусстве. Или – язык, который *вдруг* начинает излучать креативную энергию, становясь очагом семиотической активности (феномен голоса Музы). Художник – вещь и язык запускают триалог, ставя друг друга под вопрос, интерпретируя, провоцируя, подвергаясь взаимному влиянию, направленному на *постановку непредставимого*.

Художественное переживание, развивающееся триалогично – своего рода *опыт коллективного спасения*. Спасение приходит через поглощение триалогом, как бермудским треугольником, всего рутинного, клишированного, предусмотренного и, наоборот, как в любовном треугольнике, высвобождаются скрытые интенсивности, номадические смещения, столкновения различий и повторов, апофатические целостности.

1. Лехциер В.Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. – Самара: Самарский университет, 2007.
2. Лехциер В.Л. Введение в феноменологию художественного опыта. – Самара: Самарский университет, 2000.
3. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ad Marginem'93. – М.: Ad Marginem, 1994.
4. Мерло-Понти М. Око и дух. – М.: Искусство, 1992.
5. Рымарь Н.Т. Поэтика романа. – Куйбышев: Саратовский университет, 1990.

В.Л. Лехциер

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ АЛЬГОДИЦЯ (Existential Algodicy) – это оправдание боли как онтологической возможности нашей жизни. Альгодиция, по словам П. Слотердайка, пришла в эпоху Модерна на смену теодицее. Однако сегодня положительный смысл боли сохраняет свою легитимность только на путях *экзистенциальной аналитики*. Теология, метафизика, политика и даже медицина потеряли кредит доверия на оправдание боли. Как экзистенциальная возможность боль: 1) принудительно переводит существование в бытие-под-вопросом,

устраняя методизм и произвольность из фундаментального вопрошания; 2) актуализирует абстрактное знание о том, что «все смертны», делая возможной экзистенциальную перемену (рассказ Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»); отключает субъективность, возвращая к состоянию чистой неразличимости (крайний случай – болевой шок); наоборот, предоставляет возможность для опыта радикальной индивидуации; отчуждает от самости, обнаруживая *силы чужого* и, наоборот, в само-чувствии открывает мне мое же существование, *не переносимое* на другого.

В противовес фигуре медикализованного пациента *экзистенциальный пациент* рассматривает боль как определенную способность быть.

Парадигмальное для медицины и гуманитаристики различие между болью *острой* и *хронической* маркирует дифференциацию между возможностью индивидуации и сообщества, этикой патернализма либо матернализма (заботы), ситуацией модерна и постмодерна.

1. Лехциер В.Л. Боль и переходность: набросок экзистенциальной альгодиции // Вопросы философии. 2007. № 12.
2. Лехциер В.Л. Семиозис болезни: дихотомия культурологизма и персонализма // Вестник Самарской Гуманитарной Академии. 2009. № 2 (6).
3. Слотердайт П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2001. – С. 498 – 506.
4. Morris D.B. The Culture of Pain. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1993.
5. Pain as Human Experience: An Anthropological Perspective. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1994.

В.Л. Лехциер

MEMORIA

**К 90-летнему юбилею
Владислава Жановича Келле**

21 октября 2010 года Владиславу Жановичу исполнилось бы 90 лет.

В этот день в Зале заседаний Ученого Совета

Института философии РАН прошла научная конференция, посвященная памяти В.Ж. Келле. С докладами, воспоминаниями о нем выступили его коллеги, ученики, ведущие ученые страны.

Состоялась презентация коллективной монографии «Человек в интеллектуальном и духовном пространствах» (М.: Прогресс-Традиция, 2010).

К 90-летию выдающегося отечественного ученого редакция ФН начала готовиться задолго до памятной даты.

Предлагаем вниманию читателей интервью, взятое М.С. Киселевой у В.Ж. Келле специально для нашего журнала накануне праздника Победы, а также воспоминания В.Н. Шевченко, написанные им по материалам из личных архивов, и статью ученика В.Ж. Келле, ныне профессора Китайского Народного университета, Ань Циняня. Воспоминания В.Н. Шевченко и статья Ань Циняня возвращают нас к тем годам и к тем событиям, которые, став историей, продолжают оставаться тесно вплетенными в ткань нашей сегодняшней деятельности, — научно-практической, теоретико-методологической, социально-политической.

В.Ж. КЕЛЛЕ И ТРИ ДИСКУССИИ 70-Х ГОДОВ XX ВЕКА

По поводу книги «Принцип историзма в познании социальных явлений»

В.Н. ШЕВЧЕНКО

В 70-е годы мне довелось присутствовать на трех дискуссиях, в центре внимания которых оказались работы Владислава Жановича Келле.

2-е издание учебника В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзона «Исторический материализм» вышло в 1969 г. Новая их книга «Теория и история» вышла в 1981 г. Между этими двумя цифрами — 1969 и 1981 — лежит особая эпоха в творчестве В.Ж. Келле.

Эти 10 – 12 лет оказались поистине судьбоносными для нашей страны. После чехословацких событий 1968 г. разворачивается «зачистка» отечественной гуманитарной науки от творчески мыслящих людей. Она коснулась, в первую очередь, философии, истории и социологии. С этих лет начинается, по моему убеждению, застой в идейно-научной жизни советского общества, который и приведет страну в конце 80-х годов к трагическим последствиям.

В центре внимания дискуссий в историческом материализме в 60 – 70-е гг. была теория формаций. Я имею в виду, прежде всего, попытки ученых на основе творческого прочтения трудов К. Маркса, в первую очередь, «Капитала», публикации новых переводов, а также его рукописного наследия, переосмыслить известную формационную «пятичленку», сконструированную Сталиным, теоретически разобраться в вопросе о неуниверсальности европейского пути общественного развития, вновь актуализировать «азиатский способ производства», запрещенный к упоминанию Сталиным в начале 30-х гг.

В 1972 г. в Институте философии вышла книга «Принцип историзма в познании социальных явлений», в которой были затронуты все эти вопросы и авторами которой были Ю.М. Бородай, В.Ж. Келле и Е.Г. Плимак. А в 1974 году в Политиздате в недавно открытой (и вскоре закрытой) серии «Актуальные проблемы исторического материализма» эти же авторы опубликовали книгу «Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации», в которую в переработанном виде вошли отдельные разделы первой книги. По сравнению с другими авторами перу В.Ж. Келле в этих книгах принадлежит не так уж много. Но дело здесь не в количестве страниц. В.Ж. Келле был идейным лидером в этом творческом коллективе.

В первый раз я присутствовал на обсуждении книги «Принцип историзма в познании социальных явлений», которое состоялось в Институте философии в середине февраля 1973 г. Материалы обсуждения остались неопубликованными. Записи дискуссии вел я сам.

Открыл обсуждение и ныне здравствующий С.Ф. Одуев, который после смерти П.В. Копнина в 1971 – 1973 годах исполнял обязанности директора Института, но фактическую обстановку в Институте создавал тогда Б.С. Украинцев, который вскоре после этого был назначен директором Института и оставался на этом посту 10 лет. С.Ф. Одуев предложил обсудить одну из последних книг, которая была издана под грифом Института и вызвала большой интерес, обменяться мнениями, чему в те времена не уделялось должного внимания.

Первым выступил В.Ж. Келле. Он говорил о том, что в книге была сделана попытка поставить новые вопросы теории, что принцип историзма нашел свое наиболее полное воплощение в теории

революционного преобразования действительности, а его основу составляет понятие общественно-экономической формации.

Затем началось обсуждение, на котором выступило 16 человек. Главный итог обсуждения сформулировал Б.С. Украинцев: «Авторы поторопились с выпуском книги». Украинцев подверг Келле довольно резкой критике по частным вопросам. К примеру, он упрекнул авторов в том, что работа носит по преимуществу текстологический характер, что в ней не подчеркнуто различие между социальным и экономическим детерминизмом и т.д. Несмотря на то, что разделы Е.Г. Плимака и Ю.М. Бородая также не были одобрены руководством института, главный удар предназначался, конечно же, В.Ж. Келле, который достойно парировал все нападки. Ход обсуждения не позволил, как того добивался Украинцев, сделать вывод, о том, что в книге наметился явный отход от марксизма. Только отдельные участники дискуссии — Б.Ф. Поршнев, В.П. Илющечкин, — достаточно резко критиковали книгу.

Поиски аргументов для «нужного» вывода об искажении В.Ж. Келле марксизма продолжались.

До сих пор остаются неизвестными для широкого читателя материалы двух заседаний, происходивших в 1973 и в 1975 гг. в помещении Академии общественных наук при ЦК КПСС. На них Келле и ряд других известных ученых были подвергнуты критике за «отступления» от незыблемых формационных основ исторического материализма. Материалы этих конференций были изданы небольшими тиражами для служебного пользования.

В центр обсуждения на конференции, проходившей 4 — 5 мая 1973 г., были поставлены актуальные вопросы марксистско-ленинской теории формаций. Каждый из этих вопросов, как правило, был связан с той или иной ошибочной его трактовкой, появившейся в литературе последних лет. Конкретно имелись в виду появившиеся в журнале «Вопросы философии» «неверные» публикации по поводу гносеологической природы понятия формации, работы историков, изображавших экономику дореволюционной России многоукладной и пытавшихся по-новому решить вопрос о соотношении уклада и формации, а также коллективный труд «Историческая наука и некоторые вопросы современности». В нем усматривалась тенденция принижения закона социальной революции, попытка ограничить его во времени даже по отношению к капитализму, поскольку в работе сделан чрезвычайно большой упор на реформы (см.: *Глезерман Г.Е.* Вступительное слово // Актуальные проблемы марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях (4 — 5 мая 1973 г.). — М., 1975. — С. 1 — 6). По мнению Г.Е. Глезермана, «встает вопрос о механизме экономической детерминации в различных формациях, который, в частности, ставится в недавно вышедшей книге “Принцип историзма в познании социальных явлений”, видимо,

заслуживающей особого обсуждения». В ходе дискуссии выступил В.Ж. Келле. Он убедительно показал значимость разработки наследия К. Маркса для решения современных проблем теории общественных формаций, неразработанность проблематики докапиталистических формаций.

Следует признать, что полемика на конференции (выступило более 20 человек) шла вокруг действительно дискуссионных проблем теории формаций, но цель — дать негативную оценку конкретным публикациям и книгам, осталась не достигнутой.

Особо следует сказать о характере критики в третьей дискуссии. В центре внимания заседания Объединенного научного совета ИМЛ, АОН и ВПШ, состоявшегося в ноябре 1975 г., оказалась книга трех авторов — Ю.М. Бородая, В.Ж. Келле и Е.Г. Плимака «Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации», вышедшая в 1974 г. В нее, как я уже говорил выше, были включены отдельные разделы книги «Принцип историзма в познании социальных явлений». Во вступительном слове М.Т. Иовчук особо подчеркнул: «Насколько удачна их попытка — следовало бы сказать нам на сегодняшнем обсуждении, хотя неправомерно было бы сводить к рассмотрению этой книги требующийся ныне анализ нашей литературы и научной деятельности по проблеме теории общественно-экономической формации» (Проблема общественно-экономической формации в свете марксистско-ленинского учения (18 — 19 ноября 1975 г.). — М., 1976. — С. 11).

В ходе дискуссии В.Ж. Келле подчеркнул то главное, что было сделано в книге. На основе анализа трудов Маркса авторы показали, что Маркс делил эксплуататорское общество на две крупные формы: все докапиталистические антагонистические формы общества в целом и капитализм. Вместе с тем Маркс поставил вопрос о внутренней типологии указанных основных социально-экономических форм. Внутри докапиталистического общества он выделял азиатскую, античную и феодальную формы.

Предложенная типология докапиталистических антагонистических обществ стала предметом жесткой и в целом несправедливой критики в ходе дискуссии, поскольку эта типология, по мнению большинства выступавших, противоречила концепции Ф. Энгельса о трех формах порабощения труда — рабстве, крепостничестве и наемном труде.

«Официальным обвинителем» на конференции выступил Г.Е. Глезерман. После многочисленных критических замечаний поучающего характера, он сказал следующее: «Книга трех авторов не представляет собой, на мой взгляд, какого-то большого общественного явления, так как обходит многие серьезные, имеющие общественное значение, вопросы... Книга представляет определенный интерес в плане изучения рукописного наследия Марк-

са... Уничтожающей, целиком отрицательной оценки, к которой склонны некоторые товарищи, она, на мой взгляд, не заслуживает. Я не вижу оснований обвинять авторов книги в какой-то порочной общей концепции. Но книга написана неровно» (С. 25).

Оценка книги, данная одним из участников дискуссии Х.Н. Момджяном, носила уничтожающий характер: «Подводя итог сказанному, мы... должны констатировать серьезные идеологические ошибки, которые содержатся в работе Ю.М. Бородая, Е.Г. Плимака и В.Ж. Келле... Авторы рассматриваемой книги... в несколько смягченной и завуалированной форме воспроизводят ряд положений, которые, мягко выражаясь, несовместимы с материалистическим пониманием истории. Никакими примирительными оценками нельзя скрыть тот вред, который способны нанести нашей идеологической работе серьезные ошибки, которые содержатся в книге трех авторов» (С. 169). В своем выступлении Х.Н. Момджян договорился до того, что наградил В.Ж. Келле ярлыком отступника от марксизма.

Отдел исторического материализма был подвергнут реорганизации в конце 1975 г. К концу 70-х годов партийным идеологам удалось закрыть тему формационной периодизации исторического процесса и тему азиатского способа производства особенно после публикации конъюнктурной, идеологически выдержанной книги В.П. Никифорова «Восток и всемирная история».

В 1981 году в Политиздате вышла книга «Теория и история» В.Ж. Келле и М.Я. Ковальсона. Она подвела итог в том числе и его драматическим исканиям в те далекие 70-е годы. Нельзя сказать, судя по содержанию этой книги, что В.Ж. Келле отказался от своих взглядов. Будучи «переведенным» на работу в Институт истории естествознания и техники, он все больше стал переключаться на культуроведческую и науковедческую проблематику. Дискуссии 70-х годов показали, что теоретическое наследие К. Маркса сохранило и сегодня содержит огромный теоретический потенциал. Кульминацией напряженных поисков в рамках творческого марксизма и стали в те годы работы В.Ж. Келле и его ближайших друзей и единомышленников.

МОЕ ПОНИМАНИЕ КЕЛЛЕ*

АНЬ ЦИНЯНЬ**

Профессор Владислав Жанович Келле был одним из тех советских специалистов, которые после образования нового Китая помогали социалистическому строительству в нашей стране. Прибыв в Китай в начале 1952 г., Келле стал читать лекции и вести занятия по диалектическому и историческому материализму в Китайском Народном университете. В июле 1954 г. он вернулся на Родину. В то время Китайский Народный университет занимал особое место в Китае. Он был открыт в октябре 1950 г., предшественником же его был Институт, созданный в 1937 г. в базе Коммунистической партии Китая в городе Яньане, — ее первое высшее учебное заведение.

Преподавателями и студентами Китайского Народного университета в основном были те, кто участвовал в революционном движении еще до взятия коммунистами власти, те, кто верил в марксизм. После образования в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики Компартия Китая стала считать своей важной задачей использование господствующего положения марксизма в сфере идеологии для преобразования существующих университетов. На Китайский Народный университет легла большая ответственность за распространение во всем Китае марксистской теории — он стал Центром ее преподавания в стране, он воспитал первых китайских преподавателей в этой области.

Назову лишь несколько имен: Сяо Цянь, самый знаменитый философ-марксист нового Китая, профессор Китайского Народного университета, долгие годы был председателем Китайского общества

* Статья написана при поддержке Фонда фундаментальных исследований для центральных университетов и Исследовательских фондов Китайского Народного университета (supported by the Fundamental Research Funds for the Central Universities, and the Research Funds of Renmin University of China).

** Профессор Ань Цинянь является известным китайским философом, специалистом в области марксистской философии, советской и русской философии. Ему принадлежит большое количество публикаций, посвященных данной проблематике, в том числе несколько серьезных монографических исследований. Его статьи публиковались в российских журналах «Вопросы философии», «Свободная мысль», «Век глобализации» и др. Ань Цинянь — председатель Китайского общества изучения русской философии, организатор в Китае конференций и симпозиумов, посвященных истории советской и русской философии. Член международных редакционных советов журналов: «Вопросы философии», «Свободная мысль». В течение многих лет поддерживал научные контакты с профессором В.Ж. Келле.

диалектического материализма; Хуан Наншэн, профессор и декан философского факультета Пекинского университета, в течение долгого времени возглавлял Китайское общество истории развития марксистской философии и Китайское общество человека; Гао Цинхай, самый оригинальный китайский философ-марксист, много лет был деканом философского факультета крупнейшего на Северо-Востоке Китая Цзилиньского университета и его проректором. Все они были учениками Келле.

Через два года после завершения Келле своей работы в Китае, а именно в 1956 г., на основе созданной при его активном участии кафедры диалектического и исторического материализма в Китайском Народном университете был открыт философский факультет. В то время на нем была всего лишь одна специальность — марксистская философия. Руководителями и преподавателями факультета были либо коллеги Келле, либо его ученики.

Профессора Келле по праву можно назвать настоящим отцом философского факультета Китайского Народного университета. Выпускники этого факультета стали костяком преподавательского состава марксистской философии во всем Китае, многие из них возглавили философские факультеты на местах. В 80-х годах прошлого столетия в Китае было почти тридцать философских факультетов, деканами двадцати шести являлись выпускники философского факультета Китайского Народного университета. По-существу, профессор Келле является основателем преподавания марксистской философии в системе китайского высшего образования. Вплоть до настоящего времени почти все китайские философы, занимающиеся преподаванием и изучением марксистской философии, являются учениками или учениками учеников Келле. Профессор Келле выступает связующим звеном между советской философией, а также всей марксистской философией и старым Китаем.

Чтобы оценить работу Келле в Китае, необходимо посмотреть на нее в более широком историческом контексте. Та марксистская философия, которую он пропагандировал в Китае, — это, по сути, был созданный советскими философами в 30-х годах прошлого столетия диалектический и исторический материализм, в его основе лежали идеи Маркса и Энгельса. Эта философия делала упор на объективности материального мира, а также на закономерностях движения материального мира и их познаваемости. Такой подход в концентрированном виде рельефно отражал роль научной рациональности французского материализма XVIII в. не было бы ни исторического движения Просвещения во Франции, ни Великой французской революции, ни стремительного развития в то время в Европе естественных наук, ни промышленной революции.

Распространение научной рациональности является неотъемлемой частью осуществления модернизации в любой стране. Когда Мао Цзэдун говорил о том, что «залпы Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм», он имел в виду марксистскую философию — диалектический и исторический материализм. Усвоение идей научной рациональности началось в Китае после Синьхайской революции 1911 г. и свержения последней феодальной династии — Цинской. Это усвоение проходило, главным образом, в форме пропаганды Ху Ши и другими вернувшимися из Америки китайскими студентами прагматизма. Ряд возвратившихся из Японии студентов стал пропагандировать диалектический и исторический материализм. В 30-х годах XX столетия Мао Цзэдун стал говорить о важности диалектического и исторического материализма, организовал его изучение. Однако по причине следовавших друг за другом вооруженных конфликтов, несмотря на принимавшиеся меры, пропаганда научной рациональности затронула лишь небольшую часть интеллигенции и кадры Компартии Китая. Его влияние было небольшим, что же касается всего Китая, то господствующее положение в идеологии занимала китайская традиционная культура с сильным феодальным оттенком.

После 1949 г. Компартия Китая развернула во всей стране широкомасштабное движение по пропаганде и изучению марксизма. Все кадровые работники и интеллигенты должны были изучать марксизм, все студенты и даже учащиеся средней школы должны были посещать уроки диалектического и исторического материализма, подобно тому, как это было в Советском Союзе. В 1958 г., когда Мао Цзэдун обратился с призывом к рабочим и крестьянам всей страны «изучать философию, применять философию», диалектический и исторический материализм вошли в повседневную жизнь народных масс. Научная рациональность заняла свое место в сознании китайского народа, особенно среди интеллигенции. Это было своего рода движение просвещения одного миллиарда трехсот миллионов китайцев, которое выполнило задачу, не выполненную Синьхайской революцией 1911 г. Это было великое дело в истории китайской нации, сыгравшее огромную роль в развитии идеологии, культуры, науки и техники, а потому и в развитии китайской экономики и всего китайского общества. Вплоть до сегодняшнего дня диалектический и исторический материализм по-прежнему являются обязательными предметами в вузах и школах во всем Китае. Это по-прежнему — главный путь усвоения китайской нацией научной рациональности.

Если бы после 1949 г. в Китае не было влияния советской философии, марксистская философия не могла бы глубоко войти в сердца китайцев, не могло бы быть достижений в экономике, полученных благодаря развитию науки и техники, политики реформ и открытости, не было бы вообще модернизации Китая. Келле был одним из основателей широкомасштабной системы преподавания

в Китае марксистской философии. Его деятельность в этом отношении имела очень важное значение.

Во время социалистической революции и социалистического строительства китайский народ большую помощь от советского народа. Келле и другие советские специалисты по философии оказали помощь китайской интеллигенции в изучении марксистской философии, это конкретный пример сотрудничества Китая и Советского Союза. В чем состоит сущность этого сотрудничества?

С марксистской точки зрения Китай и Россия являются великими нациями, они имеют во многом общий социальный опыт. Россия принадлежит к числу государств, где модернизация началась позже других. В начале XVIII в. Петр Великий железной рукой повел Россию по пути модернизации — учиться у Запада как развивать науку, технику и промышленное производство. В середине XIX в., когда Россия ускорила свое развитие по пути техногенной цивилизации, по пути западного капитализма, капиталистические государства Запада вступают в глубокий кризис. Широкие массы рабочих живут в нечеловеческих условиях нищеты, отсталости, невежества, классовые эксплуатация, угнетение и вызванные ими классовые противоречия и конфликты становились все более серьезными, а цена классовых конфликтов и социальных революций становилась все более высокой. Эмигрировавший на Запад Герцен очень рано осознал, что Россия не должна идти по пути Запада. К аналогичному выводу пришел в 1862 г. путешествуя по Европе Достоевский. Идеи Герцена стали главной идейной основой русского народничества, идеи Достоевского, благодаря его литературным произведениям, широко распространялись и оказали огромное влияние на интеллигенцию России. Отрицание капитализма, поиск пути, непохожего на западный капитализм, становится основным устремлением русской общественной мысли — от народников до большевиков.

Отрицание передовой интеллигенцией России капиталистического пути развития страны сильно повлияло на Китай. Мао Цзэдун в 1920 г. говорил о том, что хотя идеалы и важны, но еще важнее реальность. Сколько времени потребуется для того, чтобы добиться построения коммунизма? Предположим, сто лет. И как должен поступить в течение этих ста лет живущий в тяжелых условиях пролетариат (фактически мы сами)? Численность пролетариата намного больше численности буржуазии. Если предположить, что пролетарии составляют 2/3 населения земного шара, то из полутора миллиардов его населения пролетариев — один миллиард (возможно и больше). Как же мы можем позволить, чтобы в течение этих ста лет капиталисты, составляющие всего лишь одну треть населения человечества, эксплуатировали их? При этом пролетариат в настоящее время уже осознал, что он сам должен обладать собственностью, иначе ему всегда придется терпеть лишения. Осознание этого породило у пролетариев понимание того, что необходимо действовать. Поэтому естественно

внимание китайского народа к русской революции. Неудивительно, что во всех странах радикалов и коммунистов становится все больше, а их организация — все более совершенной. По-существу, в словах Мао Цзэдуна чувствовалось одобрение Ленина и большевистской революции. Руководимая им китайская революция была осуществлением на практике ленинизма в Китае. Как и русские марксисты того времени, он старался идти по пути, непохожему на капиталистический путь развития, стремился избежать бедствий, приносимых им трудовому народу. Отказ от капитализма и борьба с ним были общим делом, общим социальным экспериментом Компартии Советского Союза и Компартии Китая.

После того, как в 1949 г. Компартия Китая взяла власть в свои руки, Советский Союз оказал Китаю огромную помощь, включая помощь китайским коммунистам по изучению и пропаганде марксистской теории. Эта помощь была всего лишь одной из составных частей проводимого совместно великого социального эксперимента, но часть эта была очень важна, и именно поэтому В.Ж. Келле является символом взаимного сотрудничества Китая и России в совместном социальном эксперименте.

Сегодняшняя Россия и сегодняшний Китай по-прежнему сталкиваются с общими историческими задачами и поэтому необходимо укреплять сотрудничество между ними.

Многие считают, что социальный эксперимент по отказу от капитализма и поиску пути к социализму, в котором участвовали оба государства, потерпел поражение. Главный вдохновитель и руководитель эксперимента Советский Союз распался, а ориентация на социализм уже отброшена; Китай хотя и высоко несет знамя социализма, но чем дальше, тем больше идет по пути рыночной экономики, а значит по пути капитализма.

Такое утверждение я считаю неправильным: его авторы не видят того, что капитализм и представляющая его техногенная цивилизация сегодня подошли к своему историческому концу, а изучение некапиталистических путей развития и форм общественной организации уже стало насущной задачей, стоящей перед человечеством. Как раз в этих вопросах сотрудничество между Россией и Китаем, совместное изучение путей дальнейшего развития и помощь в этом направлении в лице В.Ж. Келле, приобретают новое, еще более важное значение.

Чтобы найти выход из кризисов, угрожающих существованию человечества, прежде всего необходимо уяснить причины, их порождающие. С одной стороны, причиной кризисов является безграничное развитие человечеством производства в целях подчинения себе природы, а подобное развитие производства связано с ростом материальных потребностей человека. С другой стороны, в процессе глобализации неизбежно возникают конфликты интересов различных государств, которые могут привести к при-

менению оружия массового уничтожения. Очевидно, что для того, чтобы выйти из кризисов, необходимо в принципе приостановить рост материальных потребностей человека, искать методы, которые смогли бы предотвратить конфликты, возникающие из различия интересов людей и гармонизировать их отношения. Одновременно необходимо добиваться удовлетворения разумных материальных потребностей человека. Только тогда можно будет говорить о какой-либо духовной жизни и нравственности. Однако материальное производство, охрана окружающей среды и разрешение кризиса ресурсов невозможны без развития науки и техники. Как раз здесь необходимо новое сотрудничество между философами России и Китая, так как для разрешения кризиса, угрожающего существованию человечества необходимо соединение марксистской философии с русской религиозной философией, а также китайской традиционной философией. Эта задача может быть выполнена только общими усилиями философов обеих стран.

В современном мире марксистская философия является единственной философией, обладающей цельным мировоззрением, которое базируется на научной рациональности, она предоставляет твердую основу для развития науки, техники и материального производства. В то же время марксистская философия считает, что развитие истории подчиняется закономерностям, что все зло, существующее в жизни общества, связано с недостаточным уровнем развития производительных сил и частной собственностью на средства производства. Первое приводит к борьбе людей за средства к жизни, второе — к эксплуатации и угнетению человека. Частная собственность на средства производства есть продукт определенного исторического этапа развития производительных сил. Только в результате дальнейшего развития производительных сил и вызванной этим развитием классовой борьбы пролетариата можно уничтожить частную собственность, т.е. только с помощью развития материальных производительных сил возможно уничтожение капитализма и обретение свободы. В истории только русская религиозная идеалистическая философия осуществила глубокую и систематическую критику марксизма, философии позитивизма и других материалистических учений, всей техногенной цивилизации. Она не отрицает важности науки, техники и материального производства, однако считает, что зло, существующее в реальной жизни, коренится в глубинах человеческой души, что развитие науки, техники и материальных производительных сил — все это внешние факторы. Тем более не следует говорить о классовой борьбе и насильственных революциях: они логически не связаны с освобождением человека. Только с помощью религиозной веры, улучшения морали человека, преобразования его души можно добиться превращения человека в «святого», и он сможет избавиться от находящегося внутри его сердца зла и вступить в царство свободы.

Китайская традиционная философия, представленная Конфуцием, сегодня также показала свое позитивное значение. Самая главная особенность учения Конфуция состоит в том, чтобы на основе признания неравенства людей добиваться осуществления социальной гармонии. Согласно Конфуцию, раз существует человеческое общество, то существуют и различия между отцами и детьми, мудростью высших и невежеством низших, правителем и подданными и т.д. В его учении нет, как на Западе, понятия равенства людей от рождения, основывающегося на духе христианства. Поэтому все усилия Конфуция были направлены на изучение того, как на основе признания различий между людьми добиться между ними гармоничных отношений, т.е. установить и распространить тот «ритуал», о котором он говорил. Чтобы соблюдать «ритуал», каждый человек должен ограничивать свои желания. Конфуций считал, что если люди «ограничат себя и восстановят ритуал», то «в Поднебесную вернется человеколюбие», т.е. воцарится социальная гармония. Великий историк XX столетия А. Тойнби считал, что опыт Китая в поддержании в течение нескольких тысячелетий в основном социальной стабильности является важным вкладом китайской культуры в мировую цивилизацию. Опыт, о котором говорил Тойнби, как раз и основан на учении Конфуция.

Реальная жизнь говорит нам, что хотя в современном мире существует множество философских теорий, однако ни одна из них не может самостоятельно предоставить нам пути разрешения кризиса существования человечества. Этот путь лежит в соединении марксистской философии, русской религиозной философии и китайской традиционной философии. Марксистская философия делает упор на важности материальной жизни и путем распространения научной рациональности теоретически поддерживает развитие и применение науки и техники. Позитивное значение марксистской философии не может быть поставлено под сомнение. Однако появление кризиса существования человечества показывает, что нашими наиглавнейшими задачами являются преодоление непрерывно увеличивающихся у людей материальных потребностей и повышение уровня морали, в противном случае невозможно будет справиться с кризисом. И здесь как раз и состоит реальное значение русской религиозной философии. Как бы ни повышался уровень морали, все равно могут существовать конфликты интересов людей. Для рационального урегулирования отношений между людьми невозможно обойтись без учения Конфуция. И только в соединении этих трех учений — марксистской философии, русской религиозной философии и конфуцианской философии мы действительно сможем найти путь выхода из кризиса. Однако, чтобы ответить на вопрос о том, как соединить эти три учения, требуются совместные размышления российских и китайских философов.

БЫТИЕ И ВРЕМЯ ПРОФЕССОРА В.Ж. КЕЛЛЕ

М.С. КИСЕЛЕВА

Судьба распорядилась так, что вместо приветствий и поздравлений Владиславу Жановичу Келле к его 90-летнему юбилею, мы говорим слова прощания...

В это жаркое и дымное девяностое лето своей жизни Владислав Жанович остался в Москве. Он много и плодотворно работал, заканчивая книгу, снося погодные испытания и не обращая внимания на болезни. Он думал и писал – это и была его жизнь, он любил и помогал своим близким и друзьям, он дорожил военным прошлым...

Книга, над которой Келле трудился последние дни своей жизни, посвящена очень важной, на его взгляд, проблеме – различие интеллектуального и духовного как двух взаимосвязанных «ветвей» развития человеческой культуры. Эта идея обосновывалась им в самых разных направлениях философского знания – историко-философском, социально-антропологическом, социокультурном. Воспитанный в традиции классической немецкой философии, Владислав Жанович оставался всю жизнь марксистом и твердо верил в необходимость открытого «закономерностей» развития человеческой культуры, которые дадут в руки ученым инструмент, способный объяснить явления человеческой истории и современности. Сделать философию научной дисциплиной. Если и позволено говорить о вере в жизни Владислава Жановича Келле, то он, безусловно, верил в силу и мощь человеческого разума, в нравственные и гуманистические принципы, на основании которых и строил свою собственную жизнь...

Ранним утром 2 августа 2010 года сердцу Владислава Жановича не достало жизненных сил. «Сердечная недостаточность» – таков медицинский диагноз...

В последнем интервью Владислава Жановича Келле нашему журналу нашли место и факты биографии, и история страны длинной в одну человеческую жизнь, и история отечественной философии, которой отдал свои труды и дни воин и профессор, доктор философских наук Владислав Жанович Келле.

М.К. *В преддверии юбилея хочется задать первый вопрос именно о «философском возрасте». Когда обращаешь внимание студентов на биографии известных философов, то замечаешь, что романтики, к примеру, не любили долго жить и успевали стать известными к 30-ти годам своей жизни. А вот Томас Гоббс, эмпирик с «материалистическим» уклоном, перешагнул 90-летний рубеж, наш современник, известный антрополог и философ Леви Строс прожил 101 год, примери*

можно множить. Как Вы считаете и чувствуете – «время» и «бытие» в биографии философа важны для его профессиональных трудов? Связаны ли они с теми идеями, которые он концептуализирует?

В.К. Меня смущает сама постановка вопроса. Что означает словосочетание «философский возраст»? Почему Вы считаете, что для меня он наступает именно сейчас? Если принять это выражение, то, видимо, «философский возраст» для человека, избравшего философию своей жизненной стезей, наступает, когда он почувствует, что сформировал свои убеждения и способен свободно ориентироваться в проблематике избранной им области знания. Применительно к профессии обсуждать эту экзистенциальную проблему лучше не в философском, а в чисто житейском плане: какой возраст наиболее благоприятен для самореализации индивида, для проявления его способностей. Здесь много самоочевидного. Для спортсмена возраст имеет принципиальное значение. Во многих видах спорта рекорды доступны только в молодости. Для людей физического труда существует возрастной предел. Для людей творческого умственного труда такого предела не существует. Здесь все очень индивидуально. Одни могут сохранить память и творческие способности до конца жизни и дожить до глубокой старости, другие, по разным причинам, теряют их. У Ницше и Гоголя это была болезнь.

Что касается приведенных Вами примеров, они не убеждают и никакой «закономерности» не выявляют.

М.К. *Для меня всегда было загадкой, как пишутся совместные труды. Ну ладно, в литературе! Там можно обсудить сюжеты, характеры героев, событийные повороты, особенно если хорошо помяться в процессе сочинения, как это, очевидно, получалось у Ильфа и Петрова. Вы, конечно, поняли, Владислав Жанович, куда я клоню. Для старшего поколения философов «имясочетание» Келле и Ковальзон звучало почти музыкой. Расскажите, как сложился ваш творческий союз. Как вы работали? Как пришла идея написать накануне перестройки, но все же задолго до ее официального провозглашения актуальную и смелую по тем временам книгу «Теория и история»?*

В.К. С Матвеем Яковлевичем Ковальзоном мы работали и публиковались более 35 лет. Начало было положено совместным пребыванием в аспирантуре кафедры диалектического и исторического материализма философского факультета МГУ. Не вдаваясь в детали, только скажу, что мы оба хотели работать в области исторического материализма, оба писали диссертации по немецкой философии, что по многим теоретическим вопросам и по отношению к происходящему наши взгляды и оценки были близки, а то и совпадали. Ковальзон мне нравился и своими человеческими качествами: живой, остроумный, обаятельный. Душа общества. Но в принципиальных вопросах – твердый и неуступчивый.

В конце 40-х годов духовная атмосфера в стране была очень тяжелой. Отгремела кампания против космополитизма, которая больно затронула и нашу кафедру. Напечататься простому преподавателю было почти невозможно. Но у каждого из нас накопились

проблемы, которые требовали выхода. И мы решили написать что-то вместе в форме диалога. Обговорили темы и начали работу. Но через некоторое время поняли, что разговора, представляющего интерес для читателя, не получается. А в начале 1952 г. я уехал в Китай, и наши творческие контакты возобновились только в 1955 г., когда мы снова оказались вместе на кафедре философии естественных факультетов МГУ. Это была прекрасная кафедра — дружная и продуктивная. Ее основателем был Х.М. Фаталиев — доктор физико-математических наук, бывший партийный работник. Он сумел создать на кафедре творческую рабочую атмосферу, не терпел интриганов и наушников. Кафедра помещалась в новом высотном здании МГУ на Ленинских горах. Условия для работы были комфортные.

В 1956 г. в «Вопросах философии» появилась наша первая публикация — «Категории исторического материализма». Статья готовилась долго и трудно, опыт совместной работы еще только накапливался. В процессе работы происходило и обсуждение проблем. Ведь обсуждать можно не только сюжеты и характеры, но и теоретические вопросы. Статья была направлена против онтологизации категорий, подчеркивалось их методологическое значение для анализа социальной реальности. Следующей крупной публикацией была монография «Формы общественного сознания» (1959). Основной идеей, которую мы проводили в книге, было разграничение познавательного и идеологического аспектов общественного сознания. Специфика их соотношения прослеживалась по всем формам общественного сознания. В 1962 г. вышел наш курс лекций по историческому материализму. В нем были собраны все работы и восстановлена в правах Марксова теория общественно-экономических формаций, которая «выпала» из исторического материализма, так как не упоминалась в сталинских работах.

В начале 60-х обстановка на кафедре резко изменилась. Х.М. Фаталиев погиб в авиационной катастрофе. Пришел новый заведующий, с которым у нас отношения не сложились. Тогда М.Я. Ковальзон перешел на кафедру философии гуманитарных факультетов МГУ, а меня пригласили в Институт философии, и я ушел из университета. Условия для совместной работы усложнились, но сотрудничество продолжалось. Мы публиковали и индивидуальные и совместные статьи и брошюры по разным социально-философским проблемам. Хотел бы, в частности, отметить две наших статьи по классификации общественных наук, и книгу «Очерк марксистской теории общества», переведенную издательством «Прогресс» на многие языки.

Работали мы, действительно, совместно. Формы работы были разные. Иногда каждый писал свою часть, а потом обменивались для взаимного ознакомления и, если потребуется, редактирования. Иногда обсуждали, спорили, а потом писали. Иногда каждое предложение формулировали, обсуждали и тут же заносили на бумагу. Выбор формы зависел от многих причин, и не в последнюю очередь, от самой тематики.

Конечно, работать в таком тесном соавторстве можно не со всяким человеком. Наш опыт показывает, что для этого нужны взаимное расположение и доверие, безусловная искренность и честность. Интерес к совместной работе подогревался и результативностью обсуждений. Если в наших спорах и не рождалась истина, то они стимулировали работу мысли.

Большую часть «Теории и истории» мы писали совместно во время летних отпусков. Рабочий стол стоял в саду. Жены устроили нам «режим наибольшего благоприятствования» для работы. Хотя наша «трехаспектная» концепция материалистического понимания истории была раскритикована, и даже сам П.Н. Федосеев приложил к этой критике свою руку, мы решили, что расстраиваться не стоит, и лишь усилили обоснование своей позиции. Эта книга была для нас итоговой, хотя и после ее выхода мы продолжали работу. Последние наши совместные статьи были опубликованы в начале 90-х годов.

М.К. Несколько лет назад Вы обратились к философии Мишеля Фуко, найдя в его разработках интересные Вам темы. Это случилось потому, что Фуко уважительно относился к марксизму, влияние которого присутствует в методологической базе его исследований? Или для Вас чтение современных философов есть нормальная профессиональная работа, не зависящая от Ваших собственных теоретических установок?

В.К. Когда я еще работал в Институте истории естествознания и техники, меня заинтересовало отношение постмодернизма к науке. Если он перечерчивает культуру модерна, значит, он отвергает и науку. Комментаторская литература четкого ответа не давала, но жизненные обстоятельства помешали мне тогда всерьез заняться изучением этого направления. К этой работе я приступил позже, когда перешел в Институт человека. Естественно, что постмодернизма я принять не мог. Мне был чужд сам их стиль мышления. Но Мишель Фуко меня заинтересовал, особенно его идея эпистемы в книге «Слова и вещи». Понятие эпистемы объемлет знания данной эпохи, вернее, то, что данная эпоха включает в состав научного знания. Поскольку этот состав меняется, эпистема носит исторический характер. Так, эпистема XVI в. включала в состав науки магию с ее мистикой. Отечественные историки науки признали роль не только религии, но и магии, герметизма и тому подобных явлений в возникновении современной науки, но не включали магию в состав науки предшествовавших эпох.

М. Фуко показал, что научная революция XVII в., изгнав из эпистемы магию, придала понятию науки современное звучание. И в дальнейшем, согласно Фуко, эпистема не оставалась неизменной. Эта идея вносит коррективы в трактовку истории становления и развития современной науки. Но почему-то в специальной литературе на этот нюанс не обратили внимания. Мне же было важно показать, что магия была изгнана из сферы знания, т.е. из интеллектуальной культуры, и переместилась в сферу духовной культуры,

где доминантой является вера, а не знания. К сожалению, в других работах Фуко не пользовался понятием эпистемы.

М.К. Мне представляется, что эпохи культурных переходов тогда связывают ушедшие и новые времена, когда возникают институции, в которых можно сберечь, сохранить и передать весьма важные достижения культуры. Не кажется ли Вам, Владислав Жанович, что располагавшийся в Сокольниках, тогда на окраине Москвы, ИФЛИ — Институт истории, философии и литературы, место, где Вы начинали свой путь в профессию, выполнял именно эту работу — сбережения и передачи «новой молодежи» заветов российской гуманитарной науки и культуры? Много ли уроков Вы там успели получить? Как часто в Вашей профессиональной жизни они Вам были необходимы?

В.К. МИФЛИ, конечно, был великолепным институтом. Блестящий преподавательский состав, большой процент способной увлеченной молодежи в составе студентов, хорошие условия для работы и общения. МИФЛИ быстро вошел в число лучших гуманитарных вузов страны. Мне повезло, что я смог несколько лет пробыть в его стенах, в самой атмосфере этого института. Философский факультет в 1936 г. был закрыт, но в 1938 восстановлен. На первом курсе было человек 80, в основном ребята, и всего несколько девушек. Главное, что естественным образом исходило от наших лучших преподавателей, — это высочайший уровень философской культуры, внимание к студентам, их развитию и воспитанию. Я не знаю, отмечен ли где-нибудь в воспоминаниях ифлийцев наш любимый лектор по истории западной философии Борис Степанович Чернышев. Он вел кружок студентов, в котором параграф за параграфом мы изучали и обсуждали текст «Малой логики» Гегеля, а затем отобрал небольшую группу знающих немецкий язык, и начал работу по новому переводу «Феноменологии духа». Со второго курса было введено свободное посещение лекций.

Конечно, нам передавали не только заветы русской гуманитарной культуры, но и традиции революционного марксизма, воспитывали в духе патриотизма и интернационализма. В институте проходили разнообразные дискуссии. Поскольку все факультеты помещались в одном здании, то не было проблем посещения лекций у историков или литераторов, а также общения между студентами разных факультетов. Но это было и напряженное время. Иногда вдруг кто-то исчезал из институтского коллектива неизвестно куда.

Что мне дало ИФЛИ, кроме суммы знаний и достаточно широкого кругозора? Следует учесть, что наряду с историей философии и историей, мы изучали политэкономия, а на семинарах штудировали по главам «Капитал» Маркса, изучали теоретические основы биологии, которые нам преподавал брат известного генетика Б. Завадовский, сам крупный ученый. Много времени мы проводили с ним в музее Тимирязева, и это помогло нам хорошо освоиться в сфере генетики. Нас знакомили с основами высшей математики, с достижениями физики. Из гуманитарного цикла мне запомнились

блестящие лекции по первобытному обществу В.К. Никольского, лекции по античной философии Куна, по немецкой классике Б.С. Чернышева и т.д. Думаю, что Институт усилил мой интерес к знаниям, к философии, воспитал выдержку, пробудил творческую жилку, отработал заложенную во мне систему ценностей.

М.К. И снова вопрос, касающийся новаций и традиций. Вы много сотрудничали с китайскими философами. Вас ценят в современном Китае, который развивает свою экономику, инфраструктуру, науку чрезвычайно быстрыми темпами. Скажите, пожалуйста, на Ваш взгляд, зависит ли механизм обновления от исторического типа культуры? В чем Вы видите основные узлы этой зависимости?

В.К. Конечно, зависит. Современная наука ведь — тоже «инновационная система», ибо призвана постоянно генерировать новое знание. Она возникла в лоне европейской культуры. Сейчас в центре внимания — технологические инновации, с помощью которых решаются проблемы экономии ресурсов, роста производительности труда и общественного богатства. Инновации используются и в других сферах жизни общества как средство их модернизации. После войны для стран, освободившихся от колониальной зависимости, единственным путем преодоления нищеты и отсталости была модернизация экономики за счет технологического прогресса. Тогда практически встал вопрос о совместимости неевропейских культур с научным и технологическим прогрессом. Ранний опыт Японии и, особенно, опыт стран Юго-Восточной Азии (Сингапур, Малазия, Южная Корея, Тайвань) и, наконец, огромный Китай показали, что технологический прогресс осуществляется и на основе других культур. Так, конфуцианская традиция включает в себя уважение не только к старшим, но и к знанию. Претенденты на чиновничью должность в старом Китае должны были пройти курс обучения и сдать специальный экзамен. Учитель в этой традиции — очень значимая фигура. Если же принять идею разграничения интеллектуальной и духовной культуры, то решение этой проблемы упрощается. Естествознание и общественные науки относятся к сфере интеллектуальной культуры, глобальной по определению. Физика есть физика в любых культурах. Различны лишь условия для развития науки и технологии. Понятие многообразия касается духовной ветви культуры. От нее, а также от сложившихся традиций зависит создание благоприятного климата для инновационной деятельности, а от состояния экономики и активности носителей этой культуры зависит, насколько инновации будут востребованы обществом. Это ситуация, аналогичная роли протестантской этики в формировании «духа капитализма», как она представлена М. Вебером. Но роль культуры этим не исчерпывается. Создание и использованные высоких технологий требуют развития и самой культуры труда.

М.К. Вы много занимались и сейчас занимаетесь проблемами науки как социального института, размышляете над инновационными за-

дачами и поиском путей их разрешения. Однако наука, к сожалению, не всегда свободна в выборе собственно научных задач. Давление власти и идеологии на науку и особенно гуманитарную, а тем более на философию — распространенный феномен в отечественной культуре. Интересы госэлиты, идеологические охранники, обслуживающие эти интересы, к большому сожалению, всегда имели своих проводников и заинтересованных защитников в научной и академической среде. Сегодня в России появилась еще одна заинтересованная структура — Церковь, усиливающая свое влияние на образовательный процесс. Можно ли сказать, что в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого столетия Вы получили личный опыт, противодействуя таким старателям? Результатом неравной борьбы была потеря сектора и уход из Института философии, но сохранение собственной научной позиции. Могли бы Вы кратко дать историческую оценку тем давним событиям не только Вашей биографии, но и истории Института философии, в который 5 лет назад Вас снова вернула судьба?

В.К. Я в основном согласен с Вами. В советские времена гуманитарии обязаны были соблюдать в своей деятельности ряд политических и идеологических установок, например, таких, как руководящая роль коммунистической партии, история которой была канонизирована, не подлежала сомнению, марксистская идеология, передовая и прогрессивная, должна была противостоять реакционной буржуазной идеологии и т.д. Работать можно было в определенных границах, установленных идеологией и партийным руководством. Фасад социализма должен был быть чистым, незапятнанным и привлекать людей.

Но следует также учесть, что возможности для работы и границы допустимого в разные периоды значительно отличались друг от друга. Реальные условия для творческой работы в области социальной философии могли быть более благоприятными, а могли вообще отсутствовать, как это было в послевоенные 40-е гг. Обстановка стала улучшаться после смерти Сталина. Значительно ослабло идеологическое давление в период «оттепели». Тогда и появились шестидесятники. Но оттепель оказалась короткой...

Советское руководство объявило, что идеологическая борьба обостряется. Это означало, что за «пражской весной» последовало не лето, а осенние заморозки. Началось наступление на сохранившиеся анклавы относительного свободомыслия. Заговорили о ресталинизации системы. А в партийном руководстве, в частности, в Московском горкоме партии появились карьеристы, решившие делать свою партийную карьеру на борьбе с нарушителями «идеологической дисциплины». В 1972 г. из Института конкретных социальных исследований изгнали талантливых и независимых специалистов. С поста директора института вынужден был уйти видный экономист, академик Алексей Матвеевич Румянцев. Потрепали и академический Институт экономики. Академик Б.М. Кедров продержался на посту директора Института философии всего один год. Атаки «охранителей» вынужден был отбивать редактор журнала «Вопросы философии» Иван Тимофеевич Фролов. Ему навязывали

людям, с которыми он не хотел работать, и требовали исключить из редколлегии тех, с кем работать было интересно. Убедившись в бесперспективности усилий по реализации своих планов в отношении журнала, в конце 70-х он оставил пост главного редактора. Думаю, что наш Отдел оказался в этом же ряду.

Мы выпустили несколько книг, которые становились объектом острой критики и внутри Института, и вне его, хотя, по нашему мнению, мы защищали марксизм, а не боролись против него. Но мы нарушили некоторые идеологические табу. В результате, придравшись к тому, что один младший научный сотрудник решил эмигрировать в Израиль, отдел ликвидировали. Меня сняли с должности зав. отделом и наказали в партийном порядке. Из Института философии я перешел в Институт истории естествознания и техники, где занялся социологией науки. В этом мне помог тогдашний директор Института Семен Романович Микулинский. У нас с ним были дружеские отношения еще с ифлийских времен.

М.К. Проблематика истории и теории науки всегда была в поле Ваших интересов. Сейчас это направление стало ведущим в подготовке аспирантов самых разных специальностей, институционально закрепляя междисциплинарный характер современного знания, знакомя молодых ученых с современными проблемами методологии науки. Меня всегда интересовало, когда, как и почему открываются и закрываются научные институты. Вы, наверное, уже поняли, с чем связан мой вопрос. Институт человека РАН был открыт в 1991 г., а слит с Институтом философии в 2005 г. Как Вы полагаете, достаточно ли времени существовал Институт человека, чтобы реализовать те идеи, которые имел в виду его основатель академик И.Т. Фролов? Случилось так, что его работа совпала с периодом перестройки...

В.К. В принципе научные институты открываются в ответ на возникшую в науке потребность в развитии новой научной дисциплины или в разработке комплекса актуальных проблем. Требуется также поддержка этой идеи научным сообществом и обществом, которые выделяют необходимые средства. Идея создания Института человека с целью организации его комплексного изучения высказывалась и ранее. У нас создание этого института связано с именем академика И.Т. Фролова, развивавшего гуманистическую социально-нравственную концепцию человека. Высокое положение в иерархии власти, которое он занял в годы горбачевской перестройки, позволило ему преодолеть разнообразные бюрократические препоны и создать академический Институт человека. Но смена политического режима и гайдаровская экономическая реформа поставили российскую науку на грань выживания. Исчезла общественная потребность в науке, резко сократились ассигнования, произошла «утечка мозгов». Российская академия наук держалась, но все усиливалось давление на нее со стороны министерского начальства. От нее настойчиво требовали реформирования, а все программы реформ сводились к требованию сокращения количества институтов и численности научных работников. В этих

условиях необычный для Академии Институт человека мог бы сохраниться, только если бы нашел поддержку на высоком уровне. Но этого не случилось. И, в конце концов, было решено влить его в состав Института философии.

М.К. *Наша беседа происходит в канун празднования 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. За это время входит в жизнь уже третье поколение наших соотечественников, родившееся после войны. Благодарность Вам, Владислав Жанович, и всем воинам, кто отстоял страну и победил фашизм, безмерна... Отзвуки Отечественной войны и сегодня врываются в нашу жизнь — еще не все убитые захоронены, еще находят пропавших без вести их никогда не видевшие и уже состарившиеся дети... О войне пишут, и пишут разное... Как участник тех давних событий, защитник Родины, боевой командир, профессор философии, много размышлявший над ходом человеческой истории, как бы Вы могли определить главное условие нашей Победы? И на ту же тему, связанную с последними событиями: можно ли считать избавление от исторической лжи в отношении Катynи продолжением честного осмысления уроков Отечественной войны? Как Вы полагаете, можно ли будет когда-нибудь сказать «всю правду о войне»?*

В.К. Хотя о войне очень много сказано и написано, но вот Вы ставите вопрос об условиях нашей победы. Значит, до сих пор что-то остается неясным послевоенным поколениям. Хотя я воевал, но тоже многого не знаю о войне. И я не могу взять на себя смелость сказать, что дам удовлетворительный ответ на Ваш вопрос. Я просто высказу свое мнение, и скажу то, что я точно знаю.

Нет какого-то одного условия победы. Действовало множество факторов и, что очень важно, действовало согласованно. Поэтому речь должна идти о комплексе причин, о совокупности условий, которые привели к победе. Среди них и руководство компартии, и авторитет Сталина, и сплоченность общества. Война, действительно, была народной и священной. И горько, что за победу заплатили дорогую цену — миллионы жизней. Конечно, очень многое зависело от политического и военного руководства. Огромные людские и территориальные потери в начале войны нельзя объяснить внезапностью агрессии, к чему добавлялась необстрелянность армии, которая якобы лишь училась воевать. Конечно, солдатам и, особенно, командирам приходилось набираться опыта ведения данной войны, но.... Я был на фронте уже 10 июля 1941 г. и своими глазами видел, что кадровые части танкистов, артиллеристов воевали прекрасно. Мы отступали, но отступали с боями, организованно. Вина за катастрофическое начало войны целиком ложится на политическое руководство, и, прежде всего, на Сталина.

Потери в войне неизбежны. Разрабатывая операции, штабы обычно определяют возможную величину потерь. Но во многих случаях потери не были неизбежными. Не все командиры заботились о сохранении жизни бойцов. Жестокость некоторых военачальников, не считавшихся с потерями, а также бездарность, карьеризм и тому

подобные качества, приводили к большим потерям. Командование — это и искусство. Командир должен думать, как провести требуемую операцию «малой кровью». И совсем другой вариант, когда, пытаясь добиться нужного результата, бездумно посылали людей на верную гибель в заведомо проигрышных ситуациях. Зря гибли и плохо обученные солдаты, присланные для пополнения частей, понесших потери. Иногда на передовую отправляли плохо вооруженных бойцов, ибо где-то кто-то не сработал. Солдат прислали, а оружия для них нет. Так что разгильдяйство на войне тоже было оплачено кровью. И солдаты не безгрешны. Были и трусы, и паникеры, и «самострелы», которые сами причиняли себе легкие ранения, чтобы их сняли с передовой. Были и предательство, и добровольная сдача в плен. Все это встречалось.

Но подумайте сами, если все было плохо, или плохое преобладало, разве мы бы сумели прийти к победному финишу?! Что же работало на Победу? Конечно, стойкость, героизм и неприхотливость солдат Красной армии в сочетании с огромной и эффективной организационной деятельностью политического и военного руководства во главе со Сталиным. Прежде всего, удалось подобрать и выдвинуть талантливых полководцев и поставить их во главе фронтов и армий. В ставке Верховного главнокомандующего были стратегически мыслящие, дальновидные и опытные военачальники, обеспечившие разработку основных операций, которые привели к перелому в ходе войны и проложили победный курс. Советское командование переиграло Гитлера с его командой. Важнейшую роль в подготовке Победы сыграло перемещение на Восток промышленности — огромной массы людей и оборудования. На новом месте заводы немедленно возобновляли производство. Промышленность в основном была спасена, а к Баку и нефти немцам прорваться не удалось. Энергетическим сырьем страна была обеспечена.

Были разработаны новые виды и типы оружия: реактивная артиллерия («Катюши»), танк Т-34, штурмовики ИЛы, автоматические стрелковое оружие и т.д. и армия их получала. По собственному опыту я знаю, насколько успешно и безотказно работали две службы во время войны: санитарная служба и железнодорожный транспорт. Судя по литературе, позитивную роль сыграли и спецслужбы. Хорошо, что СССР смог получить некоторую материальную помощь от своих союзников еще до открытия 2-го фронта. Мы должны быть благодарны тем, кто, рискуя жизнью, доставлял ее к нашим берегам. Я перечислил не все, что работало на победу, но очевидно, что в нее вложен и огромный, подчас героический труд, и талант, и творческая мысль ученых, инженеров, военачальников. Можно еще вспомнить и активную деятельность журналистов, кинооператоров, фотокорреспондентов, художественной интеллигенции, артистов. Жизнь в тылу была для абсолютного большинства далеко не сладкой, а подчас полуголодной. Но армия снабжалась хорошо.

Поэтому я не совсем понимаю, что означают слова «вся правда» о войне. Откроют, что некто совершил подлый поступок, проявил

бессмысленную жестокость, внес нечто свое в копилку негатива военного времени. Но это не меняет основных оценок Отечественной войны, в которой Советский Союз и его армия внесли решающий вклад в разгром сильного, опытного, беспощадного и хорошо вооруженного противника, отстояли независимость родной страны, народам которой нацисты оставили один выбор — рабство или истребление, и помогли освобождению народов Европы. Победа во Второй мировой войне сделала Советский Союз великой мировой державой. Таковы основные объективные фактические итоги войны.

Очевидно, что для народа России, как и других республик бывшего СССР, Победа является источником национальной гордости и имеет непреходящее историческое значение. Однако в массиве литературы о войне просматриваются разные тенденции, в том числе достаточно устойчивое стремление принизить роль Советского Союза в победе над фашистской Германией. Для этого неправомерно выделяются, раздуваются, извращаются реальные негативные факты и события, но встречается и прямая ложь. Поэтому надо не только гордиться Победой, но и оберегать память о ней и от всевозможных грязных вымыслов, и от забвения как самой войны, так и ее итогов.

О Катыни. Еще до войны это было страшное место массовых расстрелов людей, попавших в застенки НКВД. Обычно расстреливали собственных граждан, о судьбе которых беспокоились только родные и близкие. Таких мест много в России. Катынь приобрела известность, потому что там казнили 20000 пленных польских офицеров и их судьбой заинтересовались на уровне межгосударственном. Полякам долгое время лгали, уверяли, что это мерзкое деяние — дело рук немецких захватчиков. Но, в конце концов, правда выплыла наружу, документы были рассекречены, и оказалось, что исполнителями этой кровавой акции были сотрудники ведомства Берии.

За это позорное пятно на нашей истории руководители, принадлежащие к другому поколению, не имеющие никакого отношения к трагедии польских офицеров принесли свои соболезнования и произнесли слова покаяния. Но в этом событии имеется еще одна страшная сторона. Все дело в том, что в расстреле польских офицеров для НКВД периода «большого террора» не было ничего необычного, из ряда вон выходящего. Этот массовый расстрел не был исключением. И, кроме того, обычными и повседневными в деятельности этой организации были аресты не только реальных преступников, но и потенциальных противников, когда человек по своему прошлому социальному положению, взглядам или связям в принципе мог начать вредить Советской власти. Он еще ничего не сделал, но для профилактики лучше убрать его за решетку. Польские офицеры были причислены к этой категории. Наверху посчитали, что получив свободу, они вольются в ряды антисоветчиков. И с ними решили разделаться радикально. И ложь была делом обычным. Ведь женам и детям их, приговоренных «к вышке»,

мужей и отцов официально сообщали, что те «осуждены на 10 лет без права переписки».

М.С. Владислав Жанович, ответьте, пожалуйста, на вопрос личного характера. Сколько в Вашем доме книг, как давно и по какому принципу Вы составляли свою библиотеку? И сейчас, когда постоянно расширяются возможности для покупки литературы, какие книги Вы предпочитаете — художественные, исторические, философскую классику, современных философов, может быть, фантастику? И вообще, как Вы думаете, новое поколение будет поколением только электронных книг, эпоха Гуттенберга завершена?

В.К. Фактически Вы поставили два вопроса. Первый, сугубо индивидуальный — о принципах формирования домашней библиотеки. И второй, фундаментальный для духовного развития подрастающего поколения, для системы образования — о будущем книжной культуры. Дать определенный ответ на этот вопрос я затрудняюсь, так как специально его не изучал. Электронный носитель информации имеет много преимуществ перед бумажным. Но это вопрос не чисто технический. Нужно считаться с психологией людей, традицией, особенностями эмоционального восприятия обычной книги в отличие от электронной. Во всяком случае, хотелось бы верить, что наши потомки не лишат себя удовольствия пользоваться книгой, что эпоха Гуттенберга отнюдь не близка к завершению.

Что же касается домашней библиотеки, то я всегда исходил из того, что она должна содержать необходимые справочные издания, и в основном ту рабочую и классическую художественную литературу, к которой ты неоднократно возвращаешься по зову либо головы, либо сердца. А ограничивает объем домашней библиотеки количество квадратных метров имеющейся жилой площади. В наших условиях большинство даже профессуры проживает не в хоромах, а в обычных небольших квартирах. Во всяком случае, моя квартира насыщена книгами до предела. Они всюду. Многие чистят свою библиотеку, освобождаясь от устаревшей, ставшей ненужной книжной продукции. Но не все способны выкидывать книги. Каждый по-своему решает эту проблему.

М.К. Известен афоризм Ларошфуко: «Как бы ни была редка истинная любовь, истинная дружба встречается еще реже». Проживая свою жизнь, каждый человек может подтвердить или опровергнуть это соображение. Как Вы считаете, так ли прав автор афоризма? Или, в согласии с постмодернистами, культура будущего и вовсе откажется от таких «обременительных» отношений между людьми? Что Вам подсказывает Ваш личный опыт?

В.К. Этот афоризм выражает мнение его автора, поддержать которое я не могу. Ибо подсчитать, больше или меньше, чаще или реже встречается истинная дружба, чем любовь, практически невозможно, да и определить, какая из них истинная, какая нет, тоже весьма затруднительно. Такого типа суждения очень субъективны.

Определеннее афоризм станет, если ввести половые различия. Двуполовая дружба, действительно встречается реже, чем однополая любовь. А в норме это великие ценности, заоблачные вершины эмоциональной жизни человека.

М.К. *А теперь два традиционных вопроса. Первый – из всего продуманного и написанного Вами, какую свою работу Вы цените более других? И второй – над чем Вы сейчас работаете, что Вас больше всего интересует в современной философии и науке, в культурной ситуации нашей страны?*

В.К. В моей профессиональной жизни было три основных направления деятельности – социальная философия, социология науки и философия культуры. Каждое из этих направлений по своему интересно, каждым я увлекался, и выстроить их в одну шеренгу не могу.

В настоящее время приоритетной для меня является разработка проблемы разграничения и взаимосвязи интеллектуальной и духовной ветвей культуры. Это разные структуры культуры, каждая из которых функционирует и развивается по своим закономерностям. Выявление особенностей этих структур имеет методологическое значение для анализа конкретных социальных, социально-философских, культурологических проблем, возникающих в истории и современной жизни мировой культуры, ее различных форм. Полагаю, что философия культуры одно из самых перспективных направлений современной философии.

М.К. *Уважаемый Владислав Жанович, я благодарю Вас за интересное и чрезвычайно содержательное интервью. От меня и коллег по нашему философскому цеху примите поздравления в Ваш юбилейный год и пожелания доброго здоровья. Мы все ждем от Вас новых идей, новых статей и дискуссий. Уважаемый профессор, Ваши взвешенные суждения всегда дисциплинируют мысль Ваших читателей и слушателей и побуждают к собственным поискам. Спасибо Вам!*

ОГЛАВЛЕНИЯ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ» ЗА 2010 Г. № 1–11

«ФН» № 1

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР РОССИИ: ФИЛОСОФИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

- **Доминанта**
Х.Э. МАРИНОСЯН. Философия модернизации: от дискурса национализма к императиву интернационализма, или от национального дискурса к интернациональному императиву 5
- **Культура как ресурс и барьер инновационного развития**
ОТ РЕДАКЦИИ. Политическая культура и инновационное развитие 13
А.Ю. СУНГУРОВ (С.-Петербург). Инновации и их диффузия: к возможности использования концепции в социально политической сфере 15
А.П. ДАВЫДОВ. Инверсия как культурное основание цикличности в развитии (к вопросу об объекте деконструкции в русской культуре) 25
М.Ю. МИЗУЛИН. Возможно ли в современной России инновационное политическое развитие 30
Г.Г. ПОЧЕПЦОВ (Украина). Политические инновации и преодоление барьеров массового сознания 37
Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ (С.-Петербург). Постимперская культура как ресурс и барьер инновационного развития 51
В.В. КОСТЮШЕВ (С.-Петербург). Идентификационный поиск в состоянии неопределенности 73
- Рефлексируя проблему**
- Александр СУНГУРОВ (С.-Петербург), Георгий ПОЧЕПЦОВ (Украина), Михаил МИЗУЛИН, Григорий ТУЛЬЧИНСКИЙ (С.-Петербург)* 78
- **Современные постнеклассические практики**
Круглый стол
И.В. АРТЮХОВ, И.И. АШМАРИН, С.Н. КОНЯЕВ, В.Е. ЛЕПСКИЙ, В.И. МОИСЕЕВ, В. ПРАЙД, В.М. РОЗИН, Г.Б. СТЕПАНОВА, Ю.В. ХЕН. Социально-философские аспекты наномедицины: перспективы, проблемы, риски 84
- ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**
- **Философское измерение**
Н.А. КУЦЕНКО. Проблема традиции в русской философии 102
А.П. ЩЕГЛОВ. Древнерусские представления о зле как причине появления времени 113
- ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО**
- **Новые технологии**
Б.И. ФЕДОРОВ (С.-Петербург). Система контроля знания как средство обучения и развития интеллекта учащихся (*Продолжение*) 125
Э.Б. АБДУЛЛИН, Е.В. НИКОЛАЕВА. О философии музыкального образования: сущность, предназначение, направленность 144
- НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**
- **В Академии гуманитарных исследований**
Список книг, выпущенных Издательским домом «Гуманитарий» в 2009 г. 154

■ MEMORIA

В.В. СТАРОВОЙТОВ. Памяти Учителя. Феохарий Харлампиевич Кессиди 155

«ФН» № 2

ФИЛОСОФСКИЙ ФОРУМ

■ Ахиезеровские чтения

Первая сессия

ОТ РЕДАКЦИИ. В поисках теории Российской цивилизации	5
Ю.С. ПИВОВАРОВ. Редакционному совету и редакции журнала ФН	8
А.А. ПЕЛИПЕНКО. Штрихи к образу российской цивилизации	9
И.Г. ЯКОВЕНКО. Диалог через противостояние...	15
Ю.Н. АФАНАСЬЕВ. Опричное государство и большевистский нанокапитализм	21
Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ (С.-Петербург). Российский маятник остановился? В поисках новой институциональной матрицы	41
В.М. РОЗИН. Страх неизвестности...	48
И.В. СЛЕДЗЕВСКИЙ. Теория цивилизаций в современной России	58
И.Н. ИОНОВ. Необходимость диалога школы Ахиезера и западной теории цивилизаций	63
А.П. ДАВЫДОВ. Социокультурные факторы цивилизационной динамики России (Подведение итогов)	68

■ Современные постнеклассические практики

Круглый стол

И.В. АРТЮХОВ, В.Э. ВОЙЦЕХОВИЧ (Тверь), С.Н. КОНЯЕВ, В.И. МОИСЕЕВ, В. ПРАЙД, Л.Е. РОМАНОВ, В.М. РОЗИН, Я.И. СВИРСКИЙ, А.В. ШЕЛУДЯКОВ. Социально-философские аспекты наномедицины: перспективы, проблемы, риски (Окончание)	80
--	----

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

■ Философское измерение

Н.М. САВЧЕНКОВА (С.-Петербург). Нарциссизм и новые механизмы смыслообразования в культуре	89
Л.Г. ПУГАЧЕВА. Разум тела: шаг в реальность «здесь-и-сейчас» (Часть первая)	104

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

■ Новые технологии

Б.И. ФЕДОРОВ (С.-Петербург). Возможности и перспективы объективной отметки в школе интеллекта (Окончание)	124
--	-----

НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ

■ Проективный философский словарь

Словарные статьи (Выпуск 5)

В.И. ПРЖИЛЕНСКИЙ (Ставрополь). Дегеометризация мышления, Новоевропейская идея реальности, Посттеоретическое мышление, Филоипония, Фундаментальные, Философские имитации, Философское измерение	140
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

■ Рецензии, аннотации, отзывы

Е.В. ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА (Ростов-на-Дону). Касавин И.Т. Текст, дискурс, контекст	148
--	-----

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ (С.-Петербург). Клейн Л.С. Трудно быть Клейном	153
■ Обзоры, объявления, сообщения	
III Российский культурологический конгресс	156

«ФН» № 3

ФИЛОСОФСКИЙ ФОРУМ

■ Ахиезеровские чтения

Вторая сессия

ОТ РЕДАКЦИИ. Основания и структура российской ментальности	5
А.А. ГУСЕЙНОВ. Редакционному совету и редакции ФН	6
А.А. ПЕЛИПЕНКО. Русская система на весах истории	7
И.В. КОНДАКОВ. Ментальная доминанта российской цивилизации	23
В.М. РОЗИН. Смысл русской ментальности и духовности	33
Э.С. КУЛЬПИН-ГУБАЙДУЛЛИН. Цивилизационный «гордиев узел» России	42
И.Г. МИКАЙЛОВА (С.-Петербург). Специфика воспроизводства русской и германо-скандинавской ментальности	56
Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ (С.-Петербург). Российская культура: особенности и перспективы	63
А.П. ДАВЫДОВ. Основания и структура российской ментальности в условиях модернизации (Подведение итогов)	73

■ Культура властвования

А.Е. РАЗУМОВ. Метаморфозы «вертикали власти» в истории России	85
---	----

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

■ Философское измерение

Л.Г. ПУГАЧЕВА. Разум тела: шаг в реальность «здесь-и-сейчас» (Часть вторая. Окончание)	101
---	-----

■ Литература: философская рефлексия

В.К. КАНТОР. Петербург Достоевского – непотонувшая Атлантида	117
С.Г. КОЗЛОВА. «Призраки» Тургенева: проблема русского европеизма	125

ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

■ Зарубежная философия. Современный взгляд

Е.Л. СКВОРЦОВА. Восток и запад в новой эстетике японского философа Имамити Томонобу	132
--	-----

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

■ Педагогический поиск

П.В. СТЕПАНОВ. Связь науки и практики: существует ли она в сфере воспитания?	147
А.П. ШПОНА (Латвия). Школа – модель саморазвития и сотрудничества	151

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

■ Рецензии, аннотации, отзывы

А.П. ЛЮСЫЙ. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка	154
--	-----

«ФН» № 4

ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

■ Зарубежная философия. Современный взгляд

Три силуэта в свете двойной звезды – жизни и культуры В.П. ВИЗГИН. Жизнь как философская идея:	
---	--

Дильтей – Ницше – Бергсон. К постановке проблемы	5
НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ	
■ Психоанализ: анатомия творчества	
<i>Н.С. АВТОНОМОВА.</i> Словарь по психоанализу. Концептуальные языки и проблема перевода	16
<i>В.В. СТАРОВОЙТОВ.</i> Психоанализ и художественное творчество	35
■ Из истории психоанализа: неизвестное прошлое	
<i>А.А. ПРУЖИНИНА.</i> Арон Залкинд. Манифест сексуальной революции	43
<i>С.Н. КОРСАКОВ.</i> Новые факты о А.Б. Залкинде	51
<i>А.Б. Залкинд:</i> Автобиография; Личный листок; Характеристика	56
<i>Ю.С. ПЕТРОСЯН (Тверь).</i> «Маленький человек» без футляра (Графологический портрет)	63
■ Феномен сексуального	
<i>ОТ РЕДАКЦИИ.</i> Сексология: наука ли?	74
<i>Е.А. КАЩЕНКО.</i> Сексуальная культура	76
<i>Л.М. ЩЕГЛОВ (С.-Петербург).</i> Эрос в зеркале культуры	84
<i>С.Т. АГАРКОВ.</i> Эволюционная теория и нарциссизм	94
■ Гендерный подход	
<i>М.А. ПРОНИН.</i> Женская сексуальность: философско-антропологический очерк	99
<i>О.Н. ПАВЛОВА.</i> Кризис женской идентичности	111
■ Философское измерение	
<i>В.А. СУЛИМОВ (Сыктывкар).</i> Самообоснование в интеллектуальном пространстве современности	119
ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО	
■ Педагогический поиск	
<i>А.О. КАРПОВ.</i> Современное образование и знание	126
НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ	
<i>Н.С. АВТОНОМОВА.</i> Речь на вручении премии Андрея Белого	139
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
■ Рецензии, аннотации, отзывы	
<i>Н.Д. ШМЕЛЕВА.</i> Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала	143
■ Памятные даты	
К 135-летию со дня рождения И.Д. Ермакова,	
К 120-летию со дня рождения В.Ф. Шмидт	152
■ Издательский проект	
Архив профессора И.Д. Ермакова	154
■ Memoria	
Анатолий Соломонович Кармин	157
«ФН» № 5	
ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ	
■ Зарубежная философия. Современный взгляд	
<i>Три силуэта в свете двойной звезды – жизни и культуры</i>	
<i>В.П. ВИЗГИН.</i> Силуэт первый: Вильгельм Дильтей	5
ФИЛОСОФИЯ КОНФЛИКТА	
■ Субкультура закрытых обществ	
<i>ОТ РЕДАКЦИИ.</i> На грани преступности	21

<i>Ю.М. АНТОНЯН, Е.Н. КОЛЫШНИЦЫНА.</i> Человек в тюрьме	23
<i>В.М. РОЗИН.</i> Есть ли альтернатива традиционному пониманию наказания и тюремной практике?	35
<i>Н.П. ИВАНОВА, Е.Н. ДРЫГИНА.</i> Сиротские учреждения России: прошлое, настоящее, будущее	46
<i>И.М. МАЦКЕВИЧ.</i> Воинский коллектив: негативные и позитивные аспекты	60
<i>Е.А. АНТОНЯН.</i> Криминальная субкультура осужденных	72
НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ	
■ Феномен сексуального	
<i>В.М. РОЗИН.</i> К различению любви и сексуальности (от романтической любви к «креативной»)	82
<i>Е.А. КАЩЕНКО, М.Р. МЕЛЬНИЧЕНКО.</i> О категории «сексуальное влечение»	97
<i>С.Т. АГАРКОВ.</i> Порнография-2010: философия здравого смысла	110
ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО	
■ Школа философствования	
<i>ОТ РЕДАКЦИИ.</i> Философию – в школу	117
<i>Б.И. ЛИПСКИЙ.</i> (С.-Петербург) Что такое философия? Введение. Мир философии; Глава 1. Начало философии. § 1. Рождение мифа	121
НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ	
■ Проективный философский словарь	
<i>Словарные статьи (Выпуск 6)</i>	
<i>В.В. САВЧУК (С.-Петербург).</i> Иконический поворот; Коммуникант	134
НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ	
■ К 50-летию научного творчества	
<i>З.Т. ГОЛЕНКОВА, А.П. ДАВЫДОВ.</i> Социология сегодня: методологический тупик или новый ренессанс?	144
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
■ Рецензии, аннотации, отзывы	
<i>Г.Ч. СИНЧЕНКО (Омск).</i> Алексеев П.В. Философы России начала XXI столетия	157
«ФН» № 6	
ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ	
■ Зарубежная философия. Современный взгляд	
<i>Три силуэта в свете двойной звезды – жизни и культуры</i>	
<i>В.П. ВИЗГИН.</i> Силуэт второй: Фридрих Ницше	5
МЕТОДОЛОГИЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	
■ Синергии коммуникативного мира	
От редакции. На пути к методологии сложности	21
<i>В.И. АРШИНОВ, В.Г. ГОРОХОВ.</i> Социальное измерение NBIC-междисциплинарности	22
<i>В.В. ЧЕКЛЕЦОВ.</i> Топологическая версия постчеловеческой персонологии: к разумным ландшафтам	36
<i>А. ГРУНВАЛЬД (Германия).</i> Наночастицы и принцип предосторожности	54
<i>Д.В. РЕУТ.</i> SEMINARIUM: коллективный субъект лонгитюдного времени	70

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

- **Философское измерение**
М.Н. ЭПШТЕЙН (США). Теология первого лица: персоналистический аргумент бытия Бога 80
- О.А. ЛАВРЕНОВА. Культурный ландшафт как метафора 92
- **Философия и музыка**
Н.А. ГОЛИНЕВИЧ. Логос и мелос философии 102
- А.С. КЛЮЕВ (С.-Петербург). Философия музыки в синергетическом ключе 114
- О.В. ШЕЛЯКИН. Звук и цвет как языки познания и духовно-нравственного освоения мира 129

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

- **Школа философствования**
Б.И. ЛИПСКИЙ (С.-Петербург). Что такое философия? Глава 1. Начало философии; § 2. Миф и философия 137

НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ

- **Проективный философский словарь**
Словарные статьи (Выпуск 7)
В.В. САВЧУК (С.-Петербург), Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ (С.-Петербург), Г.Р. ХАЙДАРОВА (С.-Петербург). Боль, Висцеральное осмысление и философствование, Гипоорядинамия и одороедефицит, Коллоцентризм 146

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- **Рецензии, аннотации, отзывы**
Л.С. СУВОРОВА. Пугачева Л.Г. Эволюция разума человека как эпистемологическая проблема 155
- **MEMORIA**
Анатолий Иванович Уткин 158

«ФН» № 7**ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ**

- **Год Франции в России**
А.М. РУТКЕВИЧ. Французская философия в России 5
- Н.С. АВТОНОМОВА. Клод Леви-Строс, антрополог и философ 10
- И.С. ВДОВИНА. Поль Рикёр о необходимости разработки философской теории признания 25
- А.В. ЯСТРЕБЦЕВА. Ж.-Л. Марион как феноменолог и историк философии 40
- М.В. МАЗАРСКИЙ. Интерсубъективность и транссубъективность: Левинас, Пуанкаре, Бергсон, Пригожин 50
- **Зарубежная философия. Современный взгляд**
Три силуэта в свете двойной звезды — жизни и культуры
В.П. ВИЗГИН. Силуэт третий: Анри Бергсон 65

ЧЕЛОВЕК И МИР

- **Лики культуры**
К.Э. РАЗЛОГОВ. Кино — этнография — антропология 80

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- **Философское измерение**
С.А. МАЛЯВИНА. Управление пониманием: технологические конфигурации 91
- Д.В. РЕУТ. Качество жизни и прокреация 103

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

- **Школа философствования**
Б.И. ЛИПСКИЙ (С.-Петербург). Что такое философия? Глава 2. Философское отношение к миру. § 3. Сочувствие и понимание. § 4. Предмет философского знания 119

НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ

- **Проективный философский словарь**
Словарные статьи (Выпуск 8)
В.В. САВЧУК (С.-Петербург), Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ (С.-Петербург). Поза логоса, Пространственный поворот, Телоцентризм, Топологическая рефлексия 136

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- **Рецензии, аннотации, отзывы**
В.А. БАЖАНОВ (Ульяновск), Н.Г. БАРАНЕЦ (Ульяновск), А.А. ТИХОНОВ (Ульяновск). Энциклопедия эпистемологии и философии науки 150
- **Обзоры, объявления, сообщения**
А.В. ЯСТРЕБЦЕВА. Французская философия в России: некоторые итоги и перспективы исследований 155
- **Дни этнографического кино** 157

«ФН» № 8**ФИЛОСОФСКИЙ ФОРУМ**

- **Религия и современный мир**
ОТ РЕДАКЦИИ. Религиозная культура или светская этика: pro et contra 5
- Ж.Т. ТОЩЕНКО. Мина замедленного действия 6
- А.В. РАЗИН. Этика как светская научная дисциплина 22
- Н.А. ХАФИЗОВА (Пермь). Уваров жил, Уваров жив, Уваров будет жить? 35
- Н.Н. СЛОНОВ (Саратов). Интеизм: между теизмом и атеизмом 47
- Р.А. СИЛАНТЬЕВ. Исламо-христианский диалог в досоветский и советский периоды 65
- Д.М. КАНАКОВ. Феномен религиозного догматизма. К постановке проблемы 74

ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

- **Год Франции в России**
Е.А. САМАРСКАЯ. Левые утопии и социальная наука 84
- Ж.-Л. МАРИОН (Франция). Некоторые правила в истории философии (Окончание следует) 99
- **Зарубежная философия. Современный взгляд**
Е.К. РОМАНЕНКО. Язык и мышление в философско-лингвистических учениях В. фон Гумбольдта и Х. Штайнталя 108

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

- **Язык, знание, понимание**
А.Ю. НЕСТЕРОВ (Самара). «Знание-по-описанию» и проблема понимания в контексте семиотики 122
- **Философия среднего образования**
В.С. ЛОСЕВ (Саратов). Культурно-идеологические коды становления экологического сознания 133

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

- **Школа философствования**
Б.И. ЛИПСКИЙ (С.-Петербург). Что такое философия?

Глава 3. Что значит быть? §5. Жить и быть	140
НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ	
■ Проективный философский словарь <i>Словарные статьи (Выпуск 9)</i>	
<i>В.В. САВЧУК (С.-Петербург).</i> Теологический поворот, Философия чего-то	148
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
■ Рецензии, аннотации, отзывы	
<i>Т.В. ШИПУНОВА (С.-Петербург).</i> И.Л. Полотовская. Смерть и самоубийство: Россия и мир	150
■ Обзоры, объявления, сообщения	
<i>М.Ю. РЕУТИН.</i> Немецкая мистика позднего Средневековья: индивидуальный опыт – перспективы исследований	155
«ФН» № 9	
ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ	
■ Экономика и социальное знание	
<i>И.Н. СИЗЕМСКАЯ.</i> Инновационная экономика: социокультурные основания	5
<i>А.В. БУЗГАЛИН.</i> Россия – иная стратегия	9
<i>Е.А. КАРЦЕВ.</i> Социально-культурные предпосылки инновационного развития	25
<i>Ю.В. ОЛЕЙНИКОВ.</i> Социальный аспект современной технико-технологической модернизации	37
ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ	
■ Год Франции в России	
<i>Ж.-Л. МАРИОН (Франция).</i> Некоторые правила в истории философии (Окончание)	50
<i>В.П. ВИЗГИН.</i> Философия причинности Габриэля Марселя	60
<i>Ж.-М. ЛЕ БЛОН.</i> Предисловие к сборнику «О богопознании»	63
<i>Г. МАРСЕЛЬ.</i> Бог и причинность	64
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ	
■ Философское измерение	
<i>Р.К. ОМЕЛЬЧУК (Иркутск).</i> Этимологический анализ понятия веры. Онтологический подход	72
<i>А.Н. ФАТЕНКОВ (Нижегород).</i> Онтологическое обоснование монизма в свете идеи подвижной иерархии	87
■ Философия цифрового мира	
<i>А.В. ЮХВИД.</i> Виртуология. Онто-философские аспекты	103
<i>С.А. КОРОЛЕВ.</i> Параллельная жизнь: человек в интернете	112
ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО	
■ Школа философствования	
<i>Б.И. ЛИПСКИЙ (С.-Петербург).</i> Что такое философия? Глава 3. Что значит быть? § 6. Модусы бытия	129
НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ	
■ Николаю Ивановичу Киященко – 80!	
<i>Х.Э. МАРИНОСЯН.</i> Эстетика жизни – жизнь в Эстетике	138
<i>Е.Н. ШАПИНСКАЯ.</i> Массовая культура и массовое искусство: «За» и «Против»	139

<i>В.И. САМОХВАЛОВА.</i> Творчество как принцип антропогенеза	142
<i>Т.Б. ЛЮБИМОВА.</i> Толерантность в культуре и процесс глобализации	146
<i>Н.И. КИЯЩЕНКО.</i> Мои встречи с деятелями культуры	151
<i>Н.И. ВОРОНИНА (Саранск), К.З. АКОПЯН, Т.С. ЗЛОТНИКОВА (Ярославль), Г.М. ЦЫПИН.</i> Неравнодушно – о Неравнодушном	155
«ФН» № 10	
ДНИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ФИЛОСОФИИ	
■ Будущее России: стратегия философского осмысления	
<i>Ю.Н. СОЛОНИН (С.-Петербург).</i> Философский факультет: достижения – взгляд в будущее	5
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ	
■ Лики культуры	
<i>К.В. ЛОЩЕВСКИЙ (С.-Петербург).</i> Топос утопии: пространственная метафорика в новоевропейском социальном конструировании	7
<i>А.К. СЕКАЦКИЙ (С.-Петербург).</i> Гламурная цивилизация и ее авангард	20
ЧЕЛОВЕК И МИР	
■ Философская антропология	
<i>Е.В. ЗАХАРОВА (Самара)</i> Феноменология недостаточного бытия	30
<i>Е.К. КРАСНУХИНА (С.-Петербург).</i> Нарциссизм желанья и философия идентичности	37
■ Аспекты этики	
<i>И.И. МАВРИНСКИЙ (С.-Петербург).</i> Трансформация субъективности в практике поступания: теоретическое отношение	51
<i>Н.В. КУЗНЕЦОВ (С.-Петербург).</i> Магические и мифологические истоки морального сознания	58
ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ	
■ Зарубежная философия. Современный взгляд	
<i>М.А. СЕКАЦКАЯ (С.-Петербург).</i> Физический детерминизм и свобода воли: картезианское решение	65
<i>О.А. КОВАЛЬ (С.-Петербург).</i> Продуктивная способность воображения в учении Канта о трансцендентальном схематизме	81
■ Из истории отечественной философии	
<i>А.Е. РЫБАС (С.-Петербург).</i> Проблемы философии языка в русском позитивизме начала XX века	96
ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО	
■ Ипостаси образования	
<i>П.И. РЫСАКОВА (С.-Петербург).</i> Национальная система образования как агент формирования глобальной идентичности	110
■ Школа философствования	
<i>С.С. ГУСЕВ (С.-Петербург).</i> Начала философии. Раздел II. Что я могу знать? Глава 4. Познание и жизнь. § 7. Почему люди хотят знать	128
НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ	
■ Метаморфозы философии	
<i>В.В. САВЧУК (С.-Петербург).</i> Метафора поворота и философия	135
■ Проективный философский словарь <i>Словарные статьи (Выпуск 10)</i>	
<i>Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ (С.-Петербург).</i> Воля, Креативность,	

Онтологический импульс, Онтофания свободы	151
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
■ Обзоры, объявления, сообщения	
Дни Петербургской философии – 2010	157
«ФН» № 11	
КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ	
■ Социокультурные векторы цивилизационного развития	
<i>Ж.Т. ТОЩЕНКО.</i> Цивилизация. Опыт социологического анализа	5
<i>Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ (С.-Петербург).</i> Глобализация, постчеловечность и проблема цивилизационного выбора России	17
<i>Д.В. ТРУБИЦЫН (Чума).</i> Онтологический статус культуры и ее роль в процессе модернизации	36
■ Социум: ценности и смыслы	
<i>В.Г. ФЕДОТОВА.</i> Механизмы ценностных изменений общества	53
<i>И.И. МЮРБЕРГ.</i> Либерализм и проблема современной свободы: между утилитаризмом и кантианством	64
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПОЗНАНИЕ	
■ Философское измерение	
<i>О.Н. СТОЛЯРОВА.</i> Расширение когнитивного и вопрос о социальном контексте	78
<i>Е.Н. КНЯЗЕВА.</i> Конструктивистская эпистемология	88
<i>А.Л. АЛЮШИН.</i> Концепция когнитивных кадров	104
ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ	
■ Год Франции в России	
<i>И.С. ВДОВИНА.</i> Философия Франции в Институте философии (вторая половина XX века и первое десятилетие XXI века)	116
ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО	
■ Ипостаси образования	
<i>А.В. ЯСТРЕБЦЕВА.</i> Университетская академическая свобода	130
■ Школа философствования	
<i>С.С. ГУСЕВ (С.-Петербург).</i> Начала философии. Раздел II. Что я могу знать? Глава 4. Познание и жизнь. § 8. Почему люди хотят знать	143
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
■ Обзоры, объявления, сообщения	
<i>Ю.Г. РОССИУС.</i> Франция – Россия 2010: философская ретроспектива и взгляд в будущее	148

PHILOSOPHY, SCIENCE, AND THE HUMANITIES, 2010. CONTENTS, №№ 1-11

«PSH» № 1

RUSSIA'S CIVILIZATIONAL CHOICE: PHILOSOPHY OF MODERNIZATION

■ Dominant	
<i>KH.E. MARINOSYAN.</i> Philosophy of Modernization: From Discourse of Nationalism to Imperative of Internationalism, or from National Discourse to International Imperative	5
PHILOSOPHICAL FORUM	
■ Culture as a Resource and Barrier for Innovational Development	
<i>THE EDITORIAL.</i> Political Culture and Innovational Development	13
<i>A.Y. SUNGUROV (St. Petersburg).</i> Innovations and their Diffusion: To the Possibility of Using a Conception in the Social and Political Sphere	15
<i>A.P. DAVIDOV.</i> Inversion as the Cultural Reason for Cyclic Recurrence in Development (to the Question of the Object of Deconstruction in Russian Culture)	25
<i>M.Y. MIZULIN.</i> May Innovational Political Development be Possible in Modern Russia?	30
<i>G.G. POCHEPSOV (Ukraine).</i> Political Innovation and Overcoming of Barriers of Mass Consciousness	37
<i>G.L. TULCHINSKY (St. Petersburg).</i> Identificational Search in the State of Uncertainty	51
<i>V.V. KOSTYUSHEV (St. Petersburg).</i> Identification search in a condition of uncertainty a state of uncertainty	73
Thinking about the problem	
<i>Alexander SUNGUROV (St. Petersburg), Georgi POCHEPSOV (Ukraine), Mihail MIZULIN, Grigori TULCHINSKI (St. Petersburg)</i>	78
Round Table	
<i>I.V. ARTYHOV, I.I. ASHMARIN, S.N. KONYAEV, V.E. LEPSKY, V.I. MOISEEV, V. PRIDE, V.M. ROZIN, G.B. STEPANOVA, Y.V. HEN.</i> Social and Political Aspects of Nanomedicine: Perspectives, Problems, Risks	84
RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT: HISTORY and MODERNITY	
<i>N.A. KUTSENKO.</i> The Problem of Tradition in Russian Philosophy	102
<i>A.P. SCHEGLOV.</i> Old Russian Ideas of Evil as a Reason for Emergence of the Time	113
EDUCATION AND SOCIETY	
■ New Technologies	
<i>B.I. FYODOROV (St. Petersburg).</i> The System of Knowledge Control as a Means of Teaching and Developing the Intellect of Students (<i>continued</i>)	125
<i>E.B. ABDULLIN, E.V. NIKOLAEVA.</i> About Philosophy of Musical Education: Essence, Destination, Direction	144
SCIENTIFIC LIFE	
■ In the Academy for research into the Humanities	
Books issued by «Humanity» Publishing House in 2009	154
MEMORIA	
<i>V.V. STAROVOYTOV.</i> In the Memory of the Teacher. Feohary Harlampievitch Kessidi	155
«PSH» № 2	
PHILOSOPHICAL FORUM	
■ Ahieser Readings	
First Session	
<i>THE EDITORIAL.</i> Searching a theory of Russian civilization	5
<i>Yu.S. PIVOVAROV.</i> To Editorial Council and Editorial board of «Philosophy, Science, and the Humanities» Journal	8

A.A. PELIPENKO. Features of Russian civilization image	9
I.G. JAKOVENKO. Dialogue through confrontation...	15
Yu.N. AFANASJEV. Oprichnina state and the Bolshevist nano-capitalism	21
G.L. TULCHINSKY (St. Petersburg). Did the Russian pendulum come to stop? Searching a new institutional matrix	41
V.M. ROSIN. Fear of uncertainty...	48
I.V. SLEDZEVSKY. Civilization theory in modern Russia: between civilization self-consciousness and scientific cognition	58
I.N. IONOV. Necessity of dialogue between the Ahieser School and Western civilization theory	63
A.P. DAVYDOV. Social and cultural factors of civilization dynamics in Russia	68
■ Modern Postnonclassical Practices	
Round Table	
I.V. ARTYUKHOV, V.E. VOJTSEKHOVICH (Tver), S.N. KONYAEV, V.I. MOISSEEV, V. PRIDE, L.E. ROMANOV, V.M. ROZIN, J.I. SVIRSKY, A.V. SHELDYAKOV. Social and philosophical aspects of nano-medicine: Perspectives, Problems and Risks (The end)	80
■ PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT	
■ Philosophical Dimension	
N.M. SAVCHENKOVA (St. Petersburg). Narcissism and new mechanisms of meaning formation in the culture	89
L.G. PUGACHEVA. The body intellect: a step to reality «here and now» (Part 1)	104
■ NEW TECHNOLOGIES	
B.I. FEDOROV (St. Petersburg). Possibilities and Perspectives of objective marks in the Intellect school (The end)	124
■ Projective Philosophical Dictionary	
Dictionary Items (Issue number 5)	
V.I. PRZHILENSKY (Stavropol). Degeometrization of thinking, Neo-european idea of reality, Post-theoretical thinking, Philohyponia, Fundamental philosophical imitation, Philosophical dimension	140
■ Reviews, Annotations and Feedback	
E.V. ZOLOTUKHINA-ABOLINA (Rostov on Don). I.T. Kasavin. Text, discourse and context	148
G.L. TILCHINSKY (St. Petersburg). L.S. Klein. It is difficult to be Klein	153
■ Surveys, Announcements and other Information	
The 3rd Russian Culturological Congress	156
«PSH» № 3	
■ PHILOSOPHICAL FORUM	
Ahieser Readings	
Second session	
THE EDITORIAL. Grounds and Structure of Russian Mentality	5
A.A. GUSEINOV. To Editorial Council and Editorial board of «Philosophy, Science, and the Humanities» Journal	6
A.A. PELIPENKO. Russian System in the scales of history	7
I.V. KONDAKOV. The Mental dominant of Russian civilization	23
V.M. ROZIN. The Meaning of Russian mentality and spirituality	33
E.S. KULPIN-GUBAIDULLIN. Civilizational «Gordian knot» of Russia	42
I.G. MIKHAILOVA (St. Petersburg). Reproduction specificity of Russian and Germanic-Scandinavian mentality	56
G.L. TULCHINSKY (St. Petersburg). Russian culture: special features and perspectives	63
A.P. DAVYDOV. Grounds and Structure of Russian Mentality under conditions of modernization (Summing up)	73

■ Culture of Powership	
A.E. RAZUMOV. Metamorphoses of «power vertical» in Russian history	85
■ PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT	
■ Philosophical dimension	
L.G. PUGACHOVA. The body mind: step into reality «Here and Now» (Part 2, the end)	101
■ Literature: philosophical reflection	
V.K. KANTOR. Petersburg of Dostoyevski – the unsunken Atlantis	117
S.G. KOZLOVA. Turgenev's «Phantoms»: problem of Russian Europeanism	125
■ PANORAMA OF THE WORLD PHILOSOPHICAL THOUGHT	
■ Foreign Philosophy. Modern view	
E.L. SKVORTSOVA. East and West in the new aesthetics of Japan philosopher Imamity Tomonobu	132
■ EDUCATION AND SOCIETY	
■ Pedagogical search	
P.V. STEPANOV. Is there a connection between Science and Practice in the Sphere of education?	147
A.P. SHPONA (Lavia). School as a model of self-development and cooperation	151
■ SCIENTIFIC LIFE	
■ Reviews, annotations and feedback	
A.P. LUSY. N.S. Avtonomova. Cognition and translation. Experiments of language philosophy	154
«PSH» № 4	
■ PANORAMA OF THE WORLD PHILOSOPHICAL THOUGHT	
■ Foreign Philosophy. Modern View	
Three silhouettes in the light of double star – life and culture	
V.P. VIZGIN. Life as philosophical idea: Diltey – Nietzsche – Bergson. On the statement of problem	5
■ HUMAN SCIENCES	
■ Psychoanalysis: Anatomy of Creation	
N.S. AVTONOMOVA. Psychoanalysis Dictionary. Conceptual languages and translation problem	16
V.V. STAROVOITOV. Psychoanalysis and arts creation	35
■ From the History of Psychoanalysis: the unknown past	
A.A. PRUZHININA. Aron Salkind. Manifest of sexual revolution	43
S.N. KORSAKOV. New facts about A.B. Salkind	51
A.B. Salkind: Autobiography, Personal leaf, Testimonial	56
Yu.S. PETROSYAN (Tver). «Little man» without case (Graphological portrait)	63
■ Phenomenon of sexuality	
THE EDITORIAL. Is Sexology a science?	74
E.A. KAHCHENKO. Sexual culture	76
L.M. SHCHEGLOV (St. Petersburg). Eros in the mirror of culture	84
S.T. AGARKOV. Evolutionary theory and Narcissism	94
■ Gender Approach	
M.A. PRONIN. Femal's sexuality: philosophical and anthropological essay	99
O.N. PAVLOVA. Crisis of feminine identity	111
■ Philosophical dimension	
V.A. SULIMOV (Syktyvkar). Self-substantiation in modern intellectual sphere	119
■ EDUCATION AND SOCIETY	
■ Pedagogical search	
A.O. KARPOV. Modern education and knowledge	126
■ OUR CONGRATULATIONS	
N.S. AVTONOMOVA. Welcoming speech by presentation of Andrej Bely prize	139
■ SCIENTIFIC LIFE	
■ Surveys, Announcements and other Information	
N.D. SHMELEVA. Problems of Russian Self-consciousness: Archaic, Traditional and Innovational principles	143

■ Memorable dates	
The 135th birthday of I.D. Ermakov, The 120th birthday of V.F. Schmidt	152
■ Editorial Project	
Archives of Prof. I.D. Ermakov	154
■ Memoria	
Anatoly Solomonovich Karmin	157
«PSH» № 5	
PANORAMA OF THE WORLD PHILOSOPHICAL THOUGHT	
■ Foreign Philosophy. Modern View	
<i>Three silhouettes in the light of double star – life and culture</i>	
V.P. VIZGIN. First silhouette: Wilhelm Dilthey	5
PHILOSOPHY OF CONFLICTS	
■ Subculture in closed societies	
THE EDITORIAL. On the verge of criminality	21
Yu.M. ANTONYAN, E.N. KOLYSHNITSYNA. The man in prison	23
V.M. ROZIN. Is there an alternative to traditional understanding of punishment and prison practice?	35
N.P. IVANOVA, E.N. DRYGINA. Russian Orphanages in the past, present and future	46
I.M. MATSKEVICH. Military community: negative and positive aspects	60
E.A. ANTONYAN. Criminal subculture of prisoners	72
HUMAN SCIENCES	
■ Phenomenon of sexuality	
V.M. ROZIN. On the difference between love and sexuality (from romantic love to «creative» affection)	82
E.A. KASHCHENKO, M.P. MELNICHENKO. On the category of «sexual attraction»	97
S.T. AGARKOV. Pornography-2010: Philosophy of common sense	110
EDUCATION AND SOCIETY	
■ Philosophizing school	
THE EDITORIAL. Philosophy – to schools	117
B.I. LYPSKY (St. Petersburg). What is philosophy? Introduction. World of philosophy, Chapter 1. The Origin of philosophy. § 1. The birth of myth	121
THE NEW IN PHILOSOPHY	
■ Projecting Philosophical Dictionary	
<i>Dictionary items (Issue 6)</i>	
V.V. SAVCHUK (St. Petersburg). Icons turn; Communicant	134
SOCIAL SCIENCES	
■ The 50th birthday of scientific creative work	
Z.T. GOLENKOVA, A.P. DAVYDOV. Sociology today: methodological deadlock or new Renaissance?	144
SCIENTIFIC LIFE	
■ Reviews, annotations and feedback	
G.Ch. SINCHENKO (Omsk). P.V. Alexeev. Russian philosophers in the early 21th century	157
«PSH» № 6	
PANORAMA OF THE WORLD PHILOSOPHICAL THOUGHT	
■ Foreign Philosophy. Modern View	
<i>Three silhouettes in the light of double star – life and culture</i>	
V.P. VISGIN. Second silhouette: Fridrich Nietzsche	5
METHODOLOGY OF CONVERGENT TECHNOLOGIES	
■ Synergies of communicative world	
THE EDITORIAL. On the way to the methodology of complexity	21
V.I. ARSHINOV, V.G. GOROKHOV. Social dimension NBIC-interdisciplinarity	22
V.V. CHEKLETSOV. Topological version of posthuman personology: to	

reasonable landscapes	36
A. GRUNWALD (Germany). Nanoparticles and principle of precaution	54
D.B. REUT. SEMINARIUM collective subject of longitude time	70
PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT	
■ Philosophical Dimension	
M.N. EPSTEIN (USA). Theology of the first person: personalistic argument of God being	80
O.A. LAVRENOVA. Cultural landscape as a metaphor	92
■ Philosophy and Music	
N.A. GOLINEVICH. Logos and melos of philosophy	102
A.C. KLUYEV (St. Petersburg). Philosophy of Music in synergetic manner	114
O.V. SHELYAKIN. Sound and colour as languages of cognition and spiritual-moral learning means of the world	129
EDUCATION AND SOCIETY	
■ School of philosophizing	
B.I. LIPSKY (St. Petersburg). What is philosophy? Chapter 1. The beginning of philosophy. § 2. Myth and philosophy	137
NEW IN PHILOSOPHY	
■ Projecting philosophical dictionary	
<i>Dictionary items (issue 7)</i>	
V.V. SAVCHUK (St. Petersburg), G.L. TULCHINSKY (St. Petersburg), G.R. KHAIDAROVA (St. Petersburg). Pain, Visceral understanding and philosophizing, Hypoorodynamics and odeurodeficit, Colpocentrism	146
SCIENTIFIC LIFE	
■ Reviews, annotations and feedback	
L.S. SUVOROVA. Pugacheva L.G. Evolution of human intelligence as an epistemological problem	152
■ Memoria	
Anatoly Ivanovich Utkin	158
«PSH» № 7	
PANORAMA OF THE WORLD PHILOSOPHICAL THOUGHT	
■ Year of France in Russia	
A.M. RUTKEVICH. French philosophy in Russia	5
N.S. AVTONOMOVA. Claude Levi-Stross, anthropologist and philosopher	10
I.S. VDOVINA. Paul Ricoeur on the necessity of elaboration of philosophical theory of recognition	25
A.V. YASTREB'TSEVA. J.-L. Marion as phenomenologist and historian of philosophy	40
M.V. MASARSKY. Intersubjectivity and transsubjectivity: Levinas, Poincare, Bergson, Prigozhin	50
■ Foreign Philosophy. Contemporary View	
<i>Three silhouettes in the light of double star – life and culture</i>	
V.P. VISGIN. Third silhouette: Henri Bergson	65
MAN AND WORLD	
■ Faces of culture	
K.E. RASLOGOV. Cinema – ethnography – anthropology	80
HUMANITARIAN EXAMINATION	
■ Philosophical dimension	
S.A. MALYAVINA. Management of understanding: technological configurations	91
D.V. REUT. Quality of life and procreation	103
EDUCATION AND SOCIETY	
■ School of philosophizing	
B.I. LIPSKY (St. Petersburg). What is philosophy? Chapter 2. Philosophical attitude to the world. § 3. Sympathy and understanding	
§ 4. Subject of philosophical knowledge	119

NEW IN PHILOSOPHY	
■ Projecting philosophical dictionary	
<i>Dictionary items (issue 8)</i>	
V.V. SAVCHUK (St. Petersburg), G.L. TULCHINSKY (St. Petersburg). Logos pose, Spatial turn, Bodycentrism, Topological reflection	136
SCIENTIFIC LIFE	
■ Reviews, annotations and feedback	
V.A. BAZHANOV (Ulyanovsk), N.G. BARANETS (Ulyanovsk), A.A. TIKHONOV (Ulyanovsk). Encyclopaedia of epistemology and philosophy of science	150
■ Surveys, announcements and other information	
A.V. YASTREB'TSEVA. French philosophy in Russia: some totals and research perspectives	155
■ Days of ethnographical cinema	157
«PSH» № 8	
PHILOSOPHICAL FORUM	
■ Religion and World Today	
THE EDITORIAL. Religious culture or secular ethics: pro and contra	5
J.T. TOSHCHENKO. Delayed-action mine	6
A.V. RAZIN. Ethics as a secular academic discipline	22
N.A. HAPHISOVA (Perm). Uvarov lived, Uvarov lives; Will Uvarov live?	35
N.N. SLONOV (Saratov). Intheism: between theism and atheism	47
R.A. SILANTYEV. Islamic-Christian dialogue in pre- and Soviet periods	65
D.M. KANAKOV. Phenomenon of religious dogmatism. On approach to the problem	74
PANORAMA OF THE WORLD PHILOSOPHICAL THOUGHT	
■ Year of France in Russia	
E.A. SAMARSKAYA. The Left utopias and social science	84
J.-L. MARION (France). Certain rules in history of philosophy (to be ended)	99
■ Foreign Philosophy. The Modern View	
E.K. ROMANENKO. Language and thinking in philosophical and linguistic studies of W. von Humboldt and H. Steintal	108
PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT	
■ Language, knowledge and understanding	
A.Yu. NESTEROV (Samara). Knowledge-by-description and problem of understanding in context of semiotics	122
■ Philosophy of environment formation	
V.S. LOSEV (Saratov). The cultural and ideological codes of formation of the ecological consciousness	133
EDUCATION AND SOCIETY	
■ School of philosophizing	
B.I. LIPSKY (St. Petersburg). What is philosophy? Chapter 3. What does it mean: to be? § 5. To live and to be	140
NEW IN PHILOSOPHY	
■ Projecting philosophical dictionary	
<i>Dictionary items (issue 9)</i>	
V.V. SAVCHUK (St. Petersburg). Theological turn. Philosophy of something	148
SCIENTIFIC LIFE	
■ Reviews, annotations and feedback	
T.V. SHIPUNOVA (St. Petersburg). I.L. Polotovskaya. Death and suicide: Russia and the World	150
■ Surveys, announcements and other information	
M.Yu. REUTIN. German mysticism of the late Middle Ages: individual experience – perspectives of scientific research	155
«PSH» № 9	
PHILOSOPHY OF ECONOMICS	
■ Economics and social knowledge	

I.N. SIZEMSKAYA. Innovative economics: social and cultural basis	5
A.V. BUSGALIN. Russia – another strategy	9
E.A. KARTSEV. Social and cultural preconditions of innovative development	25
Y.V. OLEYNIKOV. Social aspect of actual technical and technological modernization	37
PANORAMA OF THE WORLD PHILOSOPHICAL THOUGHT	
■ Year of France in Russia	
J.-L. MARION (France). Certain rules in history of philosophy (the end)	50
V.P. VISGIN. Philosophy of causality by Gabriel Marcel	60
J.-M. Le BLON. Preface to collected works «On knowledge of God»	63
G. MARCEL. God and causality	64
PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT	
■ Philosophical dimension	
R.K. OMELCHUK (Irkutsk). Etymological analysis of belief concept. Ontological approach	72
A.N. FATENKOV (Nishny Novgorod). Ontological justification of monism in the light of the idea of moving hierarchy	87
■ Philosophy of the digital world	
A.V. YUHVID. Virtuology: ontological and philosophical aspects	103
S.A. KOROLEV. Parallel life: the person on Internet	112
EDUCATION AND SOCIETY	
■ School of philosophizing	
B.I. LIPSKY (St. Petersburg). What is philosophy? Chapter 3. What does it mean: to be? § 6. Modus of being	129
OUR CONGRATULATIONS	
■ The 80th anniversary of Nikolay Ivanovich Kiyashchenko!	
Kh.E. MARINOSYAN. Aesthetics of life – life in Aesthetics	138
E.N. SHAPINSKAYA. Mass culture and mass art: Pro and Contra	139
V.I. SAMOKHVALOVA. Creativity as a principle of anthropogenesis	142
T.B. LYUBIMOVA. Tolerance in the culture and globalization process	146
N.I. KIYASHCHENKO. Meetings with great cultural personalities	151
N.I. VORONINA (Saransk), K.Z. AKOPYAN, T.S. ZLOTNIKOVA (Yaroslavl), G.M. TSIPIN. Not indifferently to Not indifferent (Person)	155
«PSH» № 10	
DAYS OF PETERSBURG PHILOSOPHY	
■ The Future of Russia: Strategy of philosophical comprehension	
Yu.N. SOLONIN (St. Petersburg). Philosophical faculty: achievements – looking to the future	5
PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT	
■ Faces of culture	
K.V. LOSHCHEVSKY (St. Petersburg). Topos of Utopia: spatial metaphors in modern European social constructings	7
A.K. SEKATSKY (St. Petersburg). Glamour civilization and its avantgarde	20
MAN AND WORLD	
■ Philosophical anthropology	
E.V. ZAKHAROVA (Samara). Phenomenology of Incomplete Being	30
E.K. KRASNUKHINA (St. Petersburg). Narcissism of desire and philosophy of identity	37
■ Aspects of Ethics	
I.I. MAVRINSKY (St. Petersburg). The transformation of subjectivity in practice of deed: theoretical relationship	51
N.V. KUZNETSOV (St. Petersburg). Magic and Mythological Sources of Moral Consciousness	58
PANORAMA OF THE WORLD PHILOSOPHICAL THOUGHT	
■ Foreign Philosophy. The Modern View	
M.A. SEKATSKAYA (St. Petersburg). Physical determinism and free will:	

Cartesian solution	65
<i>O.A. KOVAL (St. Petersburg)</i> . Productive ability of imagination in Kantian transcendental schemata	81
■ On history of Russian Philosophy	
<i>A.E. RYBAS (St. Petersburg)</i> . Problems of language philosophy in Russian positivism at the beginning of the 20th century	96
EDUCATION AND SOCIETY	
■ Hypostases of Education	
<i>P.I. RYSAKOVA (St. Petersburg)</i> . National education system in the formation process of global identity	110
■ School of philosophizing	
<i>S.S. GUSEV (St. Petersburg)</i> . Basics of philosophy. Part II. What can I know? Chapter 4. Cognition and Life. § 7. Why people wish to know	128
NEW IN PHILOSOPHY	
■ Metamorphoses of Philosophy	
<i>V.V. SAVCHUK (St. Petersburg)</i> . Metaphor of turn in philosophy	135
■ Projecting Philosophical Dictionary	
<i>Dictionary items (issue 10)</i>	
<i>G.L. TULCHINSKY (St. Petersburg)</i> . Will, Creativity, Ontological impuls, Ontophania of freedom	151
SCIENTIFIC LIFE	
■ Surveys, announcements and other information	
Days of St. Petersburg Philosophy – 2010	157
«PSH» № 11	
CULTURE AND CIVILIZATION	
■ Social and cultural vectors of civilizational development	
<i>Zh.T. TOSHCHENKO</i> . Civilization: experience of sociological analysis	5
<i>G.L. TULCHINSKY (St. Petersburg)</i> . Globalization, post-humanity and problem of civilizational choice of Russia	17
<i>D.V. TRUBITSYN (Chita)</i> . Ontological status of culture and its role in modernization process	36
■ Society: values and meanings	
<i>V.G. FEDOTOVA</i> . Mechanisms of the value transformations in society	53
<i>I.I. MYRBERG</i> . Liberalism and problem of modern freedom: between utilitarianism and Kantianism	64
REALITY AND COGNITION	
■ Philosophical dimension	
<i>O.N. STOLYAROVA</i> . Extension of cognitive sphere and problem of social context	78
<i>H.N. KNYAZEVA</i> . Constructivist epistemology	88
<i>A.L. ALYUSHIN</i> . Conception of cognitive cadres	104
PANORAMA OF THE WORLD PHILOSOPHICAL THOUGHT	
■ Year of France in Russia	
<i>I.S. VDOVINA</i> . Philosophy of France at the Institute of Philosophy (second half of the 20th and early the 21st century)	116
EDUCATION AND SOCIETY	
■ Hypostases of education	
<i>A.V. YASTREBTSOVA</i> . University academic freedom	130
■ School of philosophizing	
<i>S.S. GUSEV (St. Petersburg)</i> . Basics of philosophy Part II. What can I know? Chapter 4. Cognition and life. § 8. Idea of truth	143
SCIENTIFIC LIFE	
■ Surveys, announcements and other information	
<i>Yu.G. ROSSIUS</i> . France and Russia: philosophical retrospection and looking to the future	148

Наши авторы

Ань Цинянь – профессор Института философии Китайского Народного университета (г. Пекин).

Буров Владилен Георгиевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Вдовина Галина Владимировна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских проблем истории науки Института философии РАН.

Вдовина Ирэна Сергеевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

Гребенщикова Елена Георгиевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Курского государственного медицинского университета.

Гусев Станислав Сергеевич – доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургской кафедры философии Академического университета – Научно-образовательного центра нанотехнологии РАН.

Киселева Марина Сергеевна – доктор философских наук, профессор, заведующая сектором методологии междисциплинарных исследований человека Института философии РАН.

Кнященко Лариса Павловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, биомедицинской этики и гуманитарных наук Московского государственного медицинского стоматологического университета (МГМСУ), ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Лехциер Виталий Леонидович – доктор философских наук, профессор кафедры философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета.

Лоран Жером – профессор университета г. Каэн (Франция).

Моисеев Вячеслав Иванович – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии биомедицинской этики и гуманитарных наук Московского государственного медицинского стоматологического университета (МГМСУ).

Руткевич Алексей Михайлович – доктор философских наук, профессор, декан факультета философии Государственного университета – Высшей школы экономики, заведующий сектором современной западной философии Института философии РАН.

Тавризян Гаянэ Михайловна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

Тищенко Павел Дмитриевич – доктор философских наук, заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН.

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Российской академии государственной службы при Президенте РФ (РАГС), заведующий сектором философских проблем политики Института философии РАН.

Эпштейн Михаил Наумович – профессор теории культуры и русской словесности университета Эмори (Атланта, США). Лауреат премий Андрея Белого (1991), Лондонского Института социальных изобретений (1995), Международного конкурса эссеистики (Берлин – Веймар, 1999), «Liberty» (Нью-Йорк, 2000).

Юдин Борис Григорьевич – член корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН.

CONTENTS

PANORAMA OF THE WORLD PHILOSOPHICAL THOUGHT

Year of France in Russia ■

<i>THE EDITORIAL</i>	French philosophy in Russia: The modern turn	5
<i>J. LORAN (France)</i>	The antique and medieval philosophy (the French investigations 1990 – 2010)	6
<i>G.V. VDOVINA</i>	French researchers on the post-medieval Scholasticism	14
<i>G.M. TAVRISJAN</i>	Existentialism and human freedom	20

HUMANITARIAN EXAMINATION

Philosophy and Science ■

<i>L.P. KIYASHCHENKO, P.D. TISHCHENKO</i>	New type of knowledge production and problem of Responsibility in biology and medicine in the 21 st century	38
<i>P.D. TISHCHENKO</i>	Bioethics, society of risk and challenge heuristics	42
<i>L.P. KIYASHCHENKO</i>	Transinstitutional matrix of Innovative community	50
<i>B.G. YUDIN</i>	On the ethos of technoscience	58
<i>E.G. GREBENSHIKOVA (Kursk)</i>	Mode 2 of the knowledge production and problem of responsibility	67
<i>V.I. MOISEEV</i>	Axio-ontologies of ethics and biomedicine: experience of Transdisciplinary reconstruction	75

EDUCATION AND SOCIETY

School of philosophizing ■

<i>S.S. GUSEV (St. Petersburg)</i>	Basics of philosophy Part II. What can I know? Chapter 5. Science and scientific Paragraph 9. The scientific world picture. Paragraph 10. «Spiritual» and «natural» sciences	84
------------------------------------	---	----

NEW IN PHILOSOPHY

Philosophical Neologism ■

<i>M.N. EPSTEIN (USA)</i>	On the Projective Approach to Language. The Neology of Time	94
---------------------------	--	----

Projecting philosophical dictionary ■

<i>V.I. LECHTSIER (Samara)</i>	<i>Dictionary Items (Issue 11)</i> Inexpressible, Poetics of Draft, Triologue, Existential Algodicy	112
--------------------------------	---	-----

MEMORIA

<i>V.N. SHEVCHENKO</i>	The 90 th anniversary of Vladislav Kelle V.J. Kelle and three discussions in the seventies of the 20 th century	116
<i>AN TSINJAN (China)</i>	My understanding of Kelle	121
<i>M.S. KISELEVA</i>	Being and Time of professor Vladislav Kelle	128

PHILOSOPHY, SCIENCE AND HUMANITIES, 2010	Contents №№ 1 – 11	141
	On our authors	159